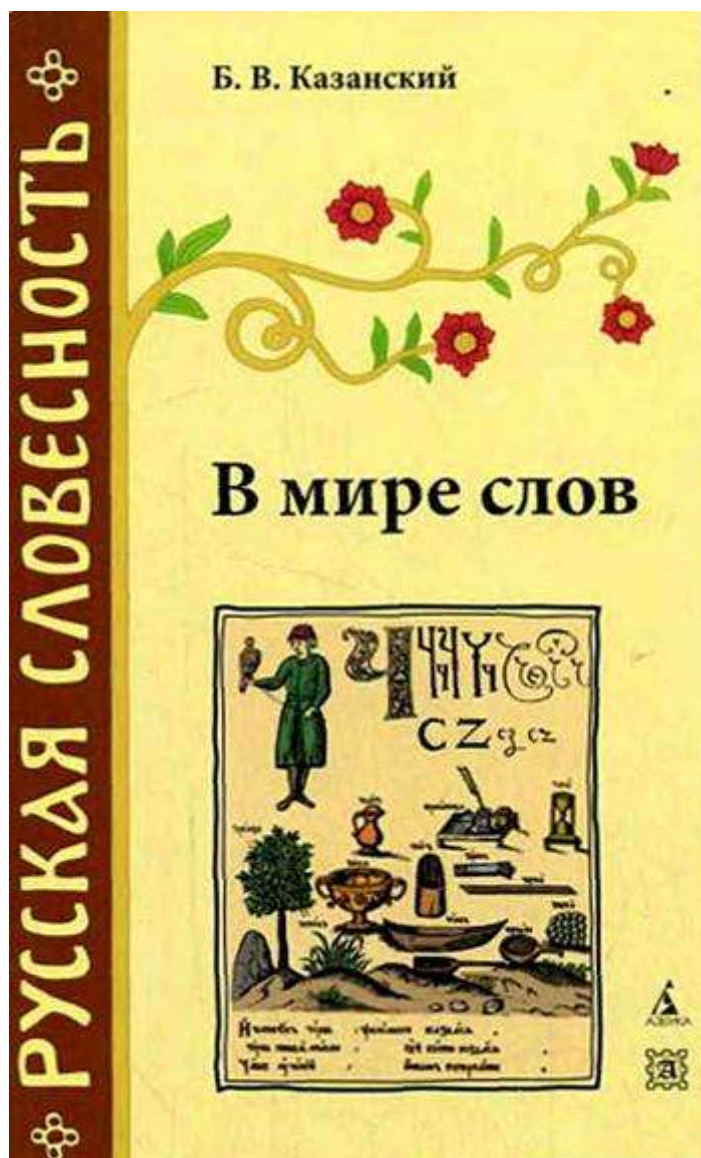

Борис Васильевич Казанский
В мире слов

OCR: В. Г. Черновол

«В мире слов»:
Авалонъ, Азбука-классика; СПб; 2008; ISBN 978-5-903605-16-3, 978-5-352-02279-5

Аннотация

В книге, написанной известным филологом, в популярной форме рассказывается, как возникает речь, как мы учимся говорить, каким количеством звуков обходимся, какие образы возникают в нашем сознании, когда мы произносим слова. Идет также речь о происхождении слов. Материалы, подобранные со знанием дела, подаются в живой манере, они интересны и доступны пониманию массового читателя.

Слово и дело

Копаясь в архивах, наткнулся я на книжку славную... Как-то так сказано у Пушкина, которого мы вспоминаем каждый раз – вольно или невольно, – приступая к разговору о русской словесности в частности и о языке в целом. Я действительно наткнулся на работу Б. В. Казанского – сначала на ее название; правда, не в архиве, а в списке использованной литературы: в одном из довольно старых лингвистических исследований автор прилежно перечислил еще более старые труды своих предшественников и учителей. Имеет ли смысл возвращаться к научно-популярной литературе пятидесятилетней давности? Язык меняется, в последнее время эти изменения приобрели стремительный и, иногда кажется, губительный характер для русского языка, и, видимо, сегодня должны прозвучать новые идеи, произойти современное осмысление... Затеявая свою «Русскую словесность», мы обратились к новому поколению языковедов – к студентам, аспирантам, молодым преподавателям, у которых в силу исторических перемен появилась возможность пользоваться любыми источниками, копать глубоко, говорить смело, без оглядки на ложных идолов от языкознания и без страха перед политическими истуканами. Но призыв к младому поколению прозвучал гласом вопиющего в пустыне: в портфеле издательства не появилось ничего стоящего... честно говоря, вообще ничего не появилось; видимо, в силу тех же исторических перемен более обеспеченное бытие прирастило сознание сегодняшних россиян ко всему приятно-развлекающему, неглубокому, недалекому, неотягощающему... и сиюминутному. Все, что вышло до сих пор в «Русской словесности» – это переиздания заметных, достойных работ, созданных, кстати, вопреки тогдашним ложным идолам и политическим истуканам...

Труд Б. В. Казанского, когда мне удалось познакомиться не только с его названием – «В мире слов», но и с его содержанием, оказался именно тем, что Пушкин называл славной книжкой. Как и другие языковеды, автор говорит, что язык – нечто живое, но, в отличие от многих других, он не превращает его в своем исследовании в мумию для препарирования. Мир слов – необъятен, и пишущий, рассчитав свои силы, отобрал для рассказа немногие темы. Это получился именно рассказ: о словах-валунах и словах-эмигрантах, об обрусевших иностранцах и перекрещенцах, об алхимии, алкоголе и английском портере, о шумовке, которая, как нам кажется, как-то связана с шумом, но чье название, оказывается, происходит от немецкого слова, обозначающего пену...

Борис Васильевич Казанский (1889–1962) был литературоведом и переводчиком. В 1913 году он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, работал в этом университете на кафедре классической филологии. Он исследовал античную литературу и творчество Пушкина.

Книга «В мире слов» была напечатана впервые в 1958 году. По прошествии пяти десятилетий она украсила нашу «Русскую словесность».

К. Васильев

Могущество слова

Мы начинаем говорить в таком раннем возрасте и так исподволь, что и не помним, как это было, да и не задумываемся над этим. Говорить для нас так же естественно, как ходить. Это не то, что игра на скрипке или хотя бы вязанье.

Но попробуйте спросить себя: как это получается, что мы говорим? Что такое слово? И оказывается, что речь – такая сложная и хитрая штука, с которой не сравнится самый мудреный механизм. И что слово, пожалуй, самая удивительная вещь на свете.

Нетрудно понять, что можно усвоить в точности сотни различных движений руками, необходимых рабочему. Эти движения видимы; их направляет и проверяет глаз; они обрабатывают осязательный материал, которому требуется придать известную форму; они создают определенную вещь, которую можно оглядеть, ощупать, взвесить, измерить, испытать разными способами;

наконец, они производятся с помощью орудий, приборов, станков, специально назначенных для этого.

Но механизм нашей речи составляют такие приспособления, которые предназначены от природы для другой цели: губы, язык, зубы, гортань, легкие. И материалом служит здесь нечто невидимое и неосязаемое – дух. И производятся при этом слабые неопределенные шумы, длящиеся лишь мгновенье. Какая тут может быть точность?

Попробуйте подметить, например, чем отличается произношение звука **т** от **л** или **д**, – вряд ли это вам удастся. А между тем вы никогда не ошибетесь и не скажете **таскать** вместо **ласкать** или **тоска** вместо **доска**.

А слово? Разве не удивительно, что комбинация маленьких шумов имеет смысл, понятный миллионам людей? Вот вы слегка шевелите губами, языком, нижней челюстью, чуть напрягаете гортань – и окружающие понимают ваши желания, чувства и мысли. Как это происходит? Как создались, откуда взялись названия всем вещам, выражения для всяких ощущений и понятий?

Мало того, вы можете молчать – и все же слова как-то проходят в вашем сознании, как будто мы говорим даже молча. И не то, чтобы вы разговаривали сами с собой, нет – вы просто думаете. Оказывается, мысль – это речь внутри нас, немая речь. Разве это не удивительно?

Попробуйте представить себе, что осталось бы вокруг нас, если бы не было речи? Не было бы общения между людьми, то есть не было бы общества, не существовали бы письмо и печать, а с ними литература и наука; не было бы мысли, не было бы культуры, не было бы человека! А ведь речь – это только легкий шум, только ряд слабых сотрясений воздуха на пространстве немногих метров, – казалось бы, нечто совершенно ничтожное. Однако смотрите, какие грандиозные результаты достигнуты благодаря речи!

Слово может ранить сильнее, чем нож, отравить смертельнее, чем яд. Оно может потрясти массы людей, побудить к действию целые народы. Тысячи пушек, взрывы сотен тонн динамита, усилия миллионов рук не могут сравниться с силой слова. Разве это не удивительно?

Откуда эта всесильная, почти волшебная власть? Недаром в старину люди верили в колдовскую силу заклинания, проклятия, молитвы.

Слово существует физически только в нашем дыхании, в нашем голосе, в движениях языка и губ, в каких-то мозговых процессах. Все это мимолетно, неуловимо, призрачно, как тень от пролетевшей птицы. И однако слова так же реальны, как окружающие нас вещи. Это не наши личные, произвольные изобретения. Слова существуют независимо от каждого из нас. Их форма и значение общеобязательны и незыблемы. Они очень древни – древнее государств и городов, древнее самых древних вещей, которые находят в археологических раскопках и хранят в музеях. Слова, можно сказать, самая древняя «вещь» на свете. Тысячи лет тому назад наши предки произносили те же слова, что и мы, – **есть и пить, я и ты, мать и дочь, солнце и море**.

Слова действительно «прочнее бронзы и древних пирамид», как говорил о своих стихах римский поэт Гораций почти 2000 лет тому назад. Разве это не удивительно?

Глава I КАК МЫ ГОВОРИМ

1. Фабрика речи

Рот служит от природы для того, чтобы хватать, кусать и жевать пищу. Это что-то вроде мясорубки. Но человек использовал его для новой, совершенно другой цели – для речи. Он превратил эту мясорубку в своеобразный музыкальный и шумовой инструмент: легкие исполняют роль мехов; связки гортани дрожат, вибрируют, как струны, производя звук, который мы называем голосом. Различные положения языка и губ, так или иначе стесняющие или осложняющие течение воздуха через полость рта наружу, формируют звуки.

Как будто просто. Но посмотрите, как тонко работает этот простой инструмент. Чуть больше, чуть меньше раскрываются, растягиваются или выпячиваются губы, немножко круче выгибается спинка языка – и полость рта принимает различные формы, как будто сменяются шесть органных труб различных регистров, и слышатся разные звуки голоса – **а, э, и, о, у, ы** – наши гласные.

Еще замечательнее шумовой аппарат, производящий шумы, которые называются согласными.

Одними губами произносится **б**; прижимая нижнюю губу к верхним зубам, производим **в**; прикладывая язык к верхним зубам – **д**, а несколько иначе – **з**; упирая его в верхнюю десну, получаем **ж**; поднятием спинки языка к нёбу – **г**. Вот и все. Шесть приемов – шесть согласных. И больше не нужно!

В самом деле, оказывается, что **б** отличается от **и**, **в** от **ф**, **д** от **т**, **з** от **с**, **ж** от **ш**, **г** от **к** только тем, что произносятся с напряжением гортани, то есть с вибрацией голосовых связок. Значит, **б** – это просто звонкое **п**, а **п** – это просто безголосое, глухое **б** и т. д. Поэтому шепотом, когда голоса нет, мы можем произнести только глухие звуки.

По той же причине звонкие согласные в русском языке в конце слова и перед глухими согласными переходят в глухие – мы произносим слова **лоб** и **робкий** как **лоп** и **ропкий**, но **лба** и **робость**; **рёф** (рёв) и **гат** (гад), **гаткий** (гадкий), но **рёва** и **гады**; **рок** (рог) и **рас** (раз), но **рога** и **разом**; **муш** (муж), **фторой** (второй), **фставить** (вставить), **претставить** (представить), но **мужья**, **вдеть**, **взамен**, **предоставить**. И, наоборот, глухие согласные перед звонкими озвучиваются, и мы говорим **зделать** вместо **сделать**, **збить** вместо **сбить**, **сгубить** звучит у нас как **згубить**, **сжечь** как **жжечь**; мы произносим **з зарей** (с зарей), **оджать** (отжать), **оддать** (отдать).

Еще любопытнее, что **м** отличается от **п** и **б**, а **н** от **д** и **т** только носовым призвуком; **м** – тот же звук **б**, а **н** – то же **д**, только произнесенные в нос; **м** и **н** звуки носовые.

Наконец, звук **р** производится совершенно так же, как **ж**, только кончик языка при этом вибрирует, **р** – это вибрирующее **ж**. А **л** отличается от **д** тем, что по бокам языка остается узкая щель, по которой проходит воздух.

Видите, какое разнообразие звуков при чрезвычайной простоте средств – всего шесть основных движений языка и губ для согласных! На деле же их получается втрое больше. Все движения использованы так, что самый ученый анатом и лингвист едва ли придумают лучше.

Конечно, это разнообразие, эта расчлененность звуков речи дались человеку не сразу. И теперь еще это дается не сразу ребенку. Звуки младенческого лепета – слитные, вроде **мбблл**, **пфхх**, **кхрр**.

Мы не помним, как научились говорить, – уже в раннем детстве речь наша механизмуется: губы сами собой выпячиваются или подтягиваются, смыкаются или раскрываются, язык делает то или другое движение или принимает нужное положение. Но первоначально каждое отдельное движение требовало сознательного усилия. Больше того, каждое движение нужно было сначала найти, освоить, координировать, сочетать с другими. Это не малая наука. Это, можно сказать, высшая из наук, которую ребенок изучает в течение первых лет жизни.

Понятно, что ребенок научается многому, глядя на старших. Но речь! Тут он может видеть только движения губ – и больше ничего. Не только голосовых связок, но и движения языка он видеть не может. И его не учат специально произнесению звуков, как учат глухонемых. Наставление: «Скажи **па-па**», – не многим помогает ему. В основном ребенок научается говорить сам. Видя, что старшие говорят, и слыша звуки речи, он начинает лепетать в подражание им, сначала без смысла, потом мало-помалу разбираясь в сочетаниях звуков, составляющих слово, и стараясь их воспроизвести.

Но в своих исканиях и упражнениях он может руководствоваться главным образом слухом. Он старается подражать звукам посредством движений губ и языка, – мудреное дело, не правда ли? Ведь это совсем разные вещи. И однако ребенок уже на втором году, а часто и к концу первого, понимает связь звуков с движениями языка и губ, с одной стороны, и значением слова, с другой. И постепенно, контролируя свои старания слухом, он вырабатывает себе своего рода «словарь» речевых движений, образующих слова. Это, конечно, гораздо более сложное дело, чем выучиться читать и писать. Но хотя и подсчитано, что для произнесения одного лишь звука речи, например **м**, требуется участие десятка тысяч мускулов, нервных волокон и узлов, – суть здесь не в технических, двигательных трудностях, а в гораздо более значительных и глубоких процессах.

Ведь и попугая можно научить произносить слова, хотя у него нет ни губ, ни зубов, и язык и полость рта у него совсем другие, чем у человека. Но говорить, то есть высказывать словами свои переживания и мысли, попугай не может.

* * *

Есть своеобразная болезнь – афазия, что значит **безречие**: это как бы паралич речи. Человек теряет способность произносить слова, хотя весь речевой аппарат у него в полной исправности. Он может производить какие угодно движения губами, языком, нижней челюстью, но он утратил умение управлять этим аппаратом так, чтобы производить звуки речи. Он как будто забыл, как это делается. Аппарат цел, но бездействует, как флейта в руках ребенка, не знающего, как с ней обращаться.

В 1861 году французский хирург Брока открыл, что управление речью помещается в определенном участке левого полушария мозга – в нижней извилине лобной доли, отдельно от центров общего управления движениями языка, губ, челюсти и гортани. Поражение этого «центра Брока» и влечет за собой потерю навыков речи.

Бывает и другая форма афазии – как бы речевая глухота. Аппараты слуха – ухо со всеми своими камерами и приборами – могут быть совершенно исправны; человек все слышит, слышит и звуки речи. Но они не сочетаются у него в группы, составляющие осмысленные слова, – они для него так же бессмысленны, как щебетанье птиц. Поражен опять не самый слух, а специальный центр речевого управления слухом, и человек как будто забыл язык.

Этот слуховой центр речи был обнаружен немецким физиологом Вернике в 1874 году в височной извилине левого полушария мозга, тоже отдельно от общего центра слуха.

Очевидно, в обоих случаях – и при речевой, и при слуховой афазии – прекращаются только специальные, умственные функции, необходимые для речи. По-видимому, специальные нервно-мозговые клеточки в центре Вернике действуют наподобие радиоприемников. Они улавливают в звуках речи, получаемых в центрах слуха, сочетания, составляющие слова, – в этом состоит восприятие слов. Соответствующие клеточки в центре Брока подобным же образом переводят слова в соответствующие движения губ и языка.

Как будто просто. Но что такое слова? Что такое понимание? В этом все дело.

2. Значение и образ

Когда я слышу, читаю или произношу слово **собака**, перед моим умственным взором появляются прежде всего два образа – дворняга Нерон, приятель моего детства, и сеттер Сёрри, которого я знал в дни молодости. Эти образы, уже сильно стершиеся, сохранившие только самые типичные черты, – лохматый, желтоватый пес неопределенной породы и каштановый ирландский сеттер. Но прежде это были портреты. Если я останавливаю на них свое внимание, мне вспоминаются встречи с этими друзьями, игры, прогулки и разные приключения. В связи с этим могут вспомниться и разные другие сцены, происходившие в той же обстановке, и люди, с которыми я тогда имел дело. А там придут на ум и впечатления, связанные уже только с этими людьми, а потом и другие – и так можно часами грезить, переходя от одного предмета или события к другому, совсем не связанному с собаками, безвольно отдаваясь потоку грез. Но я могу ограничить воспоминания только темой собаки – припомнить встречи с другими собаками, с которыми я сталкивался или о которых слышал или читал рассказы, и это тоже бесконечная вереница. Наконец, я могу просто фантазировать на эту тему, воображать разные приключения, сочинять целые повести о собаках.

Любое представление, подобно камешку, брошенному в воду, порождает волну, разбегающуюся кругами во все стороны, если внимание не ведет ее в определенном направлении. И никак нельзя предвидеть, куда занесет такой дрейф, – память и воображение безбрежны.

Но я могу и сосредоточиться на слове **собака**. Можно ли представить себе «собаку вообще»? Я отстраняю образы Нерона и Сёрри, и в умственном поле зрения получается что-то вроде передержанной фотопленки, на которую нечаянно заснято несколько собак разных пород – неясные образы сеттера, пойнтера, спаниеля, фокса, таксы, добермана, борзой, пуделя. Свести их в отчетливый и вместе с тем объединенный образ так же невозможно, как нарисовать общий контур таких различных деревьев, как ель, береза, дуб и тополь вместе.

И однако у меня бесспорно имеется общее представление **собаки**.

Еще определеннее обстоит дело с такими понятиями, как **цена, срок, случай, ошибка, разница, давно, завтра, прилагательное, новость, доброта** и другие. Их нельзя увидеть, как

зрительный образ. Тем не менее эти слова понятны нам непосредственно, сразу. Но я тщательно оглядываю поле сознания – я нахожу в нем только слова и уверенность, что я их знаю, – и больше ничего. Как же так? По-видимому, значения слов складываются у нас с раннего детства, образуя своего рода «систему сигналов», на которые наша нервная система отвечает уже автоматическим «рефлексом». И вот при слове **собака** в сознании мгновенно всплывает след образов и впечатлений, хранящихся в нашей памяти. Это неопределенное отражение и есть общее представление собаки.

Но к непосредственным образам добавляются затем и более тонкие связи мысли, выражающиеся в переносных значениях, как **собачья жизнь, собачья погода, деревянная физиономия, железная воля**, а дальше и отвлеченные понятия, обозначающие то или иное отношение, например **завтра**, то есть день, который наступит после ночи, или **ошибиться**, то есть промахнуться, буквально – натолкнуться (на препятствие, на помеху). Наше понимание таких слов основано, следовательно, на непосредственном сознании этих связей и соотношений.

Но мы почти всегда можем как бы реализовать этот результат, осмыслить его предметно, как мы реализуем формулы **H₂O** или **3 (5 + дг)/4**.

Дело в том, что мы всегда можем осмыслить эти понятия. Мы можем представить себе этикетку с цифрой в витрине магазина или деньги, уплаченные в кассу, или человека, выкрикивающего цену за товар. Мы припоминаем, например, как Карл Маркс определяет понятие цены; или составляем, как умеем, собственное определение; или, наконец, просто называем другое слово для пояснения: **стоимость, плата**. Весь этот аппарат осмысления и иллюстрации слова **цена** в нашем распоряжении.

Вот это-то сознание, что мы можем разменять слово на представления, и делает его нам понятным. Слово – это как бы чек, который мы готовы оплатить (то есть осмыслить) из капитала всего нашего умственного опыта впечатлений, размышлений, воспоминаний, мечтаний.

Совершенно очевидно, какое удобство представляет мышление словами-понятиями. Только представьте, как сложно было бы высчитывать стоимость не в рублях и копейках, а сравнительно с другими товарами. В давние времена, когда еще не знали денег, за корову давали восемь баранов, за лошадь – три коровы, а за медный котел или саблю три лошади, – сложный счет, не правда ли? Мышление словами – это как бы денежное хозяйство мысли вместо старинного натурального товарообмена, которое дает возможность безналичных расчетов и сложных кредитных операций. Только пользование словами создает ту высшую ступень умственной деятельности, которую мы называем мышлением.

Такая фраза, как **Я не мог бы выразиться по-своему и даже мыслить по-настоящему, если бы думал не по-русски**, не включает ни одного слова, которое можно было бы представить себе наглядно, образно. А ведь фраза простая и понятная сразу каждому. Но только словами можно передать такие элементы мысли, как отрицание, прошедшее время, возможность, степень состояния, условность, принадлежность и другие грамматические связи и отношения, которые выражаются союзами, предлогами, местоимениями, склонением и спряжением. Только словесное мышление могло создать сложное богатство и аналитическую тонкость нашего умственного хозяйства. И все эти формы и категории, вся огромная и сложная система языка приводится в движение и участвует в процессе нашей речи в то неуловимое мгновение, когда мы только принимаемся говорить.

Но речь далеко не исчерпывается словесным мышлением. Образное мышление составляет особенность поэтического, вообще художественного творчества. Но и оно является в значительной степени отражением словесного мышления и контролируется и направляется им. Даже сновидения, образующиеся при почти полной безвольности сознания, в значительной мере оказываются такой же проекцией, хотя в общем являются бессвязным течением представлений – действие происходит в двух местах одновременно, действующие лица превращаются одно в другое или сливаются в одно; самое действие отрывочно и изменчиво, потому что внимание не работает и мышление дрейфует от одной ассоциации к другой.

Однако и в том и в другом случае этот дрейф не случаен и не безразличен – он направлен в сторону определенного воспоминания или мысли, которые, как говорится, «камнем лежат на душе», хотя мы можем вовсе не давать себе в этом отчета и даже, напротив, бессознательно отгонять, вытеснять его из сознания. Поэтому сновидение и греза (которую искусственно возбуждают в пациенте) позволяют психиатру догадаться об этих застойных связях, «комплексах» в

глубине души, иногда грозящих душевным заболеванием. Он подмечает колебание, задержку, волнение при том или ином слове, как рыболов движение поплавка, – очевидно какая-то нить ассоциаций, связанная с этим словом, задевает скрытую рану в сознании пациента.

Но и нормальное сознание и чистая совесть испытывают влияние глубоких душевных движений, в которых люди обыкновенно даже не отдают себе отчета. Иногда какое-то удачно выбранное слово может оказаться для любого из нас своего рода магическим «сезамом», способным открыть вход в ту или иную пещеру, где спрятаны сокровища...

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Лермонтов был очень чуток к этому подсознательному значению слов. В его стихах всегда в большей или меньшей степени чувствуется душевное ранение. И он сам признается:

Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать...

И вообще пленяющая нас сила и прелесть поэзии состоит преимущественно в подборе и сочетании слов и образов, способных особенно живо вызывать в нас ассоциации, связанные с глубокими влечениями и волнениями души. То же можно с полным правом сказать и о политическом и военном красноречии. Некоторые слова являются настоящими аккумуляторами огромной силы действия.

Таковы, например, **свобода, Россия, Родина, Москва**. Каждое из них подлинно

Из пламя и света
Рожденное слово.

Вот пример мобилизации всей души по одному слову:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось! –

воскликает Пушкин, приступая к описанию приезда Татьяны в Москву. Эти взволнованные, насыщенные строки, казалось бы, слишком значительны для такого обыденного эпизода. Но нетрудно угадать, какие чувства и воспоминания волновали самого поэта, когда он писал эти стихи.

Москва для Пушкина – сердце России, и это было не только сознательным убеждением, внушенным живым знанием русской истории, запечатленной чтением недавно изданной патристической «Истории государства российского» Карамзина. Москва была его родиной – он там родился и провел все детство до поступления в Царскосельский лицей, и другого своего дома он с тех пор никогда не имел. Долгая разлука, бездомная жизнь вдали от родной семьи должна была обострить его глубокую привязанность к своему городу. К тому же вскоре после того, как он его покинул, Москва, его Москва, была оставлена жителями, занята французами, сожжена. Это не могло не потрясти впечатлительного мальчика до глубины души – ужасом и вместе с тем восторгом и гордостью. Недаром поэт тут же вспоминает о несбывшихся ожиданиях Наполеона:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.

Вся Россия испытывала тогда эти патристические чувства. Москва стала вдвойне святыней для русского народа. Наконец, Пушкин впервые увидел вновь Москву только через пятнадцать лет и в исключительной обстановке, в критический момент, когда его доставил туда фельдъегерь

на личный допрос к царю, и эта встреча должна была решить судьбу поэта. Понятно, что Пушкин жадно всматривался в лицо родного города, в который он въезжал – может быть, чтобы навсегда расстаться с ним и со всеми своими надеждами... Эти сильные и сложные переживания, несомненно, ожили в душе поэта, когда он представлял себе въезд Татьяны в Москву.

Но имя **Москва** уже само по себе действовало магически, особенно, конечно, когда дело шло о защите ее от врага. Помните, у Лермонтова командир говорит, «сверкнув очами», перед сражением при Бородине:

Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!

И этого достаточно. Священное имя – Москва – воспламеняет чувства, овладевает волей, мобилизует все деятельные средства человека, приводит в Действие весь механизм рефлексов, нервных путей и мозговых центров, как военная команда.

Если бы мы располагали средствами проследить все, что происходит в существе человека, когда он слышит или произносит такие слова, мы узнали бы во всей полноте, какая огромная, сложная и мощная вещь слово, эти шесть коротеньких звуков, этот мгновенный контакт между двумя извилинами головного мозга!

3. Механизм языка

В работу мысли, в движение понятий, в течение ассоциаций, в игру воображения со всем сопутствующим резонансом аффектов и влечений и всей механикой рефлексов, – во все эти процессы, входящие так или иначе в сложное явление речи, включается еще и вся огромная структура языка.

Корни нашего мышления заложены еще в животной стадии человека, как рефлексы, которые становятся в силу их заразительности средствами стадного общения.

Животное познает мир буквально «брюхом». Ему недостаточно видеть предмет, чтобы оценить его, определить свое отношение к нему, понять его, – животному нужно его обнюхать, полизать, пожевать, испробовать на вкус. Съедобное или нет, вкусное или противное, какого именно вкуса? – вот первые принципы познания, простейшее понимание добра и зла. И ребенок тоже тянет инстинктивно в рот, что его интересует.

Воспитанием, культурой эти животные, хищнические влечения постепенно преобразуются. Но и в культурной форме интересов и стремлений часто явственно обнаруживаются начальные корни таких влечений. Язык часто обнаруживает и выдает подобное переосмысление простейших представлений. **Понять** – значило первоначально **овладеть**, а буквально **схватить**; **внимание** – слово того же корня, буквально **вбирание в себя, захватывание внутрь**. «Брюхом хочу» – писал Пушкин, желая выразить влечение всем существом. **Воспитать** – значило **вскормить**. **Надоедать** – буквально **перекармливать**, как Демьян своей ухой. Мы до сих пор говорим **поглощать книги, впечатления, поглощен идеей, внимание поглощено; пожирать или есть глазами, поедом ест, мироед, заедать чужой век, среда заела, съели** (т. е. затравили) **человека, сам съешь, взелся, въедливый, заядлый, заелся, питать надежды, злобу**. С другой стороны, **отведывать** того же корня, что **ведать**; **наслаждение** буквально **удовольствие от сладостей, лакомств; огорчать** – **делать горьким; упоение** – **опьянение, утоление жажды**: сравните **напиваться**. Мы говорим о литературных и других **вкусах**, используем **вкушать покой**, и даже можно услышать это замечание **пришлось ему не по вкусу**. **Предвкушать** и **безвкусица** имеют уже только отвлеченное общее значение; **искушать** значит **испытывать**, а буквально – **отведывать**. Мы говорим о **сладостной мечте, о сладком сне, о горькой мысли, о кислом настроении, о горечи разлуки**. **Отвращение** буквально – **отворачивание** головы прочь от неприятного вкуса и запаха.

Выражение лица обиженного, недовольного, огорченного, разочарованного человека происходит, как показал Дарвин, непосредственно от произвольной гримасы ребенка при горьком вкусе.

Так близко еще лежат под культурной поверхностью сознания древние, простейшие, орга-

нические ощущения.

Они могут иметь влияние на образование и течение представлений.

Замечательно, что наши внутренние ощущения мы выражаем внешними представлениями, – зрительные и осязательные впечатления значительно более яркие и отчетливы. В особенности это заметно при выражении более общих представлений.

Краса, красивый, прекрасный первоначально обозначали только ощущение яркого цвета (специально цвета пламени), как до сих пор **краска**.

Горе и горечь происходят от **гореть**, **печаль** – от глагола **печь**, **жалость** связано с **жалить**, **стыд** – от глагола **стыть** (ощущение раздетого человека), **скорбь** (первоначально **болезнь**) от **скрести**: сравните выражение **на сердце кошки скребут**. Мы говорим **пылать ненавистью**, **сгорать со стыда**; мы используем выражения **пламенное чувство**, **вспыхнул**, **воспламенился**, **загорелся**, **вскипел**; в нашей речи есть **горячая дружба**, **жаркий спор**, **жгучая обида**, **леденящий страх**, **холодный тон**, **теплое участие**; бывает, что **любовь остыла**, **угасла**, **потухла**, **теплится**, а **мысль сверкнула**, **блеснула**, **потускнела**, **померкла**; **воспоминание поблекло**, **побледнело**; **светлое впечатление** – от глагола **печатать** и так далее.

Представление о времени – тоже внутреннее – выражается также пространственными образами. Мы говорим: **промежуток**, **отрезок** времени, **время идет**, **проходит**, **течет**, **истекает**, **бежит**, **летит**, **мчится**, **тянется**, **приближается**. Отсюда – **прошлое**, **прошедшее**, **минувшее**, **грядущее**, **по истечении срока**, **по прошествии трех дней**. Время – это как бы поток, струящийся мимо нас. События располагаются в нем одно за другим – отсюда затем; или одно за другим – отсюда **потом**; они идут **вслед**, то есть вступая в след, оставленный другим; или по следу, следуют друг за другом, отсюда **последовало** то-то, **напоследок**, **последний**, **впоследствии**.

Или одно находится перед другим, отсюда **скажу** вам **наперед** и **впредь не будешь**, отсюда же **предыдущий**, **предшествовать**, **предстоящее** и т. д.

Эти выражения сохраняют сначала и пространственное значение. Временное значение давалось общим смыслом всей фразы, тем, что говорилось о лне или событии, которое вспоминается или ожидается. Сами по себе слова **прошлое**, **прошедшее**, **минувшее**, вероятно, были сначала так же непонятны, как если бы мы сказали **пробежавшее**, **промелькнувшее**, **беглое**. Потом создаются и формы специального значения: **после** – сокращенное от **последь**, т. е. **следующее**, **идушее по следу**; **прежде** – сравнительная степень от **пред** – более впереди, чем другое; **поздно**, **позже** – то есть следующее позади; **мгновение** – первоначально **мигание**.

Из временных представлений, в свою очередь, вырабатываются причинные, более отвлеченного порядка. Одно случается после другого, появляется вслед за ним – и создается впечатление связи, зависимости второго от первого. И опять язык обнаруживает этот ход мышления. **Следствие**, **последствие**, **вследствие**, **следовательно** получают уже причинное значение. За тем, **по** тому, **по** этому обращаются в **затем**, **чтобы**, **потому что**, **поэтому**.

Причинность мыслится также конкретно – одно порождает, создает другое, одно **исходит**, **течет**, **выводится** из другого – отсюда **происходить**, **производить**, **вытекать**, **приистекать**, **происхождение**, **происшествие**. Опять образное мышление создает слово, чтобы выразить временное представление, затем это слово применяется в сочетании, которое придает ему причинный смысл, и наконец оно специализируется как знак причинного понятия, еще более отвлеченного.

До сих пор сохраняется двойственность конкретного и отвлеченного смысла: **производить работу**, **эффект**, **переворот** и **производить ребенка на свет** или **производитель работ**, **дело-производитель** и **производитель** – племенной бык, жеребец; **происшествие** и **происхождение**; **логический вывод** и **выводок** утят.

4. Школа языка

Наш язык полон конкретных, образных слов и выражений, и до сих пор создаваемых образным мышлением. Но служит он уже по преимуществу мышлению понятиями. В этой двойственности языка большая прелесть и ценность. Слово обладает как бы прозрачностью – мы различаем его строение, его корень, слои значений: под понятием, под отвлеченным представлением открывается наглядный образ. **Завтра** (еще у Пушкина **заутра**, а **заутреней** называется

ранняя церковная служба) – это **после утра; вчера** (народное **вечор**) – это просто старый родительный падеж от слова **вечер**. **Отшельник** – человек, который **отошел** от людей, удалился от мира. **Возмущение, смута, смущение, смутный, омут, мутить** – каждое из этих слов представляет особый ход мыслей от одной и той же основы.

Ребенок проходит длительный период предметного, наглядного мышления. Он сначала не понимает переносного значения слова, принимает каждое слово буквально. Маленький Давид Копперфильд в романе Диккенса пугался, когда нянька говорила, что у нее **голова идет кругом**: он боялся, что у нее действительно голова в конце концов совсем отвернется, и бросался к ней, чтобы остановить это вращение.

Во время войны я был свидетелем такого разговора в домовой конторе. Маленькую девочку спрашивают:

- Где твой папа?
- На фронте.
- Что он там делает?
- Фашистов бьет.
- И много набил?
- Много.
- А сколько же?

Девочка подумала, повела глазами:

- Мешок.

Для ребенка мешок – может быть картошки – образ множества вообще.

Если бы ребенок оказался сразу в такой ученой среде, которая пользовалась бы только словами-понятиями или научными терминами, то он, вероятно, вовсе бы не научился говорить. Но, к счастью, самые научные умы принуждены говорить образно, потому что образен самый язык. Как передать совершенно отвлеченно заход солнца? Солнце зашло? Село? Закатилось? Опустилось? – все это олицетворения, образные выражения: огненная масса не может ни ходить, ни сидеть, ни катить себя, ни опускать себя вниз. Мы не в состоянии вырваться из этой природной образности языка, хотя обычно уже и не останавливаем на ней внимания.

И вот язык оказывается лучшей, самой естественной, можно сказать исторической, «школой» для подготовки к отвлеченному мышлению. Ребенок органически вживается в язык, осваивает его обобщения и отвлечения по мере своего роста.

Слово является как бы слепком мысли, как раковина сохраняет форму наполнявшего ее моллюска. Живой образ употребляется затем в переносном смысле: ты **мне щит**, ты **мне будешь за щит** (то есть **как щит**). Наконец, создается слово **защита**, сначала в прямом, узком смысле военной охраны и обороны, потом в широком, отвлеченном смысле покровительства.

Ребенок проходит подобные движения мысли заново, следуя как бы по внутренней винтовой резьбе слова.

В готовых сочетаниях слов, в наборе грамматических форм и синтаксических связок он усваивает огромное наследие навыков мысли. Без этого сложного аппарата языка, без этой естественной школы ум его не мог бы создавать представлений и понятий и мысль его оставалась бы лишь смутной и летучей тенью.

Ребенок с первого дня рождения оказывается в атмосфере речи. Она даже предшествует его умственному опыту – голос, слова, интонации окружающих сопровождают первые же его ощущения, начальные его движения, самые его ранние впечатления. Словами он научается запоминать и осмысливать свои переживания, с помощью слов он образует представления, из слов возникают его первые неясные мысли. Мало-помалу он осваивает огромный механизм языка от основных его осей и передач до мельчайших колесиков, рычажков, зубчатых сцеплений и винтиков, посредством которых слова подбираются, поворачиваются той или другой стороной и сцепляются друг с другом. И мы настолько осваиваем эту сложную механику речи, что она действует уже как будто сама собой, почти без всякой заботы и внимания с нашей стороны. Мы не ощущаем никакого расстояния, никакого различия между мыслью и словом – они совпадают, сливаются. Мы просто думаем – и говорим. Иногда даже кажется, что мы говорим и не думая совсем, – слова произносятся так автоматически, произвольно, что, случается, мы и сами удивляемся, откуда что берется или что это мы наговорили сгоряча!

Дело в том, что контакты между всеми этими рычажками и колесиками речи сделались у нас уже почти рефlekсами и могут совершаться помимо нашего сознания, повинуюсь только общему направлению нашего внимания или влечения.

Этот автоматизм чрезвычайно облегчает работу нашей речи. Если бы всякий раз приходилось подыскивать слова, вспоминать правила грамматики, выбирать предлоги, союзы и местоимения, соображать, какие формы и окончания придавать словам, то произнесение одной только фразы занимало бы четверть часа и поглощало бы все наше внимание, – а на то, чтобы мыслить, его уже не осталось бы. Так и бывает, когда говоришь на чужом, недостаточно знакомом языке.

Вот почему слово может действовать мгновенно, молниеносно, как удар хлыста, как пуля, – огромная машина внутри нас вся приходит в действие, волнуя наше существо до самых его глубин и поднимая в нем сильнейшие чувства.

* * *

Еще важнее общественная сторона усвоения языка. Мы ограничены нашим словарем, нашей грамматикой, всей системой нашего языка, как шахматист набором фигур и правилами игры. Для того чтобы нас понимали, мы должны соблюдать правила речи. Конечно, слов в нашем словаре очень много, и значения их не такие определенные, как значения чисел – сочетая слово с теми или другими словами, мы можем придать ему новый оттенок смысла и даже совсем новый смысл. И тут прозрачность русского языка очень способствует его гибкости и выразительности. А возможность сочетаний слов почти безгранична.

И все же, когда нужно передать мысль в совершенной точности, приходится взвешивать каждое слово. В особенности это необходимо, если образность и обыденное значение слова могут затемнить понимание отвлеченного понятия, или если слово способно вызывать чувства, мешающие ясности суждения.

С другой стороны, очень тонкое личное переживание тоже трудно выразить словами, и это затруднение испытывают в особенности поэты.

«О, если б без слов сказаться душой было можно!..» – восклицает Фет.

А Тютчеву даже кажется, что высказанная мысль уже не та, что она искажается словами:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Действительно, мы не в состоянии «раскрыть» друг перед другом непосредственно «всю душу» и вынуждены выражать свои переживания через посредство языка. Но это, пожалуй, даже лучше.

Каждому из нас, естественно, кажется, что он чувствует и мыслит как-то особенно, по-иному, чем другие. Но это, конечно, иллюзия. Природа наших ощущений и чувств единая у всех, и качественно они однородны; различия же – в реальной, фактической обстановке их, внешней и внутренней. Человеку, которому абсолютно чужды, например, чувства восхищения или зависти, трудно было бы понять их в другом, даже если вся душа последнего была бы «открыта нараспашку». Но у каждой зависти или восхищения есть своя особая история, происшедшая в различной обстановке и с различными действующими лицами, и это-то и делает мою зависть и мое восхищение отличными от всех других. А эту историю как раз и можно рассказать словами. И такие рассказы мы все понимаем при всем разнообразии в них обстановки, характеров и перипетий; они составляют один из важнейших и самых сильных элементов художественной литературы.

Конечно, средства языка представляют обобщение. Мы вынуждены высказываться готовыми словами. Язык в этом отношении является как бы фильтром, отсеживающим субъективное, то есть принадлежащее именно мне – и только к этому и сводится «субъективность». Но в этом и состоит всеобъемлющее – одновременно простое и чудесное – свойство и значение языка, его общественная и культурная сила. Благодаря языку отфильтровывается и остается в стороне жесткая пленка моего «я», и мое переживание и мысль получают всем понятное, общезначимое

общечеловеческое выражение, приобретает объективное, почти вещественное бытие. Благодаря языку мы имеем возможность вкладывать свой опыт, свои стремления и интересы в общее дело, делая их всенародным достоянием, и тем самым обеспечиваем им более или менее длительное существование, влияние и развитие.

Наконец, каждое высказывание, особенно со стороны даровитого, красноречивого, умного, наблюдательного и искреннего человека, а тем более мыслителя, поэта, писателя, оратора, обогащает язык. История языка и литературы наглядно показывает, как выразительные средства слова не только все время обновляются, но и все более умножаются и становятся разнообразнее, пластичнее и тоньше. Мы видим воочию, как примитивная, еще топорная словесная работа достигает мало-помалу степени тончайшего ювелирного мастерства.

Не менее важна и другая сторона.

Участвуя от рождения в общем словесном обмене опытом, мы глубоко, всей своей личностью усваиваем не только средства выражения для наших мыслей и чувств, – мы впитываем в себя и самые способы и формы восприятия и мышления, выработанные народом, создавшим язык, приобщаемся ко всему опыту его жизни. Слушая и читая разные истории о борьбе чувств и разных путешествиях ищущей мысли, мы не только обогащаем и развиваем свой ум, но и делаем его более социальным, общечеловеческим. Мы приучаемся ставить собственные чувства и мысли в ряд переживаний и размышлений других, смотреть на вещи глазами других, становиться на их место, разделять их стремления и образ мысли. Благодаря языку мы преодолеваем субъективную замкнутость и приобщаемся к коллективному мышлению и поведению.

Для каждого из нас в отдельности язык представляется готовой системой, почти что набором знаков и выражений, которые мы только комбинируем более или менее по-своему. Но язык – не набор инструментов, и наша речь не просто мозаика. Язык – есть действие, живое дело, творческая работа. Если мы почти не замечаем в нем движения, если он кажется нам застывшей глыбой, то только потому, что движения эти для нас редко становятся заметными – они, так сказать, «молекулярные». Все, что каждый из нас выскажет за всю свою жизнь, будет более или менее ничтожным колебанием немногих частиц в массе языка. Но сумма этих отдельных колебаний – многомиллионная – в целом так велика, что язык оказывается подвижным, пластичным, текучим. От поколения к поколению, от эпохи к эпохе язык пересоздается, перестраивается очень значительно. В этом творчестве языка участвует весь народ в целом и каждый человек полностью.

5. Язык и родина

Мы приучаемся мыслить, усваивая язык, мы мыслим преимущественно с помощью слов, и самое сознание наше строится средствами языка. Наши чувства и мысли являются нам благодаря этому в формах мыслей и чувств той среды, которая нас воспитала, общества, в котором мы живем, народа, к которому мы принадлежим. Что бы я ни говорил, что бы я ни думал, это всегда будет неизбежно русская речь – потому что и речь и мысль строятся у меня в системе русского языка. Тургенев большую часть жизни прожил во Франции. Но он писал свои произведения по-русски и с негодованием возражал на замечания, будто он даже сочиняет по-французски: «Я могу творить только на русском языке».

И сознание самого простого человека, и гений величайшего поэта, выражаясь в том же языке, глубочайшим образом объединены между собой, потому что рождены в той же утробе родного языка и питаются его общими корнями. Они, можно сказать, вышивают очень различные по ценности и мастерству узоры, но по той же канве особого плетения и тем же особым набором ниток. Это единство основы и создает главным образом национальное единство. Язык – один из основных, характерных признаков народности. Это как бы самая ткань национальности, вторая, внутренняя родина, лоно души, в которой рождаются, вскармливаются и образуются наше сознание и наша личность.

Поэты-футуристы пытались составлять слова заново – из старых корней или даже прямо из отдельных звуков речи. Но это были довольно бесплодные усилия. Научная статья еще может быть написана в бесцветных международных терминах, математическая работа может быть изложена даже в чистых формулах. Но поэзия оперирует не только понятиями и воспринимается, конечно, не только умом, но и всеми чувствами, «сердцем», и потому не может пользоваться

искусственными словами, не имеющими той внешней и внутренней резьбы, которая более или менее явственна в исторически сложившихся языках, и не вызывающими поэтому как бы по волшебству целого роя представлений, ассоциаций и воспоминаний, благодаря которым родное слово находит в нас живой, глубокий, полнозвучный отклик.

Французское **бонёр** (bonheur) или немецкое **глюк** (Glück) более или менее соответствуют по значению русскому **счастье**, но для нас они не обладают и в малой степени той полноценностью и полно-значностью, не имеют того глубокого умственного и чувственного фона или ореола, которым обладает наше **счастье**: в этом слове нами чувствуется как бы сияние, пение, сладость – неуловимые, но властные следы пережитых нами счастливых минут.

В одном из рассказов Д. Острова кто-то, узнав, что **птица** по-немецки **фогель** (Vogel), говорит с негодованием:

– Тьфу! Разве это подходящее слово? В нем свиста нет. То ли дело наше **птица** – крылья растут, лететь хочется!

Для немца, конечно, наоборот, наше **птица** будет казаться невыразительным, ничего не говорящим сердцу словом.

Но отношение русского человека, и славянина вообще, к родному языку, пожалуй, отличается особенной полнотой и силой чувств. Славянские языки сохранили до сих пор большую отчетливость в строении слов и прозрачность их первоначальных, наглядных значений, – во французском или английском языках эта внешняя и внутренняя резьба уже сильно стерлась. *Это* делает русский язык ближе и глубже понятным, будящим более полный и живой отклик в русской душе. Недаром в основе славянских племенных имен лежит **слово: словене, Бовины, словаки, словинцы**, а **язык** у славян значило также и **народ**. Еще в «Памятнике» Пушкина это слово имеет значение **народность**.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

В других европейских языках этих замечательных особенностей нет.

Вряд ли не сказалась на русском языке и существенная особенность нашей исторической судьбы. Почти все европейские народы меняли родину, так как были пришельцами, завоевателями. И во всех европейских странах менялись – иной раз очень резко – как народность, так и язык. Во Франции и Англии это произошло трижды, в Испании четырежды. Русь была исконной нашей родиной и никогда не подвергалась завоеванию. Русская земля, русский народ, русский язык на всем протяжении истории сохраняли коренное и неразрывное единство. Это не могло не создать в русском человеке неотъемлемой патриотической преданности родному языку.

Глава II СЛОВА И ВЕЩИ

1. Почему так называется?

Почему солнце называется солнцем, стол – столом, лампа – лампой?

Этот вопрос не всегда и не всякому приходит в голову. Кажется, так ясно и естественно, что солнце и есть солнце, а лампа – лампа. Потому что все так называют эти вещи, и мы с малых лет усвоили эти названия. Нам как-то странно даже узнавать впервые, что в других языках солнце или свет называются иначе. На первых порах нам почти смешно слышать, что стол по-немецки **тиш** (Tisch), а по-французски **табль** (table). Нам эти названия кажутся какими-то нелепыми, ненастоящими – настолько в нашем представлении слово крепко связано с самой вещью, как будто эта связь существует искони, установлена самой природой.

И дело тут не только в привычке. Связь слова с мыслью гораздо глубже. Ребенок мыслит предметно, и первые слова его – названия вещей. А он научается мыслить именно с помощью

слова-названия. Слова – это как бы кочки, по которым шагает рождающаяся мысль. Без них мысль завязла бы на месте, в какой-то темной гуще.

В Швейцарии был произведен опрос детей лет 6–7 с целью выяснить, как они понимают, что такое слова.

– Откуда взялось название солнца? – спрашивали детей.

– Солнце само себя так назвало, и так и называется, – ответил мальчик семи лет.

– Бог сделал это название, когда создал солнце. Чтобы люди знали, что это такое, – сказала девочка.

– Нет, кто-то первый догадался, что это солнце. А потом уже каждый знал. Это был ученый, – сказал мальчик постарше.

– Как же он догадался?

– Потому что увидел его. Потому что оно светит, и желтое и горячее. И когда люди поняли, что это солнце, они так его и назвали.

– А если солнце бы назвали луной?

– Это нельзя. Луна – это луна, а солнце – солнце. Солнце греет, оно веселое, яркое, а луна только светит, как фонарь.

И не сразу удалось убедить мальчика, что не слово **солнце** желтое, яркое и горячее, а само солнце.

Зато когда дети это поняли, то от них не было отбоя учителям и родителям. Они без устали спрашивали, почему это называется так, а это так, и откуда взялось такое-то слово.

Между тем вовсе не просто ответить на все эти вопросы. История многих слов очень сложна. Уже более полутора столетия работают лингвисты в этой области, и до сих пор мы не знаем происхождения многих слов. Например, мы как раз не знаем наверно, почему солнце называется **солнцем**, мы не знаем точно, что собственно значит корень этого слова. Оно для нас уже только название, почти только имя.

Людям удалось определить величину солнца, расстояние его от земли, его вес, его температуру, его химический состав и многое другое, хотя солнце отстоит от нас на сто пятьдесят миллионов километров. А вот определить с такою же уверенностью первоначальное значение этого названия, которое дано ему людьми же, нам еще не удастся!

Качалка называется так потому, что в ней можно качаться. На качелях тоже качаются. Свечка – потому, что светит. Крыша и крышка, кров и кровля – потому, что покрывают или закрывают. Это очевидно всякому. Но уже **крыло** вряд ли сразу свяжется с **крыть**. Помогает сравнение со словом мыло – от **мыть**, **било** от **бить**, **помело** от **мести**. Суффикс – **ло** означает орудие для соответствующего действия. Крылья следовательно представлялись покрывающими птицу. А крыльцо, очевидно, казалось крылом дома – так и немецкое **флигель** (Flügel). Ну, а **масло**? Судя по этим примерам, – это производное от **мазать** и первоначальное значение должно было быть **мазь**. Но почему? Потому, что масло намазывали на хлеб? Это могло бы быть так, если бы слово создавалось в наше время. Но оно возникло очень давно, когда не только бутербродов не делали, но и коровье масло, пожалуй, еще не ели. Напротив, масло применялось тогда для цели, которая теперь, пожалуй, нам и не придет в голову. Подобно многим древним народам, славяне в старину имели обыкновение натирать тело маслом. До сих пор натираются жиром северные народности – эскимосы, лопари. Древние греки и римляне натирались растительным маслом. Так же поступают кое-какие африканские племена. Отчасти масло заменяло мыло, которое было тогда еще неизвестно, отчасти предохраняло от холода, зноя, вшей и блох. Не зная истории культуры и этнографии, мы бы не могли объяснить, почему масло (растительное, коровье и даже минеральное) так называется, даже если бы мы поняли, что это слово образовано от **мазать**.

А почему металлическая штучка, которой мы пользуемся, чтобы писать, называется **пером**? Мы вряд ли догадались бы, если бы не знали, что металлические перья изобретены сто с лишком лет тому назад, а до того писали действительно птичьими, преимущественно гусиными перьями, служившими одновременно и ручками. Их держали трубочкой вниз, и трубочка была срезана вкось, так что получалось острие, которое и макали в чернила. Когда острие теряло твердость и упругость, его можно было **очинить**, срезая кончик снова. Отсюда название **перочинный** нож, которое по привычке сохранилось до сих пор, хотя гусиные перья давно забыты, а металлические очинить нельзя.

Любопытно, что новая вещь сохраняет нередко не только старое название, но и старую форму. Металлическое перо первоначально имело вид кончика гусиного пера, да и теперь еще остается половинкой его, разрезанной в длину. Я помню еще ручки в форме цельного гусиного пера, в трубочку которого вставлялось металлическое перо. Автомобили ведь тоже первоначально повторяли форму кареты и коляски, и только через некоторое время выработалась новая, «обтекаемая» форма, отвечающая требованиям легкости и быстроты нового экипажа.

Перо для нас теперь стало просто названием приспособления для письма – и только; и многим совершенно неизвестно, почему оно так называется. Даже те, кто знает историю этого слова, редко вспоминают о ней, когда говорят или думают о пере. **Перо** птицы и пишущее **перо** стали уже как бы различными словами. Подобным же образом мы говорим стрелять, уже вовсе не представляя себе стрелы; **чернила** для нас не обязательно черные, как было первоначально: старинное **чернило** означает буквально средство чернить, черную краску, но нас нисколько не смущают такие выражения, как **красные чернила** или, наоборот, **черная краска**. **Замóк** и **зámок** для нас уже совершенно разные слова, хотя они обозначают в основе то же самое и происходят оба от слова **замкнуть**.

Теперь для нас **красный** означает особый цвет, хотя **краска** имеет значение красящего вещества вообще и **красить** можно в любой цвет. Но и тот и другой смысл слова – недавние. Народная поэзия называет солнце **красным**, девушку **красной** очевидно не в этих смыслах. **Прекрасный** значит **очень красный** только в выражении **красный-прекрасный**; напротив, оно обобщилось в значение **очень хороший**. **Весна красная, на миру и смерть красна, красно говорить**, отсюда ироническое **краснобай** и **красноречие**, – во всех этих выражениях **красный** значит **красивый** – от слова **краса**.

Поэтому **красным углом** в избе назывался правый (для входящего) угол, который считался парадным. Тут помещался обеденный стол и скамьи вокруг, а самый угол украшали шитыми полотенцами: тут же вешались и иконы. «Не красна изба углами, красна пирогами» – говорит пословица. А созданные после революции у нас красные уголки называются так символически, как Красная Армия, потому что красное знамя стало символом пролетарской революции со времен Парижской Коммуны.

Во всех таких случаях слово осталось как будто тем же, но обозначать стало нечто иное. И произошло это сравнительно недавно. Тем более трудно доискаться первоначального значения слова, когда оно по смыслу, а часто и по форме, очень отошло от родственных ему слов.

2. Анализ слов

Нужно было немало знаний и проницательности, чтобы понять, почему вечерняя еда называется **ужин**. Единственным родственным словом здесь оказывается **юг**: у и ю могут замещать друг друга – сравните **уха, юха, юшка**. Но что, казалось бы, общего между ужином и югом?

Прежде всего удалось выяснить, что **ужином** в старину назывался обед. И что обедали, как правило, в полдень. Это теперь в городах, где люди живут почти не считаясь с природой, обедают обычно после работы, уже под вечер. В старину, когда человек жил ближе к природе и в большой зависимости от нее, вставая с петухами и ложась с курами, обедали рано. И теперь еще в деревне этот прежний обед часто называется **полдником**. Поэтому в старину **обед** означал у нас полдень. Жуковский еще говорил **после обеда** в смысле **после полудня**.

Мы уже довольно далеко отошли в наших поисках от «вечерней еды». Но будем искать дальше. **Полуденный** в старину значило **южный**. Так было и в греческом и в латинском языках. Нынешний горожанин часто не представляет себе даже, где и когда восходит солнце. Для старой деревни солнце было хозяином растительного и животного мира, всеобщим двигателем природы. Сельский житель Умеренных широт хорошо знал, что солнце движется по южной стороне неба и выше всего стоит в полдень.

Таким сложным исследованием удалось установить, что связь слов **юг** и **ужин** лежит в условиях старой сельской земледельческой жизни.

Нелегко было дознаться и до первоначального значения слова **целовать**. Можно предположить, что ему родственны **целый** и **целить**, но вряд ли **цель** – уж очень различны смыслы этих слов.

Связь понятий **целый** и **целить** довольно ясна. Мы говорим: **уцелел, цел и невредим. Исцелить** означало следовательно – сделать опять **цельным, целым**, «поправить» человека, получившего рану, потерявшего способность движения, действия, речи. В результате лечения человек «поправляется». **Целина** – новина, впервые вспахиваемая земля. **Цельный** – весь, во всем объеме, во всем составе, в полной сохранности. **Целковый** – серебряный рубль, буквально **цельная монета**, сто копеек целиком. Это понятно. Но как отсюда перейти к **целовать**? Помогает староболгарский язык, в котором **целовать** значило **приветствовать**. Темная связь сразу освещается. Славянские, в том числе и русские, приветствия **Здорово! Будь здоров! Здравствуй!** непосредственно приводят к понятию **целить** в смысле **делать здоровым**. В германских языках от глагола **хайлен** (быть здоровым), родственного нашему **целить**, также образовано было древнее приветствие, означавшее буквально **будь здоров**. Наконец **поцелуй** – знак приветствия.

Но почему в германских языках эта цепь значений не дотянулась до **поцелуя**? Это не значит, конечно, что германцы не умели целоваться. Но это значит, что у них целование не имело того общественного, даже обрядового значения, как у славян. Почему так? Потому, что обычай здороваться целованием утвердился у славян вместе с греческим православием.

Римское, католическое христианство, которое приняли германские народы в средние века, разрешало эту форму приветствия только между духовенством. А греческая церковь была проще: все – «братья во Христе», и символом этого православного братства является обряд троекратного целования. В праздник Пасхи оно было обязательным обычаем, даже для помещика в отношении своих крепостных. Троекратное целование своих при встрече после большого промежутка до сих пор остается русским обычаем.

Любопытно, что **поцелуй** представляет редкий случай, когда повелительная форма глагола стала существительным. Вероятно оно возникло в детской речи, из настойчивых требований: **поцелуй да поцелуй!**

Нагоняй – такая же повелительная форма, появилась в совсем иной обстановке. Возможно, что она установилась из требования **нагонять** упущенное время в работе.

– Нагоняй, нагоняй! – кричали сердито приказчик на работников и купец на приказчиков и ругались. Отсюда и пошло существительное **нагоняй**.

Гривенником называется серебряная 10-копеечная монетка. Это старорусское уменьшительное от **гривны**, крупной денежной единицы (монеты) и меры веса. Первоначально деньги оценивались на вес и не имели формы монеты: это были чаще всего бруски или кольца определенного веса. В болгарском и сербском языках **гривна** и теперь еще означает браслет, в древнеболгарском (старославянском) – ожерелье. В кладях и могилах часто находят такие гривны. Отсюда уже возможен переход к слову **грива**, которое означает длинную шерсть на шее лошади; основное значение должно было быть **шея**. Значит гривна – первоначально серебряное кольцо (определенной величины) для ношения на шее. **Ожерелье** имеет буквально то же значение: сравните, к примеру, жерло – собственно «горло» пушки.

Оружие, оказывается, того же корня, что и **ругать**. Ведь и **брань**, означающее у нас теперь именно **ругань**, в старину значило **бой, сражение** – оно того же корня, что и **борьба, оборона**, а чешское **брань** и польское **бронь** означают **оружие**. **Орудие** тоже очень древнее слово, и первоначальное его значение было **занятие**. В чешском это слово значит **прибор, инструмент**, в польском оно значит **извещение, послание**. В древнерусском оно имело смысл **дело, предприятие**. Так, в летописи читаем: «Иде князь Всеволод в Смоленск своим орудием», то есть по своему делу. «Есть у меня к тебе орудие велико» – здесь в смысле серьезное дело. «А орудие судить посаднику (правителю) месяц, а дале того ему орудия не волочить», то есть разбирать дела без проволочек. Отсюда **орудовать** в смысле **ходатайствовать, хлопотать**, и теперь еще сохранившее значение **распоряжаться, устраивать**. Отсюда и **орудие**, как средство действия, прибор и, наконец, специально пушка. Таким образом эти слова **оружие** и **орудие**, первоначально совершенно чуждые друг другу, сблизились.

Любопытно, что подобный же переход значения произошел и в польском и чешском языках, но в обратном направлении: дело стало означать в них пушку. Нечто подобное представляет и история латинского слова **инструмент**, первоначально **устройство, инвентарь**, затем **орудие** и специально **прибор**.

Все подобные сопоставления требуют больших специальных знаний, длительных розысков

и немалой проникающей способности. Необходимо знать старинные и областные значения слов, бытовую и историческую обстановку, историю вещей (материальную культуру), родственные – славянские и европейские живые и мертвые языки, и вообще быть не только лингвистом, но и историком культуры.

Получение чистых химических соединений, а тем более элементов, было результатом длительных, тысячелетних исканий и опытов. Принципы и техника химического анализа вырабатывались многими поколениями ученых и доведены до высокого совершенства. И все же выделение нового вещества представляет сложную и тонкую задачу и всякий раз является новой победой науки. Нечто подобное представляет и отыскание первоначального значения слов лингвистическим анализом. Каждое открытие составляет большую научную ценность. Но много слов еще остается для нас загадками.

Иногда эти открытия удивительны. Кто мог бы подумать, что **здоровый** буквально значит (крепкий как) **из дерева** или даже **из дуба**: корень **дере**, **древ** в древнегреческом означает **дуб**. Другой пример: **близ**, **близкий** происходят от корня, который обозначал **бить**, то есть буквально значат: находящийся вплотную, как прибитый. **Подле** и **подлинный**, **вдоль** и **возле** (из **воздле**) образованы от **длить**. **Коса** одного корня с **чесать**, а **часть**, **участь**, **участье** и **счастье** связаны с глаголом **кусать**: то есть первоначально **часть** была кусом, **долей**. Сейчас еще можно догадаться, что **спасибо** было когда-то **спаси бог**, – я в детстве еще слышал в устах нищих «Спаси тебя бог»; **надо** – это неполное **надобно**; **чуть**, **ничуть** и **чу!** происходят от **чуять**, **чувствовать**, а **мимо** родственно глаголу **миновать**, **минуть**. Но кому придет в голову, что старинное **су**, прибавлявшееся к имени при вежливом обращении, и наше знаменитое старое – **с** в почтительном «Как же-с», «Слушаю-с», «Понимаем-с», «Хорошо-с» – это стершееся до одной буквы слово **сударь**.

Страна и **сторона** связаны с глаголом **простира́ться**, – это помогает понять слово **простор**. **Чернь** происходит от **черный**: связывающими звеньями служат старинное **черный люд** (простонародье) и **черный двор**, **черный ход** в противоположность парадному ходу, переднему двору. Прилагательное **узкий** родственно словам **узел**, **узы**, а все они восходят к корню **вяз-**: **вязать**, **вязь**; отсюда же и **вензель** – по-польски **узел** – сплетенные вместе буквы на посуде, белье, печати и так далее. **Тесто** от **теснить**, **тискать**, то есть первоначально **месиво**; **ворота**, **ворот**, **воротник**, **оборот**, **оборотень**, **обращение**, **отвращение** – от глаголов **вращать**, **воротить**; **долото** от **долбить**; **драка** и **раздор**, **дрянь** и **дыра** – от глагола **драть**; **трус**, имевшее в старину также значение **землетрясение**, – от **трястись**; **пшено** и **пшеница** – от **пихать**, что означало и **толочь**, **молоть**; **утлый** – от **тло**, то есть **под**, **пол** – теперь сохранилось только в выражении **дотла**.

Молот происходит от того же корня, что и **молоть**, то есть **молот** служил первоначально для выбивания зерна из снопов; **перчатка** (из **перстятка**), **наперсток**, **перстень** – от существительного **перст**, так назвался палец; **облако** (народное **оболоко**) – от **обволакивать**, как и **оболочка**; **пир** – от глагола **пить**; **гроб**, **погреб**, **гребень**, **грабли** – от **гresti**, сюда же принадлежит и **грабить**; **круча** и **кручина** (горе) от **кручу**; **горшок** – уменьшительное от **горн**, как **ремешок** от **ремень**, и заменившее это основное **горн**, которое в свою очередь перешло к значению **печь**: промежуточным было значение огнеупорного сосуда для плавки металла; **дуло** – от глагола **дуть** – первоначально имело значения **труба**, **дудка**.

Одного корня оказываются **бредить**, **бередить**, **бродить** и **брести**; **блудить** и **блуждать**. Здесь же нетрудно усмотреть переход значения от **ходить без цели** к **говорить без связи** и от **ходить без пути** к **зablуждаться** и **грешить**.

Труднее додуматься, что **хитрый** происходит от старого **хитить**, корень которого присутствует в **похитить**, **похищать**. В других славянских языках это слово обозначает и **быстрый**, **ловкий**, **умный**, и это вовсе не значит, что славяне ценили ловкость вора: **хитрить** родственно слову **хватать** и в некоторых славянских языках еще сохраняет это значение. **Охота** – того же корня. Следовательно, по всей вероятности первоначально **хитрый** означало **ловкий** в применении к охотнику-зверолову, а затем получило переносное значение, **быстро схватывающий** (умом), **понятливый** и, наконец, нынешнее – **изворотливый**, **лукавый**.

Одну группу образуют и такие, казалось бы разные, слова, как **добрый**, **доблесть** и **сдобный**, **удобный**, **надобный**, **подобный**. **Добрый** означало, а в украинском и теперь означает, прежде всего хорошее качество, как теперь мы говорим **добротный** о материале, работе. «Доб-

рый конь», – говорит казак у Гоголя. Это первоначальное значение еще сохранилось в нашем старом наречии **добрó** и украинском **дóбре**, которые соответствуют современным **хорошо, ладно**; это же значение мы видим в слове **добро** в отвлеченном смысле, как **блага**, и в бытовом – **имущество, вещи**. **Удобрить** поле – значит улучшить его, сделать **добрым**. **Сдобрить** – приправить чем-то хорошим. «Добрый молодец» наших былин это, конечно, мужественный, благородный человек. Такое значение всецело принадлежит слову **доблесть**.

Первоначальное, по-видимому, слово **доба** (пора, срок, нужное, подходящее время), – нечто, отмеряемое до известного предела, отсюда **подобает, удобный, подобный, надобный**.

Очень любопытна пара **храбрый** (или **хоробрый**) и **хороший**. На первый взгляд между этими словами очень мало общего. А между тем вероятнее всего, что это формы одного и того же слова. И, что замечательно, **хороший** является не чем иным, как уменьшительной и ласкательной формой к **хоробрый**. Может быть, матери так называли своих мальчиков или невесты своих женихов. При этом естественно понятие отваги отступало в будущее – как в «Казачьей колыбельной песне»: «Молодец ты будешь с виду и казак душой» – здесь мы видим общую похвалу. Конечно, мальчик для матери, возлюбленный для девушки был не только храбрец, но вообще лучший во всех отношениях.

Вероятно и глагол **хорохориться** принадлежит сюда же.

Это объяснение очень тонко и правдоподобно. Звук **б** в **хоробрый** – очевидно добавочный суф-фикс, как в словах **худоба, мольба**. Звук **ш** характерен для ласкательных форм, как **Маша** от **Мария, Саша** (из **Алексаша**) от **Александр**.

3. История слов

Историю некоторых слов можно проследить с большой точностью.

Теперь **полк** означает только основную единицу войска. Но это древнее слово имело в старину гораздо более широкое и разнообразное значение, как показывают и производные слова – **полководец, ополчение, ополчиться, полчище**. Вспомним у Пушкина «заимодавцев жадный полк» или у Грибоедова «учителей полки» и народные выражения **полк грибов, свадебный полк, нашего полку прибыло, один волк гонит овечий полк**. Царю Алексею Михайловичу доносят из Воронежа о своевольстве казаков, которые «ходят полками человек по сорок, по пятьдесят». Во всех случаях **полк** означает группу, отряд. «При мне и при всем полку...» – рассказывает Алексей Михайлович о случае на соколиной охоте. И здесь **полк** значит охотничий отряд и свиту царя, весь состав «охоты».

Но полк означал в старину и войско в боевом строю, и лагерь или ставку. «До полку Кобыкова» в «Слове о полку Игореве» означает **до самой орды хана Кобыка**. И при осаде Казани царь Иван Грозный, по рассказу летописца, «стоял полком весь день близ города», то есть в строю, в боевой готовности.

Наконец, и самое название «Слове о полку Игореве» говорит, что **полк** имел также значение поход.

Основным значением было очевидно – вооруженный отряд, войско, готовое к бою. Это значение и получило преобладание, тем более, что вошло в военную терминологию Московской Руси. Московское войско в боевом строю состояло из Большого полка (центра), Полка левой руки (левого крыла), Полка правой руки (правого крыла), Переднего полка (авангарда), Ертаульного полка (разведывательного) и Сторожевого полка.

С проникновением на Москву европейской техники появились другого рода полки – Железный полк (латники), Рейтарский (кавалерийский), Солдатский (в котором пехота была вооружена по-европейски), Стрелецкие полки. Получилось два смысла слова, существовавшие одновременно – полк в смысле отдельного, самостоятельно действующего войска и **полк** в смысле особого отряда, войсковой части.

В старинных приказах встречаются такие фразы, как «с ними же (латниками) в полку (то есть в одной армии) быть солдатским трем полкам».

С полной реорганизацией войска, проведенной Петром, **полк** получил наше нынешнее значение.

Таким же богатством и сложностью значений обладало и слово **промысел**. Теперь оно означает разные занятия, не входящие в круг сельскохозяйственных, заводских и рудных работ:

охоту, рыболовство, промывание золота и так далее. В старину **отхожими промыслами** называли вообще всякую вольную работу, которой занимались крестьяне, уходя в города или в районы, где можно найти заработки. **Кустарным промыслом** называлась и ремесленная работа. Все это как будто довольно обыденные занятия, работа, как всякая другая. Но не так было в старину.

Слово **промысел** – высокого происхождения, как выражались в старое время. Так переведено было греческое слово, означавшее божественное **провидение**. Но основное значение греческого слова – то же самое, которое заключается в имени великого богоборца античной мифологии – титана Прометея, бесстрашно восставшего против велений громовержца Зевса, чтобы добыть людям огонь с неба и научить их ремеслам и знаниям. Это имя означает «Промыслитель», и **промысел** тут – смелое движение мысли вперед, способность к творческому замыслу, открытию, раздобыванию, отважная предприимчивость, рассчитывающая только на себя.

И вот «прометеевский» смысл этого слова, заложенный в самом языке – и, конечно, нашедший сочувствие и понимание в русском народе, – борется с первоначальным богословским значением и отнимает это понятие у бога, которому оно первоначально принадлежало. «Божий Промысел» – это сочетание всеведения со всемогуществом. Но московские цари берут **промысел** на себя – они ведь цари «божьей милостью», самодержцы. Казань и Астрахань взяты «премудрым промыслом великого государя Ивана Васильевича (Грозного)». И уже в этом выражении звучит понимание промысла, отличное от христианского. Тут же слышится хвала умело проведенному предприятию, сопряженному с большими трудностями и риском.

Вскоре и Ермак уговаривает Строгановых поддержать его промысел – завоевание Сибирского царства. Это уже замысел необычайной смелости и огромного размаха, по плечу только таким удалцам, как Ермак и его «промышленники».

И в дальнейшем **промысел** означает поиски разведывательных отрядов, смелые маневры, всякие действия, в которых проявляются предприимчивость, энергия, предусмотрительность и вместе с тем вера в свои силы, в свою удачу. Про польского воеводу говорится, что он, «видя над собою государевых людей промысел и тесноту, бил челом о сдаче». Так же и при штурме Смоленска в 1654 году поляки и немцы, запертые в городе, испытав «храбрство и премудростные многоразличные промыслы и ратных людей жестокие приступы», сдались.

Вот, значит, откуда пошли наши промыслы.

Завоевывать нашим промышленникам было уже нечего, но они промышляли то, что оставалось – пушнину, рыбу, дичь, золото, соль и т. д.

Все это были вольные занятия на собственный страх и риск, предприятие, которое любо было удалому русскому сердцу. Человек отправлялся **промышлять** – иногда сам не зная куда, на авось, полагаясь только на себя самого. Это были не просто поиски заработка и даже не только поиски счастливого случая. Это было деятельное и отважное стремление «людей посмотреть и себя показать», найти приложение силам и способностям, которым не было размаха в деревне. Особенно влекли поэтому к себе такие промыслы, как звероловство, рыболовство, поиски золота, драгоценных камней, руды, где главную роль играли даже не умение и опыт, а особый талант или чутье: угадывать, где искать и как добиться удачи. Смелость тут существенная черта. Недаром **удача** и **удаль** – слова одного корня, и понятия эти были связаны в русском народном представлении и особенно применительно к промыслу. Еще Святослав в знаменитой своей речи перед решительной битвой говорит:

«Не посраим земли русской, но ляжем здесь костями. Мертвые сраму не имут. Станем крепко. Я пойду впереди. Если же голову сложу, промыслите о себе сами».

В литературном языке героическое содержание **промысла** не нашло себе места; оно употребляется в смысле **умысла** (интриг). Ломоносов, воевавший с академиками-немцами, которые не давали ему житья, жаловался на «Тауберта и Шумахера промыслы».

Термин **промышленность** создан Карамзиным в конце XVIII века по французскому образцу, чтобы передать понятие **индустрия**. Но любопытно, что во французском языке это слово имело также значение, близкое нашему **промыслу** – ловкость, дельность, предприимчивость. Французское ироническое выражение **шевалье д'эндюстри** (*chevalier d'industrie*) означало **авантюрист, аферист, буквально рыцарь собственной предприимчивости**, то есть человек, существующий только личной изворотливостью. Может быть, это бытовое значение термина **индустрия** (*Industrie*) во Франции и побудило Карамзина перевести его новообразованием от старинного нашего слова **промышлять**.

* * *

Иногда слово может приобрести совершенно неожиданное и побочное значение, которое объясняется только бытовыми условиями эпохи.

Баран был самым распространенным животным на Руси. Поэтому в те времена, когда денег в обращении было еще мало, именно баран (овца) и был ходовой натуральной платежной единицей.

Позже, когда деньги перестали быть редкостью, можно было заменять натуральные повинности денежными. Требовалось, например, «платить на год старосте по барану, а не любо баран, ино за барана 2 алтына». Затем уже целиком перешли к взиманию платежей деньгами. Но основой расчета оставался прежний, привычный и удобный **баран**. Однако при этом уже даже не возникало представления о животном. Ведь и мы, когда говорим **стадо баранов**, не представляем себе животных с своеобразными рогами и шерстью, да и на самом деле обычно мы говорим о стаде овец. Сам язык ведет к этому словоупотреблению. Так и **баранина** фактически – мясо овцы и **баранья** шапка делается из овчины.

Так возникло выражение **за баран** – то есть в качестве подати, в качестве штрафа, – и **баран** стал обозначением всякого принудительного платежа.

Так как документов такого рода сохранилось много, то любопытно проследить, как изменяется та же формула постановления:

1337 г.: «...а друг у друга между кто переорет (запашет) или перекосит – вины баран, а меж сёл между – 30 белок».

1438 г.: «...а кто у кого между переорет или перекосит, взять на виноватом за баран 8 денег».

XVII в.: «...кто у кого между переорет – межевой баран 2 алтына, кто у кого перекосит – перекосной баран 8 денег».

Так на рубеже XIV века баран обратился из животного в подать и штраф, а вскоре стал таким отвлеченным термином, что можно было говорить о межевом, перекосном, огородном баране. Наряду с этими штрафными баранами был баран пошлинный.

При переходе из одной сельской общины в другую крестьянин должен был платить «перехожий баран».

На самом деле переходим оказывался, конечно, не баран, а крестьянин, который при переходе из одной сельской общины в другую должен был платить пошлину под этим названием.

Вот какие удивительные превращения происходят с нашими словами даже такими простыми и, казалось бы, неизменными, как **баран**! Не будь в нашем распоряжении архивных документов, мы, пожалуй, никак бы не догадались, откуда взялось это старое слово **баран (и баран)** в смысле **подать, штраф**. Между тем далеко не все наши слова так хорошо документированы в древней письменности.

4. Обрусевшие иностранцы

Уж на что, казалось бы, исконное русское слово **изба**. И значило оно как будто всегда и всюду одно – крестьянское жилье. И, однако, это не так. Это слово имеет большую историю.

Оно усвоено было от нас степными кочевниками, половцами уже в ХН–ХІІІ веках. Но означало оно тогда еще не жилой деревенский дом, а баню. Эту важную вещь в древнерусском быту и заимствовали от нас половцы, а жилища **изба** была им, кочевникам, ни к чему. И первоначально это слово писалось **истьба, истобка**.

Так, киевский летописец, рассказывая о мщении княгини Ольги древлянам за убийство мужа, Игоря, повествует, что древлянских послов пригласили в «истобку», а когда древляне «влезоса и начата ся мыти», то дверь заперли и баню подожгли. То же значение бани имело это слово и в германских и романских языках, потому что баня (парная) – изобретение античное и появилось в Европе вместе с римлянами. Самое слово это даже не латинское, так как в основе его лежит греческое **туфос**, его значение – **жар**, отсюда и термин **тиф**, который в народе называют **горячка**.

Но латинское слово означало собственно не помещение, оборудованное, чтобы в нем па-

риться, а вообще отопленное помещение, в котором римляне нуждались на севере: в Италии отопление было не нужно. То есть это помещение было снабжено печкой – до этого в Европе знали только открытый очаг для приготовления пищи да кузнечный и рудоплавильный горн. Естественно потому, что это слово у нас (и во всех славянских языках) пришло к значению **жилое помещение** (в немецком оно означает **комнату**), а прежнее значение перешло на **баню** (латинское слово). Комната же называлась на Руси **горницей** (отсюда **горничная**), буквально – **верхней** (во втором этаже), или **светлицей**, то есть снабженной окнами, в противоположность темным сеням, клетям и чуланам.

Вот какое сложное и большое прошлое у нашей избы. Да и не удивительно. Идея отопления и изобретение для этого закрытой печи создало новую эпоху в истории быта.

Правда, изба была курная, без дымохода. И поэтому, когда, опять-таки в античном мире, изобретена была печь с дымоходом, **каминос** (отсюда наш **камин**), то латинское **камината**, буквально **снабженная печкой**, в свою очередь распространилось по Европе: во французском это слово так и означает еще печку с дымоходом и трубой, у нас – **комнату**, то есть то самое, что в более простом виде выражалось раньше словом **изба**.

Кто подумал бы, что **доска** не родное русское слово? Трудно даже представить себе, как могло отсутствовать в языке такое понятие. Но люди быстро привыкают к вещам. Не верится, что картофель начал распространяться в России всего лет полтора тому назад, табак столетием раньше. А привычка к вещи переходит и на слово.

Доска к тому же очень старое заимствование. Наконец, доска не такая простая вещь, как кажется на первый взгляд. Чтобы сделать доску, надо иметь большую пилу, а между тем слово **пила** ощущается, пожалуй, как более новое, и самая вещь как более высокая технически, чем доска. **Пи́ла**, впрочем, тоже заимствованное слово. До этого важного изобретения доску заменял тес, расколотое пополам или обделанное топором бревно.

Наше **доска**, славянское **дъска**, это – греческое **дискос**, обозначавшее металлический круг, диск, служивший для метательных упражнений, а также и подставку, поднос. У германцев оно перешло к значению **блюдо**, а затем стол (Tisch). Такой же переход произошел с латинским словом **табула** (доска), во французском **табль** (table) – это **доска** и **стол**. У нас **доска** не получило значения **стол**, вероятно, потому, что в русском языке уже было свое слово **стол**, связанное с глаголом **стелить**. Можно заключить из этого, что первоначально слово **стол** означало **скатерть**, покрывку, как **постель**. По-видимому, этим объясняется, что это слово означало в древней Руси не только стол, но и кресло, а в особых случаях – местопребывание князя. Отсюда **стольный** град – Киев, **столица**, **престол** (трон) – как бы первоначальная степень **стола**.

Пушкин, объездивший пугачевские места, собирая материалы для своей «Истории пугачевского бунта», передает, со слов старой казачки, о забавной ошибке Пугачева, который, войдя в алтарь церкви, сел на алтарный стол (в церковном словоупотреблении **престол**), сказавши: «Давненько я не сиживал на престоле».

Столь же удивительным производным, уже от слова **доска**, оказывается **чан**.

В этом случае сохранились в древней письменности и промежуточные формы **тщан**, **тчан**, **щан**, а также **дошан** (большая кадка) и **доскан** (ларь), **досканец** (табакерка, ящичек).

Наконец, возможно, что и наш **стакан** того же происхождения, как об этом свидетельствует старинная форма **достокан**.

Очень старым словом является **товарищ** – в старорусском языке оно означало соратника, соучастника похода или торгового путешествия. **Товарищ** образовано от **товар**, первоначальное значение которого – **обоз**, **стан**, а затем **стадо** и всё, добытое оружием или обменом, торгом.

Это слово восточное, может быть полученное еще от хазар. В тюркских языках оно означало **караван**, **табун**, **имущество**.

Прямым путем развилось значение однополчанина, сожителя, члена одной артели, соучастника предприятия. Из последнего вырос термин **товарищество** – в смысле торгового или промышленного предприятия, компании. Из косвенного значения **спутник**, которое было в ходу уже в старину, например «боярин (такой-то) со товарищи», выработалась должностная дореволюционная терминология: **товарищ министра**, **товарищ прокурора**, то есть помощник, заместитель министра или прокурора.

Политическое значение слова **товарищ** развилось под влиянием европейского **камрад**, пошедшее от испанского **камарада**, что значило буквально **камерный**, то есть солдат той же

камеры (казармы). Это военное слово вошло в солдатскую речь всей Европы уже в XVII веке. Французская революция 1789 года была, однако, штатской и прежде всего чисто политической – дело шло об уничтожении феодальных прав и привилегий. Поэтому ведущим и сигнальным понятием ее стало **гражданин**.

Речь французского двора и дворянства перед революцией пестрела пышными феодальными титулами и чинами – господин маркиз такой-то, граф такой-то, синьор такого-то имения и замка. Так у Дюма Атос – граф де ла Фэр, синьор де Бражелон и т. д. Портос – барон дю Валлон, синьор де Бросье и де Пьерфон. В обращениях имена сопровождалось титулами: ваша светлость, ваше сиятельство, превосходительство, монсиньёр и т. д. На этом пышном фоне – вдруг такие простые до суровости обращения, даже к главе государства, как **гражданин Робеспьер, гражданин Бонапарт**, – звучало мятежно и демократически.

Это демократическое движение было подхвачено и передовой русской интеллигенцией начала XIX века. Зазвучало восторженно и слово **гражданин**, собственно славянская форма нашего **горожанина**. Заговорили о «гражданской добродетели», «гражданском мужестве». Последнее стихотворение Рылеева озаглавлено «Гражданин». Сумасшедший император Павел запретил употребление этого революционного слова в печати.

После Октябрьской революции **гражданин** стало официальным термином, заменившим сословные обозначения (и административные **обыватель, житель**). Но в советской атмосфере, в советской жизни дело шло уже о неизмеримо большем – о строительстве нового социалистического мира, то есть прежде всего о новой организации и преобразовании труда. Какое же слово должно было стать ведущим, как не **товарищ**? Оказалось, что этим словом можно выразить прямее, сильнее и проще то крепкое творческое, дружеское и ответственное отношение, которое должно было по-новому объединить между собой трудящихся всего мира.

И замечательно, что в то время как Рылеев воспевал гражданина, Пушкин с его чутьем русского языка первый, говоря о революции, вложил политический смысл в новое слово, которому принадлежит будущее:

Товарищ, верь: взойдет она.
Звезда пленительного счастья...

* * *

Наше старинное **исполать тебе** в смысле **хвала, спасибо** звучит торжественно. Так и кажется, что его произносили медленно и важно московские бояре с окладистыми бородами, в длинных тяжелых кафтанах и высоких шапках и при этом низко кланялись поясным поклоном, касаясь рукой земли. Выражение это часто встречается и в былинах, и в народной поэзии. В знаменитой разбойничьей песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка» царь говорит захваченному, наконец, разбойнику:

Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать.
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Середь поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной!

уж, казалось бы, истинно русское слово. И тем не менее это слово – греческое выражение **ис поллá эти, дёспота**, что значит **на многие лета** (здравствуй), **владыка**. Этими словами хор приветствовал выход митрополита или архиерея в церкви. Употреблялись они при провозглашении многолетия. Часто слыша этот возглас в торжественных случаях, естественно было, не понимая греческих слов, усвоить его, как выражение торжественного приветствия, прославления.

Пожалуй, еще интереснее происхождение слова **куролесить**, тоже, казалось бы, совсем народно-русского. Его значение – вытворять такое, что грозит кончиться бедою. В старину говорили также **куролесить** в смысле вести себя странно, нелепо, и **куролесом** называли взбалмошного, сумасбродного, шального человека. Эти выражения возникли, как это ни странно, то-

же из греческого церковного возгласа **кирие элейсон** (господи помилуй), которым отвечает хор на молитвы дьякона.

Чем объяснить такой переход значения? Но перехода и не было, просто слову был придан совсем новый смысл. При богослужении на греческом языке нередко бывало, конечно, что певчие, не понимая слова, путались и сбивались с тона и ритма и пели не в лад, особенно, когда участвовало два полухория, стоявшие на противоположных крылосах; **крылос** – тоже переделанное греческое **клирос** (причт), осмысленное как **крыльцо**. Недаром греческое **катавасия** – схождение полухориев с крылосов на средину церкви – стало значить у нас **суматоха, кутерьма**.

Куролесить означало тоже **производить сумятицу**. На церковное происхождение указывает и поговорка «поет куролесу, а несет аллилуйю».

Но кроме церковной обстановки, была и историческая. Возглас **кирие элейсон** употреблялся в старину в качестве боевого клича при нападениях и вылазках. Отсюда старинное **куролеса**, означающее, по-видимому, разбойничью песню, судя по поговорке «идут лесом и поют куролесом». Таким образом, **куролесить** должно было означать первоначально **нападать врасплох, производить смятение, причинять беду**.

Любопытный случай представляет и наше **шарманка**. Старинная немецкая песенка, начинавшаяся словами **шарманте Катарина** (Scharmante Katharine), входила в состав пьес, исполнявшихся этими музыкальными инструментами, и «Прелестная Катерина» даже обычно стояла первым номером. **Scharmante**, первое слово песенки, и стало названием инструмента. В польском языке в том же значении **шарманка** усвоилось второе слово той же песенки, очевидно потому, что первое слово было непонятно, второе же было имя – и шарманка получила название **катерника**.

5. Перекрещенцы

Нередко заимствованные слова переделываются на русский лад, подгоняются под русские, довольно Удачно получая даже более или менее подходящий смысл. Например: **противень**. Чем не русское слово? Правда, если вдуматься, то покажется странным, почему бы это кухонное приспособление – железный лист, вкладываемый в духовку, – могло так называться? Что в нем противного? Или против чего он помещается?

В действительности это слово – переделанное немецкое **братпфанне** (Bratpfanne), так немцы называют сковородку, форму для жарения.

Или **шумовка** – разве не звучит совсем по-русски? Разве только, что шум тут совсем ни при чем. Оказывается, это обрусевшее немецкое **шаумлёффель** (Schaumloffel), буквально – **ложка** (для снятия) **пены**.

Оба эти слова очевидно созданы, и удачно, нашими домохозяйками.

Столярам мы обязаны такими же изобретениями названий: **рубанок** – как будто от **рубить**, хотя служит этот инструмент для строгания, – из немецкого **рюбанк** (rübank), буквально **грубый станок**; **струбцинка** – может быть под влиянием нашего **раструб** – из немецкого **шраубцинге** (Schraubzwinge) – **винтовой зажим**; **напильник** – потому, что служил и для точки пил – из немецкого **наделфайле** (Nadelfeile), буквально **игла-пила**.

Матросы создали свое знаменитое **есть**, энергичное, краткое, выразительное. Оно как будто значит: готово, сделано, имеется, принято к сведению или исполнению. Иногда говорится в просторечии в ответ на предложение или просьбу: «есть такое дело» в смысле: найдется возможность, уговорились, будет сделано.

Однако это морское **есть** вовсе не форма нашего глагола **быть**, а английское выражение **Йэс, сэр** (Yes, sir) – вежливый ответ начальнику, учителю, незнакомому человеку: «Да, сударь».

Мы говорим: **в утренней дымке, все представляется в розовой дымке**. У нас возникает при этом представление о легком тумане. Но это только случайное сходство совершенно различных слов. Первоначальное значение слова **дымка** (из турецкого **дым**) – сорт тонкой, легкой, полупрозрачной ткани – от греческого **димити**, буквально **двухнитяный**, то есть сотканный в две нитки. Гораздо плотнее был старинный аксамит: **аксамит (в шесть нитей)** – тоже греческое слово, которым называли бархат.

Так смысл слова затуманился под влиянием **дымка́**, и это способствовало тому, что старинное слово сохранилось до сих пор – в переносном смысле, хотя основное значение давно за-

былось вместе с самой тканью. **Аksamит** еще живет в украинском языке.

Интересный пример такого же осмысления представляет название народности, живущей на севере нашей России, упрочившееся даже в официальном и научном употреблении до начала XX века, – самоеды. Как будто нужно подчеркивать, что люди этого племени едят без посторонней помощи! Сами они называют себя ненцами. Но мы познакомились с этой народностью через посредство их соседей зырян, которые называли их **самейтс**, что значит **болотные жители**, и переделали это название по-своему.

Мы говорим **примазаться** в смысле **втереться, пристроиться** к какому-нибудь делу, предприятию, организации. Связь этого выражения с **мазать** как будто очевидна. Человек как будто прилипает к выгодному делу, клеивается в круг нужных ему людей, при этом исподволь, осторожно, как будто подмасливая, подмазывая свое внедрение, чтобы не вызвать «трений».

Влияние этих представлений на развитие смысла **примазаться** несомненно. И однако это слово не имеет ничего общего с **мазать**. Это выражение возникло в обиходе карточной игры и первоначально означало присоединиться к ставке другого игрока, поставить дополнительные деньги на карту другого, сделать надбавку к объявленной другим сумме ставки. Этот прием имел немалое значение, особенно в конце игры, потому что позволял сделать ставку вне очереди (которой могло уже не оказаться). Это был вернее всего каламбур. Сумма, накопившаяся в «банке», у банкмета (ведущего игру), называлась по-французски **масс** (masse), – **куча, множество**, отсюда и наше **масса**. «Держу 50 рублей мазу» – объявлял игрок, желавший примазаться.

Наше **копейка** тоже обрусевшее слово. На старинных монетах Московской Руси изображен был Георгий Победоносец, поражающий змея копьем.

Поэтому естественно производить отсюда название «копейных денег». Новгородская летопись под 1535 годом сообщает: «А при великом князе Василие Ивановиче (отце Ивана Грозного) бысть знамя (знак, изображение) на деньгах: князь великий на коне, а имел меч в руке. А великий князь Иван Васильевич (Грозный) учини знамя: князь великий на коне, а имел копие в руке – и оттоле прозватися деньги копейные». Объясняли название копейки и от корня копить и от слова **копа** в значении **куча, 60 снопов**. Но и это только попытка осмыслить слово по-русски. На самом деле происхождение этого слова древнее, и **копейка** – татарское слово – **копек**, что значит **собака**. Татары называли так монету с изображением герба знаменитого Тимура – львом, зверем, который нашим татарам был неизвестен.

Самое название денег и монеты, **деньга, денежка** – татарское (из персидского). **Алтын** – тоже татарское слово и значит **золотой**, как **Алтай** – это **золотая гора**; но может быть и не в прямом смысле, а как монета Золотой Орды.

Рубль производили от глагола **рубить**, объясняя будто монету рубили из серебряных брусьев. Но рубли никогда так не выделялись, а изготовлялись отливкой. Поэтому считается, что это слово происходит от арабского **руб** (четверть): наш рубль первоначально составлял четверть гривны; а арабское **руб**, в свою очередь, – заимствованное из Индии **рупия**, название крупнейшей серебряной монеты, буквально – **снабженное изображением**.

Однако **рубль** несомненно старинное русское слово. Оно встречается в летописи под 1071 годом в значении **обрубок, чурка** и происходит, конечно, от **рубить**, как **воплъ** от **вопить**. Переход от этого значения к названию монеты довольно ясен. Известно, что первоначально даже монеты ценились по весу и нередко разрубались надвое и начетверо для размена или точного дележа. В наших древних кладах обнаружено немало разрубленных таким образом монет. Такой кусок монеты, в частности отрезок гривны, мог естественно называться тоже **рублем**, как **резанью** назывались и мелкая монета, и отрезок, кусок, например, **резань мяса**.

Когда стали отливать монету, составляющую по весу четверть гривны, то на нее естественно перенесли и название **рубль**.

Похерить оказывается тоже мниморусским словом. Хер было название буквы х в славянской (древнеболгарской) азбуке, которой пользовались в России до реформы Петра Великого и много позже. Но таким же косым крестом перечеркивали написанное. Таким образом **похерить** означало первоначально **вычеркнуть, вымарать**. Такой же переход значения имеется и в выражении **поставить** (на чем-либо) **крест**.

Любопытное осмысление представляет **прохвост**. Присутствие **хвоста** в этом слове, конечно, не лестно, но и не слишком обидно; оно, пожалуй, даже придает этому ругательству малосерьезный характер.

Между тем это слово само по себе не заключает ничего обидного. Напротив, по своему происхождению оно даже очень почтенное. Это – латинское пропозитус – начальник, буквально **поставленный впереди**. Во французском языке оно обратилось в **прево** (prévôt) – со значениями **купеческий старшина, городской голова, комендант города, войска**. Польское **пробош** тоже было почтенным званием. В немецком **пробст** – глава церковной епархии. Но вариант этого же слова, немецкое **профост**, или **профос**, стал названием неприятной должности тюремного надзирателя, чаще всего унтер-офицера при караульне, где содержались арестованные солдаты. Это слово перешло к нам вместе с должностью в XVIII веке, когда приняты были у нас немецкие военные порядки. Во флоте профос был чем-то вроде вахтера или завхоза. В старинном морском уставе обязанности профоса определяются так: он должен следить за чистотой, «а особливо, дабы люди для телесного испражнения ходили в указанное место, а в неуказанных местах отнюдь бы того не чинили, а также должен чинить наказания и казни по указу». Следовательно, профос был и исполнителем телесных наказаний, должность, конечно, не привлекательная, тем более, что это был свой брат-солдат, который нередко злоупотреблял своим положением, проявляя усердие в глазах начальства.

Звук **ф**, который был искони чужд славянским языкам, – потом он появился из глухого **в** (мы произносим **вставши** как **фстафши**) – в народных говорах передавался у нас как **хв**, например, **хвакт** вместо **факт**. Здесь же действовала и игра слов – **прохвост** звучало чем-то вроде **прихвостня**.

6. Слова-ошибки

Многие слова, даже важные по значению, даже вошедшие в научную терминологию, созданы по случайной ошибке. **Каннибал** вошло во все европейские языки в значении **людоед**. Но это – неточная передача имени **Кариба** – так называло себя первое племя, которое встретили европейцы, открыв Америку. Карибы были людоедами. Но на карибском языке это слово означало **храбрый**. Подобным образом первые европейцы, попавшие на остров Борнео, услышали от туземцев побережья слово **орангутанг**, означавшее **лесные люди**. Так как европейцы впервые здесь увидели крупных обезьян азиатской породы, то они решили, что таково туземное название этой человекообразной обезьяны: **лесной человек**. На самом деле туземцы называли этим именем людей, живших во внутренних лесах острова. Тем не менее это ошибочное название прочно укоренилось в научной терминологии за обезьянами.

Замечательный и редкий случай, когда ошибка возникает из-за простой описки, представляет термин **зенит** – точка пересечения небесного свода вертикалью, проведенной от наблюдателя, – отсюда в переносном смысле **высшая точка**, например «в зените славы, счастья». Слово это не коренное в европейских языках. Однако и в других языках его тоже не найти.

Дело в том, что старинный ученый, еще в средние века, разбирая арабскую астрономическую рукопись, неаккуратно передал латинскими буквами одно слово. То ли последняя черточка буквы **m** оказалась на отлете, не связанной с первыми, то ли перо случайно задело бумагу влево от следующей буквы, только переписчик прочел **ni** вместо **m**. Так создалось слово **зенит**, мнимо-арабское и вообще мнимое слово. Ошибка обнаружилась гораздо позднее, когда **зенит** стал уже общеустановленным научным и литературным термином и упрочился во всех языках.

Подлинное же арабское слово **земт**, или **замт**, означает **путь, направление** – подразумевается направление, в котором смотрит наблюдатель. **Земт** с арабской определительной частицей **аль** – в данном случае **аз** вследствие следующего **з** – и в форме множественного числа **аз-зумут** (направления линии) также вошло в европейскую астрономию: азимут – это угол, образуемый небесным меридианом и вертикальной плоскостью, проведенной через местонахождение звезды.

Любопытные ошибки бывают и в другом роде – в самом значении слова.

Адамовым яблоком называется во всех языках Европы кадык, хрящ гортани, выступающий у мужчин под подбородком. Откуда это выражение?

«Книга Бытия» (часть Библии) рассказывает, что бог изгнал первых людей, Адама и Еву, из рая за то, что они, вопреки его запрещению, поели плодов с дерева добра и зла, росшего в самой середине райского сада. Рассказ этот в Средние века знали решительно все – Библия почиталась энциклопедией знаний, полученной прямо от бога. Анатомию же знали плохо даже ученые, по-

тому что изучать ее на трупах считалось кощунственным.

Поэтому, когда средневековый ученый встретил в еврейском медицинском трактате выражение **тапуах та адам** в значении **кадык**, то он естественно связал его с библейским рассказом о злополучном плоде райского дерева. **Тапуах** может означать любой плод. В данном случае, конечно, это должно было значить **яблоко**, решил он. Ведь не шишки же росли на этом чудесном запрещенном дереве!

Но почему же кадык назван **яблоком Адама**? Ясное дело – потому, что в назидание грешнику (это ведь было первое преступление вообще) и всему будущему человечеству кусочек яблока застрял в горле Адама, образовав выступ на шее, который и передается всем сынам человеческим, как клеймо первородного греха!

Для того времени это было остроумное и убедительное объяснение.

На самом деле было не совсем так. Грех тут был, но не Адама, а наивного средневекового ученого. **Адам** по-еврейски значит **мужчина**, как **ева** – это **женщина**. И **тапуах** может значить не только **яблоко**, но и **шишка**. И кадык просто-напросто и был назван по-еврейски **шишкой мужчины**. И грехопадение Адама, и райские плоды добра и зла здесь совсем ни при чем.

От этих слов-ошибок нужно отличать слова-калеки. Так, французское **мигрень** означает головную боль, характерную тем, что болит обычно та или другая половина головы; слово появилось из греческого **гемикрания**, буквально **полуголовье**. Арника – растение, отвар которого применяется при ушибах и порезах, его название происходит от греческого **птарника** – буквально **чихательная**, потому что трава эта вызывала чихание. **Луза** – сетка или мешок по углам бильярда, в которую нужно загнать шары, – не что иное, как французское **блуза**, первоначально означавшее небольшой островок необработанной земли между полями, овраг. Мешок бильярда был тоже своего рода «оврагом» на окраине зеленого поля стола. Французское **блуза** как рабочая рубашка, вероятно совсем другое слово, первоначально означавшее вид шерсти. Арабское **любан Джави** (Явский ладан, ароматная смола) обратилось подобным же образом в **бензой**, от которого произведен и наш термин – **бензин**; здесь от имени **Ява** остался только след – звук **з**, образовавшийся из **дж**.

Но такие усечения происходят не только с иностранными словами. В старину в немецком городе Иоахимстале чеканилась крупная серебряная монета, которую поэтому и назвали **иоахимсталер**, то есть **иоахимстальской**. Но слово было очень длинное, а монетка ходкая; его и сократили в **талер** (Taler). Любопытно, что на Руси эту монету называли **ефимком**, то есть оторвали, наоборот, начало слова, имя **Иоахим**, которое соответствует нашему **Ефим**. Измененный голландским, а затем американским произношением, **талер** превратился в доллар (dollar).

Иногда же, напротив, слово переходит в другой язык с излишком, например, с определенной частицей, артиклем. Так, в слове **трюм** (и родственном ему **трюмо**) лишним оказывается начальное **т**: голландское **хет рюм** значит **промежуток** – между дном и полом судна, между двумя окнами. А в слове **лафет** излишке начальное **л**: французское **афю** (afrut) было заимствовано вместе с определенным артиклем **le**: **l'affilt** стало **лафетом**.

Ряд слов переходит в другой язык в форме множественного числа. **Бегемот** по древнееврейски буквально звучит **гиппопотамы**; **магазин** по-арабски – **склады**; **набат** по-татарски – **барабаны**. Излишними окончаниями множественного числа являются – **им** в древнееврейских **херувим** и **серафим**; – **ан** в арабском **талиман** и **мусульманин**; – **с** в английских **рельс** (от **rail**), **кекс** (от **cake**), **бифштекс** (от **beefsteak**), **зулус** (от **Zulu**), **индус** (от **Hindu**), **папуас** (от **Papua**, **Papuan**) и в испанских словах **меринос** (от **merino**), **пампасы** (от **ратра**), **льяносы** (от **llano**).

Конечно, правильнее были бы формы **зулу**, **инду**, **папуа**. Но русский язык не терпит несклоняемых слов. За правильную, несклоняемую форму **пальто** ведется многолетняя упорная борьба, и то нельзя еще считать его застрахованным от склонения. А уж на что это слово прочно и повсеместно вошло в русскую жизнь!

А древнееврейские и арабские слова, приведенные выше, мы получили уже в форме множественного числа с Запада или из Византии. Непосредственно с Востока нами взята была в старину более верная форма **магазея**, но она не вошла в литературный язык, так как казалась «простонародной» по сравнению с западной **магазин**.

Таким же образом наши старинные книжники попали впросак с **почтой** и **мачтой**. Первое пришло к нам из Польши в форме **пошта** (то же в других славянских языках), но это – итальян-

ское **поста** (то же слово, что **пост**), имеющее смысл **установленное место, подстава лошадей**. Так и говорили и писали у нас в старину – **пошта**. Но эта форма напоминала «простонародное» произношение **што**, скушно, вместо литературного **что**, **скучно**. И вот не в меру усердные ревнители правильности языка исправили правописание этого слова. Так же поступили и со старым словом **машта**. Но в обоих этих случаях нет ничего подобного переходу **что** в **што**, и **ч** тут восстановлено по ошибке. Если хотели формальной правильности или хотя бы общеевропейского единообразия, то следовало бы писать **поста, маета**: сравните с английскими **post** и **mast**.

Кстати, в московском говоре (принятом и в школах и на сцене) **что** и **скучно** как раз и требуется произносить **што** и **скушно**! Следовательно, наши умники XVIII века в этом случае попали впросак вдвойне.

Иногда таким путем создаются совсем новые слова. Голландское слово **зоннендек** – буквально **закрытие (от) солнца** – упростилось в русском языке в **зонтик**. Но это слово, по аналогии с **винтик, бантик**, воспринималось как уменьшительное от якобы основного слова **зонт**, которого никогда не бывало. И вот большой зонтик стали называть **зонтом**, словом уже не голландским, но и не русским, а каким-то мнимоиностранным, русско-голландским.

Совершенно так же **фертик** (щеголь, франт): это заимствованное немецкое **фертиг** (*fertig*), буквально **готовый**; слово было понято как уменьшительное и потому применялось чаще к молодым людям и довольно снисходительно. Но иногда хотели оттенить и самодовольный, «ухарский» характер поведения человека более опытного, более пожилого. Так создалось другое мнимоиностранный слово **ферт**. Например, у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «Лиза порхала по зале с каким-то ухарским фертом».

Этому словообразованию способствовало еще и то обстоятельство, что в русском языке уже издавна существовало слово **ферт** – это название буквы **ф** в славянской азбуке. Самая форма этой буквы напоминала самоуверенную подбоченившуюся фигуру «руки в боки». Отсюда выражение **стоять фертом**, как, например, пелось в старинной русской солдатской песенке:

Царь немецкий, царь пшеничный,
Взгляд куриный, нос брусничный,
Руки фертом под бочок,
А душа вся с пятачок.

Любопытный пример самодельного иностранного слова представляет **папироса**. Это слово составлено по образцу старинной **пахитосы**, «соломенной» сигареты, – от испанского **пахито** (соломинка): соломинка служила мундштуком. **Пахито** взяли во множественном числе и еще прибавили к **пахитос** наше окончание женского рода – **а**. Когда соломинку заменили мундштуком из толстой бумаги, то эту новую вещь назвали **папироса** – от немецкого **папир** (*Papier*), что по-русски **бумага**.

Фокус – это ловкое действие, приводящее непонятным образом к неожиданному результату; этот **фокус** не имеет ничего общего с общеевропейским научным термином **фокус**, которое означает точку пересечения отраженных или преломленных лучей; центр (своего рода) эллипса, гиперболы; очаг воспалительного процесса (в легких) – последнее значение ближе всего к исходному значению латинского **focus** – **очаг**.

Наше **фокус** (ловкий прием) существует только в русском языке. Но что слово это не русское, **явно** уже из того, что оно начинается с **ф**, а этого звука **в** исконных русских словах не было.

Тем не менее в русском языке нередко **х** (в иностранном слове) заменялось звуком **ф**. Так греческое **химевти** (цветная эмаль, буквально **сплав, литье**), родственное слову **химия**, стало у нас **финифтью**; немецкое **кахель** (изразец, черепица) перешло к нам в форме **кафель**. Так и **фокус**, имевший первоначально полную форму **фокус-покус**, передает немецкое **хокус-покус** (*Hokuspokus*).

Это было заветное слово ярмарочных «магов» и «волшебников».

– Хokus-покус! – провозглашал торжественно и повелительно артист – и вот из шляпы, в которую на глазах у всех было положено яйцо, вдруг вылетала курица. Или вместо пучка соломы, прикрытого платком на виду у публики, на столе оказывался букет цветов.

Эти чудеса происходили как будто по слову артиста, и торжественное, загадочное **хо-**

кус-покус звучало тем более эффектно и внушительно, что возглас был непонятен, странен, звучал, как древнее заклинание, как магический приказ.

И действительно, средневековые колдуны и алхимики пользовались подобными заклинаниями для вызывания и подчинения духов: **оке, покс, хакс, макс** и тому подобная абракадабра.

На этой почве возник и **хокус-покус**. Но уже не всерьез, а как пародия. Это выражение представляет искажение латинской фразы **хок эст корпус меум** (сие есть тело мое), которую произносили во время католической обедни, превращая хлеб и вино в тело и кровь Христа. Искажение этих священных слов было необходимо, чтобы избежать обвинения в богохульстве.

Вот какой фокус вышел с этим словом!

Судьба его, однако, не случайна, а, напротив, очень закономерна. Выражение, отвечавшее когда-то религиозным и суеверным представлениям, было затем развенчано и обратилось в пародию на священное и магическое слово в устах шарлатана и фокусника или стало присказкой в детских играх. Это тот же процесс постепенного отмирания пережитков культуры, который обратил некогда важное орудие войны и охоты – лук и стрелы – в детскую игрушку.

Замечательный случай ошибки представляет слово **содом**.

В Библии рассказывается, что два города, Содом и Гоморра, особенно погрязли в пороках и бесчинствах, и жалобы и проклятия соседних жителей дошли до слуха Иеговы. «И сказал бог: Вопль содомский и гоморрский – велик он, и грехи их тяжки весьма. Сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, исходящий ко мне».

И убедившись, что вопли, то есть жалобы, были действительно справедливы, уничтожил Содом и Гоморру огненным дождем.

Этот библейский текст часто читали в церковных проповедях в назидание прихожанам. Но слушатели поняли его иначе (виноват был и неясный перевод). «Вопль содомский и гоморрский» непосредственно связали с представлением о буйствах и бесчинствах в этих городах. Отсюда **содом** в значении **беспорядочный шум и крик**, и мы слышим: «поднялся содом», «вишь, содом какой подняли».

Глава III СЛОВА ИМЕНА

1. Слова-фамилии

Много вещей получило название от собственных имен. Я имею в виду не такие названия, как **ванька-встанька** – игрушка, **мишка** – медведь, кукла-медвежонок, **иван-да-марья** – полевой цветок или **фомка** – отмычка, или наконец наша знаменитая ракетная установка **катюша**. Таких названий вообще немного, и все они того же порядка, что имена, которые мы даем домашним животным – кот **Васька**, корова **Машка**, конь **Карагёз**. Разница лишь в том, что тут дается человеческое имя единичному животному, а там – целому разряду вещей.

Гораздо многочисленнее названия, данные вещам по именам или фамилиям их изобретателей.

Маяковский в своем «Левом марше» обращается к револьверу, как будто называя по фамилии:

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше слово,
товарищ маузер.

Маяковский здесь не каламбурит, а олицетворяет оружие как истинного товарища революционного народа. Но фактически Маузер, как и Наган, а раньше Браунинг и Кольт – фамилии изобретателей разных систем пистолета.

Шрапнель – фамилия английского генерала, введшего новый вид бомбы, заряженной кар-

течью, Дизель – немецкий инженер, сконструировавший нефтяной двигатель. Ундервуд, Ремингтон – конструкторы пишущих машин. Вестингауз – изобретатель известного пневматического тормоза. Баббит – инженер, составивший новый металлический сплав. Макинтош – шотландский технолог, нашедший способ делать ткани непроницаемыми для воды, прорезинивая их. Форд – американский капиталист, организовавший массовое производство дешевых автомобилей. Лорд Сандвич, страстный игрок, не желая отрываться от карт для ужина, придумал новый, удобный вид бутерброда: ломтик телятины, ветчины или сыра между двумя ломтиками хлеба, чтобы не пачкать рук.

Имя французского маркиза Бешамель сохранилось в названии белого соуса (к телятине), имя французского маршала Пралин – в пирожном пралине: оба были лакомки и держали искусных поваров. Беф-строганов назван в честь богача гастронома графа Строганова.

Личными именами назывались иногда и предметы моды:

Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар, –

рассказывает Пушкин. Генерал Боливар – знаменитый вождь южноамериканских колоний, отколовшихся от испанского государства в 1819 г. (его именем называется республика Боливия). Он был встречен с восторгом в Париже, когда приехал туда вскоре после этого, и его живописная широкополая шляпа (сомбреро) была в большой моде в 20-х годах XIX века. Именем графа Альмавивы, персонажа из комедии «Женитьба Фигаро» Бомарше, назывался черный испанский плащ.

Брюки галифе получили название от фамилии французского генерала, сделавшегося героем парижской буржуазии после жестокого подавления им Коммуны в 1871 году. Френч – походная куртка особого покроя – от фамилии английского фельдмаршала, главнокомандующего британскими войсками во Франции в 1915–1918 годах.

Мансарда – полу чердачное жилое помещение – представляет имя архитектора XVII века, сообразившего, что если скат крыши (крутой и высокий в старину) в верхней половине сделать более пологим, то можно выкроить полуэтаж (с несколько наклонной наружной стеной). Знаменитая гильотина – изобретение французского доктора Гильотена, чье имя пишется по-французски **Гильотин** (Guillotin): изобретатель предложил свою «машину» революционному правительству Франции в 1791 году.

Такие слова-имена создались естественно путем сокращения. Сначала говорили **ружье Винчестер, ружье Шаспо, часы Брегет, шкаф Буль** и т. д., потом просто **винчестер, брегет, буль**. В западноевропейских языках это облегчалось еще тем, что фамилии в них не склоняются и в случаях таких сочетаний играют роль как бы прилагательных. По-русски нельзя сказать **мясо Строганов** или **отопление Аммосов, рысаки Орлов**, как сказали бы французы, или **Рентген-лучи**, как сказал бы немец. По-русски можно только сказать **аммосовское отопление, орловские рысаки, рентгеновские лучи, мясо по-строгановски** или **строгановское мясо**, как есть **пожарские** котлеты, изобретательницей которых была жена станционного смотрителя Пожарского, знакомая Пушкину. Зато русский язык позволяет образование производных от собственных имен, например, **толстовка, берданка** (ружье системы американца Бердана, принятое в русской пехоте в 1869 году), **timoфеевка** (кормовая трава).

Личными именами являются и некоторые названия цветов. Бегония названа в честь французского любителя ботаники Бегона; магнолия в честь французского ботаника Маньоля, чье имя пишется **Магноль** (Magnol); георгин в честь петербургского ботаника Георги; но в то же время это цветочное растение (только что привезенное впервые из Америки) названо было в честь шведского ботаника Даля далией. Камелия получила свое название по фамилии итальянского миссионера Камелли, привезшего луковицы этого цветочного растения из Японии в 1791 году.

Много названий минералов произведено от фамилий людей, открывших или изучивших их, например, доломит по имени французского инженера Доломье, волластонит по имени английского физика Волластона, гадолинит по имени русского академика Гадолина; химический элемент, редкий металл, обнаруженный в этом минерале, получил название гадолиния. Уральский драгоценный камень александрит, замечательный тем, что меняет зеленый цвет на красный в зависимости от освещения, назван так в честь Александра I. Некий ботаник, не знавший русско-

го языка, дал одному растению нелепое название **павловния** – в честь Анны Павловны, которая была дочерью Павла I и женой голландского короля Вильгельма; так или иначе, название вошло в европейскую ботаническую номенклатуру.

В ряде научных и технических терминов увековечены имена ученых. Гальванизмом названо химическое возбуждение электрического тока в честь итальянского врача Гальвани, впервые натолкнувшегося (случайно) на это явление, когда он заметил с удивлением, что лягушечьи лапки, подвешенные на медных крючках к железным перилам балкона, иногда вдруг судорожно сокращались.

Именами знаменитых физиков и математиков названы единицы электротехнических мер: вольт, ампер, ватт, ом, кулон, гаусс, генри, фарада.

Того же порядка и именование наших самолетов по фамилиям славных конструкторов – Лавочкин, Ильюшин, Яковлев, Туполев.

2. Развенчанные боги и герои

Во многих случаях имена литературных и исторических персонажей получили нарицательное значение. Можно сказать: «Он настоящий Обломов» – по лености, инертности, «прямой Хлестаков» – по развязной, беспардонной безответственности своих претензий, «чистый Плюшкин» – это о скареде, «Отелло» – о ревнивце, «Наполеон» – по решительности, диктаторским замашкам. У Тургенева есть повести: «Степной король Лир» и «Гамлет Щигровского уезда», у Лескова – «Леди Макбет Мценского уезда», в которых изображаются типы и ситуации, подобные шекспировским.

Любой типический и достаточно известный персонаж может сделаться таким прообразом. Такими мировыми типами стали Дон-Жуан, Дон-Кихот, так что создались даже производные слова: **донжуанский, донжуанство, донкихотство, донкихотствовать**. В XIX веке называли ловеласом любителя волочиться за женщинами, в пушкинское время – соблазнителя. Ловелас (Lovelace) – фамилия героя в «Клариссе Харлоу»; этот роман англичанина Ричардсона получил большую популярность в начале XVIII века.

Подобным образом имя Иуды, предавшего по евангельской легенде Христа за тридцать серебряных монет, превратилось в нарицательное имя и стало значить **предатель, продажная душа**; Ирод – царь иудейский, по рассказу евангелиста, велел убить одиннадцать тысяч младенцев в расчете, что в их числе окажется Христос: его имя стало означать жестокого человека.

Имя древнегреческого мифического богатыря Геракла (в латинской форме Геркулеса) означает силач: «настоящий Геркулес», «геркулесовское сложение». Мегера была древнегреческим духом, мстившим за убийство: ее имя снизилось до значения злой, сварливой женщины. Равнозначный древнеримский образ фурии выродился в понятие расвирепевшей женщины.

Всевидающее стоглазое чудовище древнегреческой мифологии Аргус – теперь его именем назовут неусыпного, зоркого стража. Мифический Цербер (латинская форма), трехглавый пес древнегреческого царства мертвых – с медной глоткой и железными зубами, унижен до роли свирепой сторожевой собаки. Полулегендарный Крез, царь Лидии (в Малой Азии), впервые в VII веке до нашей эры начал чеканить монету, притом золотую; теперь Крезом называют несметного богача.

Античная мифология была в большом почете в старину, и некоторые ее имена были использованы наукой. Древний обитатель Италии, пастух и земледelec, чтит Фавна, хозяина лесов и пастбищ и их населения – зверей, существо вроде нашего русского лешего, только, может быть, более благодушное. Самое имя **Фавн** значит по-латыни **благодетель, попечитель**; очевидно так называли его, чтобы снискать его расположение. Он изображался в виде бородатого мужчины, нижняя часть тела которого покрыта густой шерстью, а на голове небольшие рожки; иногда имеется и хвост. Женской парой Фавну явилась Фауна, не то жена, не то сестра. Естественно было сделать эту богиню животного мира музой зоологии. Знаменитый шведский натуралист Линней, создатель научной зоологии, описал – по-латыни, как было в обычае в то время – животный мир Швеции, и выпустил его в 1746 году под заголовком «Шведская Фауна». Так как сочинение это охватывало все виды животных Швеции и явилось основным руководством, которому подражали последующие описания животных других стран, то **фауна** стало научным термином со значением **животный мир**.

По аналогии с этим удачным термином для обозначения растительного мира взяли имя **Флора**: так звали римскую богиню весны и растительности. **Флора** образовано от основы **флор** (цвести).

Греческая мифология рассказывала об исконной вражде Земли и Неба, о великом мятеже матери-Земли с ее детищами, Гигантами и Титанами, против Неба-Зевса и небесных богов. Зевс разгромил мятежников ударами молнии; они ниспровергнуты в преисподнюю, задавлены огромными горами. Один из Титанов, Атлас, или Атлант, осужден держать на своих плечах столбы, на которых покоится небесный свод.

В древней греческой поэме «Одиссея» говорится об Атланте, который за свои преступления

...один подпирает громаду
Длинноогромных столбов,
раздвигающих небо и землю.

Уже в древности Атлант изображался несущим на плечах весь земной шар. Что могло быть более наглядным символом географии? Неудивительно, что первый альбом географических карт имел своим фронтисписом (заглавным рисунком) гравюру, изображавшую гиганта с земным шаром на плечах. И альбом этот носил заглавие (по-латыни, конечно) «Атлас, или космографические размышления о здании мира».

Составил его и издал в 1585 году известный картограф Крамер, по национальности фламандец; его имя в переводе на латинский, как было в моде в то время, – **Меркатор**, что значит **торговец**, как и немецкое **Крамер**. Крамеру принадлежит составление общей карты обоих полушарий, в которой полусферы математически переданы на плоскости. Эта карта до сих пор известна как **карта Меркатора**.

Альбом был венцом пятидесятилетней работы Меркатора, законченной, когда картографу было 73 года. Но в то время в католических странах опасно было заниматься наукой. Несмотря на свой преклонный возраст, Меркатор был арестован церковной прокуратурой (инквизицией) вместе с другими учеными. Из них двое были сожжены на костре, двое зарыты живыми в землю, один повешен. Меркатору удалось бежать в Германию, где протестантизм предоставлял больше свободы мысли.

При таких трудностях и опасностях научной работы понятно, что долголетний труд Меркатора, бывший в то время единственным, сразу стал знаменитым и руководящим, и с ним прочно вошло в европейскую терминологию и имя титана-земледержца, удачно использованное, – **атлас** стал названием сборников географических карт, а потом так стали называть и альбомы чертежей, планов и т. д.

Позднее, в XVIII веке, в Италии введены были в архитектуру стоячие мужские фигуры мощного телосложения, поддерживающие головой и руками фронтоны зданий, балконы, выступы, как, например, в портале Санкт-Петербургского Эрмитажа. Их называли атлантами.

Со словами **атлас**, **атлант** не имеет ничего общего **атлас** – название плотной гладкой шелковой материи; это слово, как и самая ткань, восточного происхождения и значит по-арабски **лишенный ворса**.

Вулкан был древнеримским божеством огня, богом-кузнецом и плавильщиком. Естественно было приписать извержение Везувия (близ Неаполя) или Этны (в Сицилии) его работе: это Вулкан плавит руду в своей огромной домне и оттого дым, пар и пепел поднимаются тучами над огнедышащей горой, и расплавленные шлаки изливаются из ее кратера лавой.

Наше **вулкан** прямо повторяет имя римского бога, но в значении огнедышащей горы это слово впервые употреблено в XVII веке в итальянской форме **волькано**.

Новым производным явился глагол **вулканизировать** – подвергать каучук действию жара для придания ему твердости.

Верховному божеству древних римлян, Юпитеру, не так повезло. Правда, его именем названа самая крупная планета нашей системы.

Затем в переносном значении оно выражает высшую степень величия. «Не человек, Юпитер!» – говорит Гоголь. Но нарицательно юпитерами называются просто мощные фонари, употребляемые при киносъемках и для освещения сцены.

Еще обиднее грозным Титанам, восставшим некогда против богов. Теперь титаном называется кипятильник для воды. Титаном назван также химический элемент, тугоплавкий металл: его примеривают к стали для придания ей прочности.

* * *

В «Одиссее» рассказывается, как героя и всех его спутников едва не погубили Сирены. Кто услышит их сладостное пение, тот заслушивается и забывает все на свете. А корабль уносится течением, разбивается об острые камни. Но хитроумный Одиссей нашел способ услышать пение Сирен и все-таки избежать гибели. Он залепил уши всей своей дружине воском, чтобы они не могли слышать, а себе велел связать руки и ноги, чтобы слышать чудное пение, но не иметь возможности действовать всем на погибель.

Древняя фантазия изображала сирен полуженщинами-полуптицами. Образ этих обольстительниц был перенесен на женщину сначала в смысле комплимента, но затем это название приобрело отрицательный характер, обозначая женщину, увлекающую мужчин из корыстных расчетов.

В христианской мифологии древняя пара сирен превратилась в пару райских птиц: Алконост – птица печали, вестница смерти, и Сирин – птица радости, вестница жизни. **Алконост** – это, конечно, **альциона**, название морской птицы, которая, по древнему поверью, вила гнездо на гребнях волн, а **Сирин** – древняя **сирена**. Но видимо тут произошло недоразумение, и образы поменялись ролями: альциона считалась предвестницей тихого моря и счастливого плавания, сирена же была гибельна для мореходов.

Наконец сиреной называется с недавних пор особый гудок, производящий длительный, воющий звук, слышимый на далекое расстояние. Ленинград наслушался этого зловещего воя за годы блокады, когда звук сирены был сигналом тревоги, возвещая населению о воздушных налетах и бомбежках. Но до войны он служил главным образом для морской сигнализации ночью или в тумане. В тревожном вое этой сирены не было ничего увлекающего, но основанием для наименования, видимо, был беспокойный звук, связанный с опасностью.

Паника означает теперь общее смятение, при котором многие люди теряют голову и неспособны больше ни соображать, ни действовать целесообразно. Это «панический ужас», безотчетно и заразительно охватывающий людей и обращающий их в «паническое бегство», которому могут поддаться даже и очень храбрые, если не обладают сильной выдержкой. В этих выражениях еще сохранилось ощущение жуткого страха, причина которого непонятна. Слово **паника** древнее и имеет интересное происхождение. Оно выросло из пастушеского быта. Божеством стад мелкого скота – коз, овец (потому что крупный скот был редкостью в гористой Греции) – был козлоногий Пан. Его представляли себе в образе получеловека, полукозла. Позже этот образ был христианством перенесен на черта.

От доброго расположения этого хозяина горных рощ и стад многое зависело для древнего пастуха. Отобьется овца от стада – не так-то легко ее отыщешь. А вечер в южных странах наступает быстро. Не сыщешь до темноты, останутся от овцы рожки да ножки. Вот тут-то очень может помочь Пан, если захочет. Он ведь здесь у себя, он бродит кругом. Слышишь? Вот ветка хрустнула как будто под чьей-то ногой, где-то свистнуло или ухнуло что-то, или листва зашелестела, или птицы вдруг сорвались с дерева. Конечно, это Пан проходит мимо. И пастуху становится жутковато, хотя Пан ему, в общем, свой брат, не то, что высшие боги, восседающие где-то далеко, на вершине Олимпа.

Случается, что необъяснимый испуг охватывает внезапно стадо. Вдруг, будто что-то укусило овцу или козу, она шарахается в сторону со всех ног. И тотчас все стадо приходит в смятение. Напрасно пастух дудит в свирель, кричит, свистит собаке, тщетно собака пытается забежать вперед. Сам косматый вожак – козел или баран, потерявший вдруг всю свою важность, опрометью скачет, куда попало, а за ним вслепую, теснясь и толкаясь, мчится все остальное стадо.

«Что за притча? – Никто, как Пан, – думает пастух. – Верно, я мало сыру ему положил на корявый пень, что служит ему алтарем».

Этот непонятный внезапный и общий испуг всего стада и назывался поэтому **паническим**, то есть **пановским**. Но такие безотчетные, стадные страхи бывали и у людей, тем более ночью, когда вдруг что-то послышится, привидится, почудится: то ли шаги кругом то ли бряцание ору-

жия – захвачены врасплох, окружены отрезаны! – и смятение охватывает всех, и они бегут – часто как раз навстречу гибели. Потом смущенно переминаются и чешут себе затылки:

– Бог его знает, как это вышло. Та паника дэлон! – что по-русски: Видно, дело Пана!
Так возникло слово **паника**.

3. Лазарет

Евангелие передает следующую притчу – нравоучительный рассказ Христа:

Некоторый человек был богат, пышно одевался и пиршествовал блистательно. Был также нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот богача в рубище и струпьях и радовался объедкам, перепавшим ему от стола богача. И псы лизали гной его.

И вот умер нищий и был отнесен ангелами в рай. Умер и богач и оказался в огне адовом. И в муках он поднял глаза и увидел Лазаря рядом с Авраамом (родоначальником еврейского племени). И воскликнул:

– Отец Авраам, сжался надо мной, пошли Лазаря, чтобы он омочил палец свой в воде и охладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени.

Но Авраам сказал ему:

– Вспомни, что ты получил благу долю в жизни, как Лазарь злую. Теперь он здесь утешается, а ты страдай.

В другом месте Евангелия рассказано о воскресении Христом некоего Лазаря – совсем другого, о болезни которого он был извещен, но которого не застал уже в живых.

Оба эти образа – Лазаря-нищего и Лазаря-больного, сблизилась под влиянием церковных проповедей и призывов к благотворительности и милосердию к бедным и несчастным: и того и другого фигурально называли **лазарями**.

Средние века отличались твердым общественным разделением. Не только сословия были резко разграничены и замкнуты, но и различные профессии распределялись по наследственным цехам. Были цехи литейщиков, бочаров, суконщиков, портных, врачей и т. д. И у каждого цеха были свои обычаи, праздники и свой святой-покровитель. В своего рода цехи объединялись и воры, и нищие. И покровителем нищих был святой Лазарь.

Нищие имели свои места на церковной паперти и пели там духовные стихи. Но специальной их песней был стих о Лазаре, пересказ евангельской притчи.

Жил на свете славен богатырь,
Пил, ел сладко, ходил хорошо.
Было у богатого злата-серебра,
Не было у богатого спасенной души.
Как был же у богатого родимый брат,
Убогий старик Лазарь во гною.
Приходил тот Лазарь к брату под окно
Закричал, завопил громким голосом:
– Милостивый братец, богат человек,
Христа ради, сударь, напои-накорми!
Срамным словом богач брату отказал
И убогому Лазарю сам приговорил:
– Как ты меня можешь братом называть?
Как ты меня смеешь родным нарицать?
Этакого брата в роде моем нет,
Этакого срамного слыхом не слыхать.
Есть у меня братья, каков я сам,
У которых много злата-серебра – и так далее.

Отсюда выражение **лазаря петь**, в смысле кланяться, жаловаться, приbedняться.

Особенно знамениты были своими нищими города Италии. Неаполитанские и римские лаццарони (lazzaroni) – что значит **нищие, босяки**, одетые в живописные лохмотья, в которые они гордо драпировались, проводили всю жизнь на рынках и папертях в полном безделии и беспечности, **живя** случайными, сомнительными заработками.

В романе Гюго «Собор парижской богородицы» очень картинно описано, как в средневековом Париже объединение нищих во главе со своим «королем» имело достаточно сил, чтобы штурмовать главный парижский собор, чтобы выручить запертую там Эсмеральду.

Но святой Лазарь был покровителем не только нищих и убогих. У него было еще более мрачное ведомство – прокаженные. Проказа – неисцелимая кожная болезнь – была занесена с Востока крестоносцами и паломниками, ходившими на поклонение к «святым местам» в Палестину. Под впечатлением этой невиданной и страшной восточной болезни струпья и гной нищего Лазаря были поняты как признаки проказы. Таким образом Лазарь-нищий превратился в Лазаря-прокаженного, сделался покровителем прокаженных.

Какой-либо изоляции и карантина тогда не было. Не было и специальных больниц или убежищ для этих отверженных.

Забота о них предоставлялась церкви и благотворительности. Прокаженные ходили на свободе, но одетые в длинные мешки с прорезами для глаз и с бубенцами, предупреждавшими встречных о приближении страшного гостя.

Но уже в XI веке создался рыцарско-монашеский орден «гостеприимцев святого Лазаря», открывший в Иерусалиме специальный приют для прокаженных. По уставу глава ордена, «великий магистр», должен был сам быть прокаженным. Название этих рыцарей, посвятивших себя уходу за больными – **госпитальеры**, что означает **гостеприимцы**, отсюда возник термин **госпиталь**, которым у нас стали называть больницу определенного назначения: военную, тюремную. Так возникли старинные больницы. Самой известной была Больница святого Лазаря в Париже, основанная в XII веке. В XVI веке она вошла в состав большого монастыря, в XVIII веке обращенного в государственную тюрьму. Здесь был заключен Бомарше тотчас после первого представления знаменитой своей комедии «Женитьба Фигаро». Здесь Андрэ Шенье писал свои последние стихотворения в ожидании эшафота. Со времен Наполеона это – женская тюрьма, но называется по-прежнему «Святой Лазарь».

Ну, казалось бы, достаточно, чтобы создать слово лазарет. Три Лазаря плюс проказа. Нет, нужно было еще более грозное бедствие – чума.

Чума явилась в Европу в XIV веке, принесли ее беженцы из греческих и итальянских городов Крыма. Она распространилась отсюда на Грецию, Италию, Францию, Германию, Испанию, Англию и Скандинавию. Посетила она и Москву. С тех пор ужасная «черная смерть» проходила не раз по Европе. Особенно губительно косила чума людей в Данциге в 1427 году, в Париже в 1466 году, в Лондоне в 1499 и 1563 годах, в Москве в 1570 году (считалось, что погибло более 200 000 человек).

Чаще всего, однако, чума вспыхивала в Италии, стоявшей на перепутье к Востоку. Естественно, что здесь впервые возникла идея карантина – итальянское *quarantena* (карантин) образовано от *quarantini* (сорок): подразумевается сорок дней изоляции. Заслуга учреждения первого карантинного поста принадлежит Венеции. Здесь в начале XV века был устроен специальный чумной госпиталь. Устроен он был на островке Марии Чазаретской (назван так по церкви имени этой святой). Поэтому этот чумной карантин-госпиталь чуть было не получил название «Назарет». Но популярность святого Лазаря была гораздо древнее и шире, чем Марии Назаретской, известной только в Венеции. И вот вместо **назаретского** дома или убежища создался **лазаретский**.

4. Король

И слово **король** создалось по ошибке. В сущности это просто германское имя **Карл**. Но ошибка эта продиктована была историей.

Прежде всего, это был не просто Карл. Это был Карл Великий, первый император средневековой Европы, объединивший под своей властью Францию, Италию и Германию. Все западнославянские племена были непосредственно соседями его обширной державы.

Перейдут ли бодричи или лужичане на западные берега Лабы (Эльбы) – против них вы-

ступают войска Карла. Двинутся ли чехи за Влтаву – и тут войска Карла идут навстречу. Переправятся ли моравы через Дунай – и здесь войска Карла стоят на другом берегу. Тронутся ли словаки от Тиссы, или хорваты от Дравы, или словинцы от Савы – всюду им заступали дорогу войска Карла.

От северного моря до южного, какие бы страны и племена ни встречались славянам на их границах, они оказывались подвластными Карлу.

И все эти славяне, и их отцы, и их деды воевали и мирились с этим Карлом. Не может же один человек жить три поколения! Им казалось, что это не имя, а титул, вроде хана или кесаря. А Карл действительно правил сорок шесть лет (с 768-го по 814-й год).

Имя Карла гремело по Европе. Он был не только грозный военачальник и победитель, он создал великое государство, он обратил в христианство ряд племен, построил много городов, крепостей, церквей и монастырей, провел дороги через горы и реки, дремучие леса и непроходимые топи. О деяниях его складывались песни и легенды.

Одно обстоятельство в особенности прославило его имя у славян. Западные славяне долгое время находились в зависимости от аварского ханства, гнездо которого было расположено в нынешней Венгрии. Древнерусская летопись еще знала предание о тяготах аварского ига. И вдруг грозных аваров не стало. Это внезапное избавление поразило народное воображение, как чудо, и память о нем дожила до времени киевского летописца. «Погибоша аки обре» (погибли, как авары), то есть сразу и полностью, – это выражение стало поговоркой, как у нас до сих пор говорят: «пропал как швед под Полтавой», разумея полный разгром блестящего полководца, шведского короля Карла XII в 1709 Году войсками Петра Великого.

Виновником чудесного избавления славян от ненавистных аваров был Карл Великий, разгромивший аварские полчища и при содействии славянского князя Войномира уничтоживший ханские Укрепленные становища в конце VIII века.

Вот почему имя Карла приобрело широкую известность и славу у славян. Оно распространилось и приобрело значение **государь западных стран**. И когда князь чешский, а затем и князь польский вступили в более тесную связь с Западной Европой и стали западноевропейскими государями, они, естественно, объявили себя королями. Болгарский князь, соперничавший с Византией, принял византийский титул царя.

Русь, оставшаяся чуждой этому западноевропейскому объединению и политически независимая от Византии, сохранила за своими князьями старое звание с великим князем киевским во главе.

Имя **Карл** получило в славянских языках различные формы: в болгарском, сербском, словацком, чешском – **краль**, в польском и кашубском – **кроль**, в русском – **король**, то есть совершенно так же, как мы имеем болгарское **глава**, польское **гלבва**, русское **голова** или **мраз**, **мроз**, **мороз**. Но эти формы развились из исконных общеславянских слов **голва**, **морз** диалектически. Имя же **Карл** стало известно славянам некоторое время спустя, уже после распада общеславянского языка на особые наречия или даже языки. Этот любопытный случай еще не получил полного объяснения. С другой стороны, имя **Карл** представляет вариант германского **керл**, значившего **муж**, может быть и **витязь** и **вождь**, в таком случае оно могло быть усвоено еще в общеславянском языке, задолго до Карла Великого. А имя грозного императора только придало этому древнему заимствованию новое значение **западный государь**.

5. Силуэт

Любопытный пример совсем другого рода представляет происхождение слова **силуэт**.

Легкомысленный и распутный французский король Людовик XV истощил до крайности государственную казну своими прихотями. Как известно, его девизом было: после меня хоть потоп! Финансы и хозяйство были расстроены. Все, что возможно было обложить налогами и пошлинами, было обложено, и увеличить сборы было невозможно.

Между тем не только король требовал денег для своих удовольствий, но и государство нуждалось в них, тем более что шла война. В этом безвыходном положении все надежды были возложены на искусство нового министра финансов, которого звали Силуэтт (Silhouette), и у которого действительно были новые интересные идеи в голове.

До этого времени сбор налогов сдавался на откуп отдельным лицам, которые вносили в

казну заранее обусловленную сумму, получая за это право взыскания налогов непосредственно с населения. Это освобождало государство от необходимости содержать огромный штат сборщиков податей, инспекторов и бухгалтеров, позволяло ему не зависеть от фактического поступления сборов. Но, конечно, откупщики на этом сильно наживались.

Силуэтт, основываясь на удачных финансовых операциях Английского банка, объявил, что организует акционерное общество, которому будет предоставлено управление государственными монополиями. Новизна идеи и выгоды, которые объявление сулило акционерам, вскружили головы всему Парижу и всей Франции. Возбуждение было таково, что толпы людей буквально осаждали особняк, в котором принималась подписка на акции, и люди не только несли туда все свои капиталы и сбережения, но даже продавали и закладывали имения, дома и вещи, чтобы купить побольше акций. Даже бедняки несли Силуэтту свои жалкие сбережения.

В несколько дней раскуплено было семьсот тысяч акций по тысяче франков каждая, и казна получила огромную по тому времени сумму в семьдесят два миллиона франков. Это произвело ошеломляющее впечатление. Силуэтт был объявлен гением, волшебником.

Но этот успех был губительным. Король вообразил, что Силуэтт действительно изобрел способ добывать десятки миллионов в недельный срок, и что миллионы реально принадлежат казне. Его расточительности уже не стало удержу. Между тем деловую организацию такого необычного и сложного предприятия никак не удавалось наладить. Напротив, казнокрадство дошло до невероятных размеров.

Силуэтту не доставало ни делового опыта, ни административной решимости. Между тем чиновники были недовольны и завистники не дремали.

Первая же заминка в выплате процентов (дивиденда) вызвала панику. Вспомнили разорение, вызванное незадолго до того подобными же операциями с откупом, разрабатывал которые шотландский экономист Джон Лоу, приглашенный французским правительством в 1716 году.

Крах был столь неожидан, быстр и шумен, как и успех. Опять такие же толпы осаждали особняк акционерного общества, но уже с требованиями возврата денег. Силуэтт сидел на министерском кресле всего полгода. Он пролетел блестящим метеором и исчез с политического горизонта.

Этот быстрый взлет и падение гения и волшебника, его короткая и бурная карьера произвели большое впечатление. «Появиться, как Силуэтт», «исчезнуть, как Силуэтт» стало поговоркой. **Силуэтт** стало образом скоропалительного и вместе эффектного дела. Поэтому, когда вскоре после этого появилась манера делать темные изображения лица, фигуры и т. п., очень эффектная и вместе с тем быстрая, ее назвали **на манер Силуэтта** (à la Silhouette), а затем и самое изображение и темное очертание предмета получило название просто **силуэта**.

Так по случайному совпадению понятий образ яркого «метеора» превратился в темную тень.

6. Бойкот

Обладатель большого поместья в Ирландии, граф Ирн был очень доволен, когда взял себе в управляющие отставного кавалерийского капитана, англичанина по фамилии Бойкот. Сам он редко посещал свой замок, а управляющие-ирландцы никак не могли угодить ему. Как он ни требовал, чтобы они повысили арендную плату, все они писали и лично докладывали ему, что это никак невозможно, что крестьяне едва сводят концы с концами, что хозяйство у них примитивное, что земля запущена, что такая арендная плата держится по всей Ирландии и тому подобное. А если граф настаивал, управляющие просили их уволить.

Англичанин-капитан был не таков. Видно было, что это человек твердый и решительный. Он, может быть, и слышал кое-что о трудностях земельного вопроса в Ирландии, но не придавал этому значения. Чтобы он, чистокровный британец, дворянин, капитан королевской кавалерии, не сумел справиться с какими-то жалкими ирландскими крестьянами! «Я умею топнуть ногой», любил говорить он.

Так он сразу и заявил крестьянам-арендаторам:

– Я человек твердый. Никаких поблажек больше не будет. Все, на что граф имеет право по закону, я буду взыскивать неукоснительно.

Крестьяне испуганно глядели на него, кланялись. В то время, в 1880 году, в Ирландии еще

держались старинные отношения. В помещике видели не только хозяина земли, которому полагалось отдавать половину урожая, но и естественного покровителя, входившего в нужды своих крестьян. Законов никто не знал, даже графские управляющие. Жили по старине, по обычаю, иногда недостаточному, часто неопределенному. Крестьяне привыкли пользоваться господским выгоном, собирать валежник в господском лесу, а если нужно, то и выпросить, а то и просто срубить деревцо-другое на оглобли или починку крыши, или получить семян на посев.

Теперь все это было отменено, поставлены сторожа, и за нарушение господского права привлекают к суду. А уж о том, чтобы скостить с арендной платы вследствие неурожая или болезни, не может быть и речи. Делового капитана не трогают старинные обычаи: что крестьяне торжественно приносят в замок первый сжатый сноп и первинки своих овощей; что молодые после венчания приходят с поклоном и приносят свадебный каравай с налепленными на нем фигурками из сусального золота; что поселяне собираются у ворот танцевать и петь в праздничные дни. Это все вздор, которым капитану некогда заниматься. И крестьяне уходили обиженные.

Но это были только цветочки. Беда настала, когда капитан объявил новые арендные условия на будущий год. В новых договорах было обложено платой все, что только находилось в границах имения: пользование выгоном, рекой, дорогой; сбор валежника, грибов и ягод; ловля рыбы. Для внесения арендной платы установлены были жесткие сроки, а просрочка влекла начисление пени. Никакие возражения и просьбы не действовали. Имение оценивается в такую-то сумму, обложено таким-то налогом, значит оно должно приносить столько-то дохода.

Крестьяне не знали, что делать: подписать договоры – значило попасть в тяжелую кабалу, которая грозила полным разорением; отказаться – означало покинуть родное место и искать где-то счастья – всей деревней. Это было неслыханно, невысказано.

Как раз незадолго перед этим была создана и начала свою деятельность «Национальная лига» – организация, в задачу которой входила защита крестьян от притеснения помещиков. В ответ на отчаянный призыв крестьян Лига обратилась к управляющему и к самому графу Ирну с требованием отказаться от новых договоров. Но капитан ответил коротко, что он человек твердый и умеет топнуть ногой. А граф не удостоил Лигу ответом.

Тогда Лига объявила капитану войну, вернее блокаду, призывая не только окрестное население, но и всю Ирландию встать на защиту гуманности и справедливости.

Ирландцы – народ горячий, с пылким воображением. Тут эти черты характера оказались кстати.

Началось с того, что крестьяне Ирны отказались подписывать договоры. Капитан хладнокровно объявил по всей окрестности, что приглашает новых арендаторов. Никто не являлся. Он послал публикации во все газеты. Никто не отозвался.

Между тем Лига перешла в наступление. Она призвала все население Ирландии отказаться служить в имении Ирны и вообще иметь какое-нибудь дело с капитаном-управляющим и всеми средствами препятствовать ему во всем. Все служащие-ирландцы немедленно покинули усадьбу; остались только личный слуга, привезенный капитаном из Англии, и старик-садовник – шотландец.

Положение их стало очень трудным. Нельзя было ничего приобрести ни в окрестных деревнях, ни в ближайшем городе – приходилось ездить подальше, где капитана и его слуг не знали в лицо. Но организация блокады становилась все шире и все строже, и вскоре во всей области не осталось даже жалкой лавчонки или мастерской, где бы трем отверженным из замка Ирн согласились что-нибудь продать или сделать.

Почта капитана перестала доставляться. У всех ворот и въездов в имение стояли караулы. Слуга и садовник не решались выходить из дому. Только сам управляющий храбро выезжал верхом. Но стоило ему показаться, как раздавался набат, и вся деревня, не исключая и женщин и детей, выбегала на улицу. Его встречали улюлюканьем, осыпали бранью, забрасывали грязью, палками и камнями. Он проезжал через деревню, как будто его гнали сквозь строй.

Однажды, когда камень разбил ему лицо в кровь, капитан остановил лошадь и вынул револьвер. Но тогда поднялся такой рев ярости и толпа кинулась на него с таким остервенением, что он едва успел ускакать, чтобы не быть растерзанным в клочья.

После этого он больше не выходил из имения. Но он не сдавался.

Так как не оставалось никакой надежды на вызов новых арендаторов, то капитан решил вести хозяйство наемными рабочими. В Ирландии он, конечно, не мог их получить. Он выписал

их из Англии. Тогда военные действия обострились. Капитану пришлось организовать собственную почту, собственный транспорт для доставки продовольствия и всего необходимого для ведения хозяйства. Нужно было держать караулы на всех полях, но всей усадьбе и в лесу. Рабочие не смели показаться в деревне, боялись даже отходить от усадьбы. Да и здесь они не чувствовали себя спокойно. Ежедневно им устраивались какие-нибудь неприятные сюрпризы. То загонят скот хлопущками в пшеницу, то испортят воду в колодце, то выпустят и распугают птицу так, что и не собрать ее, то свалят стог сена в реку. Охотников на такие выдумки было сколько угодно – добровольцы являлись со всей Ирландии.

Рабочие не выдерживали такой непрерывной осады, и партия за партией мрачно уходила обратно, провожаемая до станции улюлюканьем и насмешками. Число драк, которые при этом происходили, нарушало все законы статистики.

Одно время капитан оставался совершенно один в огромном замке, во всей усадьбе, и в бессильном гневе видел в окно, как во дворе с хохотом и проклятиями жгли или вешали на виселицу его чучело.

Он считал, однако, своим долгом закончить хозяйственный год. И он добился присылки еще одной партии рабочих, чтобы собрать урожай. Но ожесточение крестьян дошло до такого предела, что кое-как собрать урожай удалось только под защитой двух сотен вооруженных солдат. Тотчас после этого капитан уехал.

Эта необычайная война, ведшаяся с таким упорством с обеих сторон, вызвала всеобщее внимание. Имя сомнительного героя этой упорной борьбы – капитана Чарльза Кеннигема Бойкота – стало популярным термином. Возник глагол **бойкотировать** – это значит применять тактику такой борьбы. И слово **бойкот** вошло во все языки Европы.

Глава IV ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЛОВ

1. Алкоголь

Алкоголь – арабское слово: **аль** – определительная приставка, как в имени знаменитого султана Гаруна-аль-Рашида – Гаруна Смелого; **кооль** – это название сурьмы, специально – порошок сурьмы, употреблявшийся издавна на всем Ближнем Востоке женщинами для окраски в черный цвет бровей и ресниц. Самое слово **сурьма** – иранское. Но почему же слово **аль-кооль**, означавшее у арабов порошок сурьмы, стало у нас – да и не только у нас, а повсюду – означать винный спирт, точнее, содержание спирта в вине, пиве и других напитках?

Ответ на это дает история химии.

Химия – сокращение слова **алхимия**, тоже арабского, которое значило, по-видимому, **египетская (наука)**: **аль** – приставка, **хем** указывает на Египет, это собственно **земля** по-египетски. «Египетской» эта наука была названа арабами потому, что начало ей положено было в Египте, после завоевания его греками при Александре Македонском. Собственно говоря, алхимия тогда еще не заслуживала названия науки. Это было фантастическое учение о соединениях и превращениях веществ.

Греко-египетская техника уже знала выплавку металлов и производство всевозможных сплавов. Не понимая происходивших при этом процессов окисления, соединения и разложения, алхимики воображали, что возможно любой металл превратить в другой, – нужно только составить специальное вещество, способное производить такое действие. Конечно, последней целью алхимии было превращение простых металлов в золото.

Это искомое вещество арабы называли **эликсир** – от греческого **ксерос** (сухой), или **алкоголь**, так как представляли себе его тончайшим, чистейшим порошком.

Оба этих арабских слова перешли вместе с алхимией в Европу. Наряду с ними возникло еще одно название для этого чудотворного вещества – «философский камень».

В поисках философского камня алхимики перепробовали множество всевозможных минералов и органических продуктов и выработали целую систему последовательных ступеней по превращению вещества. Этому способствовало открытие перегонки (возгонки) веществ, посред-

ством которой казалось возможным получать все более и более «чистые» и «существенные» вещества – эссенции: эссенция – это сущность: от латинского глагола *эссэ* (существовать, быть). В этой системе алкоголь и эликсир заняли свое место. Эликсир, оттесненный алкоголем, как высшей эссенцией, стал по преимуществу означать снадобье другого рода, бывшего также важнейшей целью исканий алхимиков, – напиток, сохраняющий жизнь и возвращающий молодость, как «живая вода» наших сказок – «эликсир жизни», как в легенде о Фаусте.

Высшая ступень перегонки – **квинтэссенция (квинта по-латыни пятая)** и получила название **алкоголь**. Но эссенции эти мыслились теперь жидкостями. Этому способствовало и то обстоятельство, что именно жидкий металл – ртуть – обладает способностью составлять холодный сплав с другими металлами, в частности, с золотом, такой сплав называется амальгамой; **амальгама** – тоже арабское слово. Жидкостями были и очень сильные кислоты. Наконец, почти всякое твердое вещество можно было превратить в жидкое вещество путем плавления или растворения и очистить и сконцентрировать его таким способом. Самая перегонка называлась сублимацией, «возвышением» – от латинского *сублимис* (высокий), – отсюда наше **сулема**. Таким образом эликсир и алкоголь превратились из порошков в жидкости.

Получение винной эссенции было большим достижением средневековой науки, и на нее и перешел по преимуществу термин **алкоголь**. Извлечение опьяняющей основы вина, которая оказалась прозрачной, летучей, легко воспламеняющейся жидкостью с большой растворяющей способностью и не замерзающей даже при сильных морозах, произвело большое впечатление. Ведь это был самый «дух вина»: по-латыни **спиритус вини** – отсюда русское старинное спиритус, теперь **спирт**. По-французски до сих пор винный спирт называется **эспри-де-вэн** (*esprit-de-vin*), что буквально дух **вина**.

По мере того как алхимия в тщетных стараниях получить «философский камень» и «жизненный эликсир» путем смешения, сплавления, растворения, возгонки всевозможных веществ накопляла опыт и становилась настоящей наукой – химией, блекли и ее фантастические представления. И алхимические таинственные термины спускались с туманных высот воображения. «Дух вина» становится просто спиртом. Эликсир – сначала скромной лечебной «смесью», микстурой, потом косметическим средством (эликсир красоты), сохраняя, впрочем, и по сей день иронический оттенок «чудодейственного», шарлатанского снадобья. Слово алкоголь стало означать отвлеченное содержание спирта в напитках.

Но еще английский поэт Кольридж, современник Пушкина, применяет для характеристики человека выражение «алкоголь эгоизма», употребляя алкоголь – переносно – в средневековом смысле чистейшая суть. А **квинтэссенция** до сих пор сохранила это значение.

2. Альманах

Верблюды останавливаются один за другим, устало сгибают сначала передние, потом задние ноги, опускаются на колени и медленно ложатся на землю. Они лежат в позе, в которой изображен верблюд у подножья памятника знаменитому путешественнику Пржевальскому в Александровском саду в Петербурге.

Всадники спешиваются, поят верблюдов, засыпают им корм, наполняют выпитые за дорогу бурдюки свежей водой из источника и только после этого садятся сами отдыхать и есть. Какое наслаждение после долгого пути под палящим солнцем пустыни и сухим ветром, бьющим в лицо раскаленным песком, оказаться, наконец, к ночи под свежей тенью пальм и кустарников, у студеного источника в оазисе!

Такая стоянка называлась по-арабски **аль-ма-нах**, буквально (место) **где сгибают колени** – подразумеваются верблюды.

Человек невольно переносил свои отношения и поступки на природу, представлял ее себе живой, одушевленной, как он сам. Солнце, луна, планеты, созвездия движутся по небу, совершая определенный путь, как караваны в пустыне.

Мы говорим до сих пор о летнем и зимнем солнцестоянии – это дни, когда солнце встает и садится в тех же точках горизонта; потом эти точки начинают с каждым днем перемещаться, как будто солнце после отдыха опять прокладывает себе по небу ежедневно новый путь.

Планеты, сделав петлю, также как будто останавливаются между звездами, а затем опять продолжают прямой видимый путь; **планета** значит по-гречески буквально **бродяга, странник**.

Эти «стоянки» небесных светил связывались со сменой времен года, наступлением периода дождей, ветров, сроков прорастания, цветения и созревания злаков и плодов и служили поэтому для определения по ним сроков земледельческих работ, периодов пастушеских занятий. Для земледельца и пастуха весь обиход жизни строился по этому круговороту природы, по этим годовым часам, циферблатом которых является небо. Это извечный, мировой календарь.

Из наблюдений пастушеских народов за жизнью неба возникает астрономия – уже в глубокой древности, в Египте, в Вавилоне, в Китае. И как это ни удивительно, древний человек знал жизнь неба гораздо лучше, чем нынешний городской житель, который часто не только не знает, когда бывает равноденствие или когда наступит ближайшее новолуние, но даже не умеет найти важнейшие созвездия, а то и ориентироваться, где север, а где юг.

Поэтому нетрудно понять, как «стоянка» небесных светил, а затем весь маршрут планет и созвездий, определяющий течение года, могли получить в арабском языке название **альманах**. Так это слово пришло к значению **календарь**.

В этом значении календаря слово **альманах** вошло во все европейские языки, начиная с испанского и итальянского, которые заимствовали его непосредственно из арабского. Так назывались с XI века календари, снабженные таблицами фаз луны и движения планет, датами равноденствий, восхода и захода солнца и луны, планет и созвездий. Нередко в них помещались и предсказания на будущий год.

Потомки этого типа альманаха – справочного ежегодника – живут до сих пор. Наиболее старые и почтенные из них – «Морской альманах» английского адмиралтейства, издающийся с 1714 года, и «Астрономический альманах» Парижской обсерватории.

Наряду с этими специальными ежегодниками-справочниками очень распространены были и календари для семейного чтения – более разнообразного содержания, так что они могли служить своего рода краткой энциклопедией. Нередко это была единственная книга, которая поступала в дом за весь год, и ее читали и перечитывали по много раз.

В этих альманахах наряду с обычными справочными сведениями на новый год давались и хозяйственные советы, и описания замечательных событий и явлений природы, и рассказы о знаменитых людях и любопытных происшествиях. Некоторые альманахи подобного типа издавались год за годом десятки лет. Во время французской революции 1789–1794 годов каждая политическая партия выпускала свой альманах: «Альманах честных людей», «Альманах санкюлотов», «Альманах дяди Жерара» и много других.

В XIX веке стали издаваться альманахи уже и не календарного типа, а просто литературные сборники, выходившие ежегодно. Таковы были, например, известные альманахи: «Полярная звезда на 1825 год», которую издавал Рылеев; «Северные цветы», издававшиеся Дельвигом с 1827 по 1830 год при участии Пушкина, Вяземского и других поэтов.

Но обычно такие альманахи у нас выходили однажды и уже не продолжались серией – не могли обеспечить себе читателей; самое название **альманах** стало обозначать просто литературный сборник. Одно время их издавалось довольно много, так что Пушкину приходилось чуть не прятаться от пристававших к нему издателей-«альманашников».

Такова смена значений слова **альманах**: там где (верблюды) склоняют колени – стоянка в пути – поворотный пункт пути планеты – календарь – справочный ежегодник – литературный сборник: вот те стоянки, которые это слово прошло на своем тысячелетнем пути.

3. Марципан

Марципан делается так: растереть толченый миндаль с сахаром и розовой водой, разложить в формочки (в виде сердца), поставить на железный лист, покрыть другим листом, на который насыпать горячих угольев, и испечь. Так учит поварская книга. Как видно, сделать марципан довольно просто – нужны только миндаль, сахар и розовая вода (пожалуй, можно обойтись и без розовой воды). Но создать слово **марципан** было гораздо сложнее: для этого необходимо было торговое соперничество Италии и Византии, крестовые походы, расцвет халифата и многое другое.

Марципан пришел к нам из Германии вместе с немецкими булочками и кондитерами. Его продавали, например, в кондитерской Вольфа, на Невском при пересечении Мойки, куда часто заходил Пушкин. Но **марципан** не немецкое слово, да и самое лакомство это придумано не

немцами.

Это и понятно: миндаль в Германии не растет.

Марципан явился в Германию из Италии. Но там он назывался **марцапан** (marzapane). Немцы переделали это слово, чтобы как-нибудь его осмыслить. В то время – в середине XIV века – все образованные люди знали латинский язык, используя который, можно было толковать **марцапан** как **хлеб Марка** (евангелиста): латинское **panis** превратилось в итальянское **pane**. В Саксонии существовал обычай (будто бы со времен сильного голода в 1407 г.) выпекать к празднику святого Марка особые хлебцы. Вот и естественно было счесть это итальянское сладкое тесто тоже «марковским».

На самом деле марципан не имеет никакого отношения к саксонским народным обычаям, голодному году и святому Марку.

Итальянское слово **марцапан** существовало гораздо раньше, и оно обозначало не только миндальное тесто, но и ящичек или ларец, в котором оно продавалось, а также пошлину, взимающуюся с ввозимых с Востока товаров.

Что же общего между этими тремя значениями?

Марцапан – восточное лакомство. Восток вообще родина сладостей. Там был сахар (тростниковый – другого тогда не существовало; теперешний сахар – из свеклы – стали производить только в середине XIX века), и всякие фрукты, и пряности, и в частности миндаль и розовое масло в изобилии. На Востоке и познакомились европейские путешественники с марцапаном, особенно в эпоху крестовых походов, когда европейские рыцари отвоевали у арабов греческие острова, а среди них Кипр, ставший областью Венецианского государства. Помните, действие шекспировской трагедии «Отелло» разыгрывается частью на Кипре именно потому, что Отелло – венецианский адмирал.

Марцапан был в то время изысканным, ценным продуктом, который вывозился из Кипра в особых деревянных коробках, лакированных или расписных, как старинные цибики китайского чая.

Вот такой-то ларец, коробок и назывался **марцапан**, а уж от него это название перешло на содержимое. Вероятно, первоначально итальянцы называли миндальное тесто дульчецца дель **марцапан** (ларцовое лакомство), а потом просто **марцапан**. Таким же образом излюбленный в старину голландский трубочный табак **кнастер** получил свое название потому, что привозился из испанских колоний в Америке в корзинках, а **корзинка** по-испански – **канаста** (canasta).

Но почему такой ларец назывался **марцапаном**? Потому, что он по своему объему равнялся одной десятой части основной меры сыпучих тел. А в то время обычно взимали подати и пошлины в размере одной десятой товара и урожая. Таким же образом – наша старая единица меры земли – десятина – получила название от подати, которая называлась **десятиной** и составляла одну десятую долю урожая.

Отчего же эта подать-пошлина носила имя **марцапан**?

Это опять новая страничка истории. Торговому господству на Востоке итальянских городов предшествовало преобладание византийской торговли. Византия в течение всего средневековья была могущественнейшей и богатейшей державой Восточной Европы. Ее монета охотно принималась во всех странах Ближнего Востока. А это было очень важно для торговли тех времен, когда международного права почти не существовало и большого доверия к чужой монете не могло быть.

Естественно поэтому, что Венеция, чеканя свою монету больше всего ради своей восточной торговли, предпочла воспользоваться образцом хорошо известной и имевшей хождение повсюду византийской монеты, которую называли раньше на Востоке **мацапан** из арабского **маутабан**, что значит **сидящий**, потому что на монете изображен был Христос, восседающий на престоле. Эта монета составляла одну десятую стоимости лиры, основной денежной единицы итальянских городов. Понятно, что название одной десятой доли лиры могло перейти на «десятину» как меру зерна и далее на коробку такого же объема для экспорта миндального торта.

4. Цифра

Всем известно различие между «римскими» цифрами I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X и «арабскими» 1,2,3,4,5,6,7,8,9,10. Но вряд ли кто задумывается над этим. Между тем самые бли-

стательные завоевания арабов – а они покорили за одно столетие огромную полосу земли от стен Китая до Пиренейских гор – не могут сравниться с этим арабским завоеванием.

Решительно весь мир покорен арабскими цифрами!

На первый взгляд может казаться, что римские цифры имеют, пожалуй, даже некоторое преимущество. Они просты, естественны, наглядны. Эти черточки явно происходят от зарубок и счета по пальцам. Хотя система римского счета десятичная, но цифровая – пятеричная. Только 1, 5, 10, 50, 100, 500, 1000 выражаются особыми знаками – так, что в сущности имеется всего семь цифр, остальные же числа обозначаются комбинацией их.

Для выражения чисел до десяти достаточно трех различных знаков, тогда как нам нужны все десять. 1905 выражается по-римски тоже тремя знаками: MCMV (здесь два М), но 1005 или 1500 только двумя: MV, MD. Но чтобы передать, например, наше 4687, где четыре знака, римлянин должен был написать тринадцать цифр: MMMDCLXXXVII.

Это, пожалуй бы, не так страшно. Но попробуйте с такой системой производить хотя бы простейшие арифметические действия!

Древнегреческая цифровая система была чисто буквенной. Единицы обозначались первыми девятью буквами алфавита, десятки – вторыми девятью, сотни – третьими, тысяча – 28-й буквой, десять тысяч – 29-й, последней. Для обозначения двух, трех и более тысяч и десятков тысяч приходилось повторять знаки. По внешности эта система менее наглядна, чем римская, но и менее громоздка.

По образцу греческой арифметики и допетровская Русь пользовалась буквенной системой.

Удивительно, что, несмотря на громоздкость такой системы, древние греки сумели создать замечательную математику: имена Пифагора, Эвклида, Архимеда, Гиппарха до сих пор еще живут в наших школьных учебниках. Древние математики умели делать очень сложные вычисления применительно к астрономии, механике, физике. Как же это они ухитрились? Оказывается, все эти вычисления делались при помощи счетного прибора.

Когда человек делал, скажем, зарубки или черты (углем, мелом) для счета товаров – сосудов с маслом или вином, мешков зерна, голов скота, – то он, естественно, для каждой партии или группы отмечал единицы под единицами, десятки под десятками, сотни под сотнями. Значит, он как раз применял порядковый счет, облегчавший сложение и вычитание.

По этому принципу была изобретена, вероятно индусами, замечательная вещь: счетная доска, которую переняли от них арабы, а от арабов греки. Греки называли ее **абак**, что по-арабски **песок**. Это была доска с бортами, посыпанная песком. Песочное поле разделялось поперечными перегородками на графы для единиц, десятков, сотен, тысяч – справа налево, как в восточном письме.

Счет производился посредством камешков, которых требовалось 9 на каждую графу. **Камешек** по-латыни **калькулус** (calculus) – уменьшительное от **кальке** (calx); отсюда, кстати, название кальция – основы известняка. От этого счета камешками идет **калькуляция** (вычисление), **калькулятор** (вычислитель).

III	IIIIIIII	IIIIII	376
I	II	IIII	125
II	I		210
IIIIIIII	I	I	711

Прямым потомком этой счетной доски являются наши конторские счета, сделанные по тому же принципу. Только здесь вместо камешков употребляются костяшки, нанизанные на проволоку, как четки.

Вот эта-то калькуляция на абаке и привела к новой системе числовых знаков. Здесь уже было налицо порядковое размещение чисел: 7; 1; 1 означало 711. Пользуясь первыми девятью русскими буквами, можно передать это число как ЖАА. Но как передать разницу между 71 и 701? ЖА тут недостаточно. Вот в чем вся загвоздка! Но нашелся в Индии гениальный ум, кото-

рый сообразил, что для записи любого числа, как бы оно огромно ни было, достаточно девяти знаков – как 9 камешков в абаке – надо только установить их порядковое расположение. На абаке различие между 71 и 701 было явно: считая слева, имеем в первом случае один камешек и семь камешков, в другом – один камешек, ни одного, и семь. Возникла остроумная идея – обозначить пробел, пустое место порядкового расположения! Для этого была готовая основа – значок, которым отмечался пропуск слова в рукописи или имени в списке. У нас таким значком служит «птичка». Значок этот и назывался по-индийски словом, означавшим отсутствие, пустота. Этот десятый знак – знак отсутствия числа – и позволил создать новую систему числового письма, принятую теперь во всем мире.

Понятно, что эта новая система числового письма чрезвычайно облегчала математические вычисления.

В конце VIII века кабульский раджа (в Афганистане) прислал арабскому халифу Аль-Мансуру в Багдад, среди разных драгоценностей и диковинных подарков, и индийскую рукопись с новым учением арифметики – настолько, значит, уже тогда высоко ценили науку! Аль-Мансур велел перевести индийскую рукопись на арабский язык. Около 820-го года этот перевод был переработан знаменитым арабским математиком Абу-Джафар-Мухамед-бей-Муса, жившим в Хорезме (Хиве) в нынешнем Узбекистане. В европейских языках это индо-арабское учение о числах получило название **алгорифм**, искаженное из **Аль-Хваризмн**, то есть **Хорезмийский** – это прозвище Абу-Джафара. Арабы в те времена вели мировую торговлю с Индией и Китаем, с одной стороны, с Византией и Италией, с другой, и арифметика была им все более и более необходимой для крупной торговли и сложных кредитных расчетов.

Леонардо, сын итальянского купца, торгового представителя в Алжире, обучился там «изумительному искусству» арабской арифметики. В 1202 году он издал книгу, в которой изложил (по-латыни, как было принято в средние века) новое учение. Арабы перевели индийское название «знака отсутствия» соответствующим словом **цифр**, буквально пустой. В Европе его перевели латинским словом нуллус (никакой), отсюда европейское и наше нуль, ноль. Но, кстати, английское **сайфер** (cipher) до сих пор сохраняет первоначальное значение нуль.

В Россию это слово пришло дважды и двумя путями – непосредственно из латинского в форме **цифра** в нынешнем его значении числового знака, и косвенно, – через немецкое **цифферн** (цифры) – в форме **цифирь**, то есть знание цифр, арифметики. Поэтому и учитель арифметики в «Недоросле» носит фамилию Цифиркина.

Так как цифрами затем стали пользоваться для секретного письма, то тем же словом называется на всех европейских языках и тайное письмо, – по-русски в старину говорили **цифирь**, потом из французского пришло **chiffre** и стало нашим **шифр**.

5. Икс

Буква **x** означает в алгебре величину, численное значение которой требуется определить, «неизвестное». Поэтому, когда Рентген открыл загадочные лучи, проникающие сквозь непрозрачные предметы, он назвал их «икс-лучами» (теперь они обычно называются рентгеновскими).

Но почему именно буквой **x** стали обозначать искомую неизвестную величину?

Эта маленькая подробность связана с самим зарождением алгебры.

Алгебру создали арабские математики. Арабская наука в средние века обогнала европейскую. Самое слово **алгебра** – арабское **аль-джебр** и означает **уравнение**, буквально **восстановление** (равенства), потому что первоначально уравнения решались прибавлением (и вычитанием) в обеих их сторонах одинаковых элементов. Следует отметить, что алгебра создалась в Средней Азии, и создателем ее считается знаменитый арабский математик IX века, прозванный Аль-Хваризми, то есть уроженец Хорезма в Узбекистане. Этот отдел математики впервые назвал алгеброй итальянский математик Бомбелли в 1572 году.

Но характерные для алгебры буквенные обозначения величин ввел только французский алгебраист Виэт в 1591 году, причем он обозначал неизвестные величины гласными **a, e, i, o, u**, а известные – согласными **b, c, d, f** и так далее. Нынешнее применение начальных букв **a, b, c, d** для известных значений и последних **x, y, z** для неизвестных введено знаменитым французским мыслителем Декартом, создателем новой философии и аналитической геометрии в XVII веке. Это было опять влиянием арабской науки.

Как известно, арабское государство в Гренаде и Андалузии, существовавшее с начала VIII века, было ликвидировано испанцами к концу XV века, одновременно с открытием Америки. Испанцы восприняли многое из арабской культуры, а в XVI–XVII веках Испания была ведущим государством Западной Европы. В частности, во Франции испанское влияние было в эту эпоху очень значительно. Между тем мавританские (арабские) математики называли искомое неизвестное **шэй**, буквально **нечто**, и выражали его буквой арабского алфавита, которая называлась и произносилась **шэ**. Испанские математики заменили этот знак соответствующей буквой латинского алфавита **x**, которая произносилась в то время испанцами как **ш** и называлась **шэ**.

Вот этот-то испанский **x** и перенес Декарт в свою знаменитую «Геометрию», изданную в 1637 году. Во французском же языке эта буква читалась как **кс** и называлась **икс**.

Не правда ли, подходящая история для символа «неизвестного»? Одно время этой буквой означали лицо, которое не хотели называть или которое хотело остаться неизвестным. Так именуется, например, таинственный последний участник необыкновенного состязания, придуманного Жюль Верном в «Завещании чудака».

6. Возвышение и падение шахматной королевы

Все называют сильнейшую шахматную фигуру королевой – кроме, конечно, настоящих шахматистов, которые посмотрят на вас с пренебрежением, если вы не назовете ее ферзем. И в самом деле странно, что шахматная королева играет главную роль в игре, которая явно имеет черты сражения. Ведь другие фигуры носят военные названия: офицер (или слон), тура (или ладья), конь, пешки – то есть пехота.

Действительно, королева возвысилась до своего главенствующего положения благодаря стечению самых различных обстоятельств.

Шахматы – индийское изобретение. Они изобретены в Индии полторы тысячи лет тому назад. По-индийски эта игра называлась **чатуранга**, что буквально **четвероякая**: **чатур** – то же слово, что русское **четыре**. Четыре рода оружия индийских войск были: боевые слоны (своего рода танки древности), боевые колесницы, конница и пехота. Слоны ходили по диагонали, колесницы двигались по прямой, конница скакала, как и теперь, поворачиваясь в пол-оборота, пешки делали шаг вперед. Король передвигался только на соседнее поле. Но фигура, стоявшая рядом с королем, могла двигаться только на два шага вперед и назад по косой линии и вперед по прямой. Она изображала отборный отряд, личную охрану царя. Так что сильнейшими фигурами индийских шахмат были колесницы, стоявшие на флангах.

Легенда рассказывает, что индийский царь был так восхищен этой удивительной игрой, что поклялся дать изобретателю все, что тот ни пожелает. Тот сказал:

– Положи на угловое поле зерно пшеницы, на следующее два, на третье четыре и так далее, по всем полям.

Царь удивился скромности просьбы. Принесли сосуд с пшеницей, притащили мешок, привезли телегу, выбрали все зерно, что было в дворцовых амбарах, собрали все, что имелось в городе, а все еще добрая половина доски оставалась пустой. Сосчитали, сколько еще потребуется – оказалось зерна всего царства не хватит!

Действительно, сколько же это выйдет: два в 62-й степени (2^{62}) $+ 1 \times 2$? Получается число с восемнадцатью нулями: свыше четырех триллионов зерен!

Кстати сказать, нигде в мире не было такого числового воображения, как в Индии. В легенде о мудром Арджуме задается вопрос: каков объем вселенной, вычисленной в мельчайших частицах (как бы атомах)? Ответ гласит: одно зернышко мака равняется десяти тысячам частиц: миллион маковых зерен составит одну версту; сто миллиардов верст образуют «сферу», а вселенная охватывает число сфер, выраженное единицей и сорока нулями, то есть $10^4 \times 10^6 \times 10^{12} \times 10^{40} = 10^{62}$ мельчайших частиц. Очевидна связь этого исчисления с 64 квадратами шахматной доски, по которым умножаются зерна пшеницы.

Другая легенда – уже иранская – рассказывает, что царь Индии прислал шаху персидскому, грозному Хосрову Ануширвану шахматы, сделанные из изумруда и красного яхонта и доску из слоновой кости, украшенную бриллиантами. И письмо прислал, в котором написал:

«Так как ты именуешь себя царем царей, то тебе подобает быть мудрейшим из нас и иметь мудрейших советников. И вот я посылаю тебе эту игру, изобретенную моим ученым, и предла-

гаю твоим ученым догадаться, как в эту игру играть. Если отгадают, я пришлю тебе дань – тысячу вьюков серебра и сто вьюков золота.

Если ж нет, то пришли мне ты столько же. Ибо знание – лучшее из всего, что приносит славу».

Изумился Хосров необыкновенной игре, собрал мудрейших людей своего царства и велел им немедленно разгадать диковинную вещь. Три дня и три ночи, не сходя с места, сидели мудрецы над этой загадкой и не могли ничего понять. Шах тоже три дня и три ночи сторал от нетерпения, мрачнел и сердился. К концу третьего дня явился мудрый Бузургмихр, хоть и не был зван шахом, и предложил ему попробовать разгадать секрет. Целую ночь он расставлял фигуры так и этак и наконец догадался.

– Это точное воспроизведение поля битвы, – сказал он. И расставил фигуры. И все восхищались замысловатой игрой и мудростью Бузургмихра.

Позднее в Иране, а может быть еще и в Индии, фигуры колесниц были заменены ладьями. Поле разделялось «рвом», якобы наполненным водой, по науке военной обороны. Вследствие этого, нужны были ладьи. В Иране же фигура телохранителя была названа начальником гвардии – **ферзин**. И слоны, и кони, и колесницы, и ладьи были с витязями.

Название фигуры **ладья**, очевидно, перевод древнего иранского слова, пришедшего к нам еще с Востока через посредство татар или даже хазар.

Когда «рвов с водой» исчез с доски и ладья оказалась неуместной на поле сражения, это название (по-ирански **рук**) отождествили с именем сказочной птицы Рук, исполняющей невозможные задачи, которые ставятся герою. Она, конечно, имела отношение к подвигам витязей, но четкая логика первоначальной индийской военной игры была нарушена. Любопытно, что игра состояла в том, чтобы поставить шахматного шаха в безвыходное положение, сделать ему – по теперешней терминологии – **пат**; **пат** (сдача) – это испанская форма латинского **пакт** (соглашение о мире), потому что восточная феодальная идеология не позволяла убивать царя даже в бою – особа его священна: его можно заточить в башню, заковать в цепи (приличнее – золотые), даже ослепить, но лишать его жизни – грешно. Поэтому и шахматного царя нужно только запереть, тогда он «умирает», это и возвещается формулой **шах мат** (царь умер).

В VII веке арабы завоевали Иран – и пленились шахматной игрой. Как персы, так и арабы считали эту игру лучшей школой ума и необходимым предметом воспитания. В знатных и богатых домах брали к молодым людям специальных наставников для обучения шахматной игре. Знаменитый халиф Аль-Манун огорчился, что плохо играет в шахматы:

– Я правлю половиной мира и миллионами людей – от Инда на востоке до Гвадалквивира на западе, – а не могу справиться с шестнадцатью фигурами на доске меньше аршина в квадрате.

Другой халиф, думая, кого бы взять себе визирем, приглядывался к тому, как человек ведет себя во время шахматной игры: способность эффективно распоряжаться данными средствами для достижения цели, предусмотрительность, выдержка, предприимчивость, находчивость, пронырливость, – каких только достоинств нельзя проявить в этой удивительной игре!

В VIII веке арабы завоевали Испанию, и арабская наука, в то время значительно превосходившая уровень европейской мысли, здесь особенно расцвела. Процветали здесь и шахматы. Испанское, а затем и французское и английское рыцарство с увлечением приняло эту игру, как и многое другое из арабской культуры. К этому времени шахматный «советник» именовался арабами **ферзем**, эта фигура получил статус «полководца» и вместе с тем право ходить по прямой и диагонали взад и вперед от края до края доски, так что сделался сильнейшей фигурой. Эту новую игру арабы называли **аш шатрандж-ат тамм**, – что означает **совершенный** (законченный) **шатранг**, в испанском произношении **ашедрес-атама**, что было по созвучию понято в тогдашней рыцарской среде, как игра **Дамы**, то есть что-то вроде турнира в честь прекраснейшей из красавиц.

Между тем во Франции шла своя работа. **Ферзь** был осмыслен, как **фьерс** (фанфарон), и как **вьерж** (девственный). Но тут прогремела по всему свету чудесная слава девы-воительницы Жанны д'Арк.

Действительно, ее подвиги казались чудом. Положение было отчаянным: половина Франции была занята английскими войсками; король взят в плен и увезен в Англию; у молодого наследника не оставалось ни войск, ни денег, ни надежд. И вдруг семнадцатилетняя девушка, простая крестьянка, смелой и горячей верой в свое избранничество, убедила наследника дать ей

небольшой отряд, заставила англичан снять осаду Орлеана, короновала наследника в Реймсе, нанесла поражение неприятелю и подступила к Парижу.

Яркий образ девы-воительницы сразу дал неожиданный и новый смысл шахматной деве-ферзю.

Еще сто лет, и новый блестящий и галантный двор окружил королеву во Франции и Испании новым блеском. Невольно шахматное окружение короля должно было перестраиваться по-придворному. Слои – по-арабски **аль-филь** переосмыслиется в придворного шута – **ле-фоль**. Рядом с шахматным королем, естественно, становится королева. Возвышение закончено.

Но термин **игра дамы** с исчезновением средневекового рыцарства потерял смысл и стал пониматься уже как **дамская игра**. Это название упрочилось специально за шашками, значительно позже возникшей игрой. Это были сильно упрощенные шахматы, в которых действовали уже только пешки и «дамы»; у нас «даму» стали называть фамильярно **дамкой**. В дамке сочетаются оба принципа испанских шахмат – превращение шашки, дошедшей до последнего поля, в фигуру, и право этой фигуры ходить от края до края взад и вперед.

Название ирано-арабской фигуры, изображавшей чудесную птицу Рук, не могло удержаться долго на европейской почве. Его осмыслили в Италии как **рокк** и связали с **госса** (утес, скала), может быть, потому, что птица Рук изображалась сидящей на утесе. От этого итальянского названия происходит европейский и наш шахматный термин **рокироваться**. Самую фигуру делали в виде башни на скале – типично итальянский элемент пейзажа; отсюда французское название ее **тур: tour** – это **башня**; из французского и наша **тура**. Наше **слон** и **ферзь** являются первоначальными восточными названиями, и в нашей шахматной терминологии таким образом сочетались, как и во всей нашей культуре, восточные и западные элементы.

Глава V МУЗЕЙ СЛОВ

1. Язык мировой культуры

В наше время расстояния, непроходимые когда-то леса и горы, топи и пустыни, ледяные поля и океаны уже не разделяют людей. Никакие стихии – ветры, линии, разливы рек, бураны, штормы, самумы, смерчи – не останавливают движения человека. Пароходные рейсы и авиатрассы связывают материки надежнее и быстрее, чем если бы их соединили мостами, и делают их ближе друг другу, чем в старину были деревни соседних уездов. Паровозное и пароходное движение сократило поверхность земного шара больше чем в двадцать раз по сравнению с эпохой пешего человека; автотранспорт сближает мир еще теснее, как бы в квадратной степени; авиация возводит сближение в куб! Больше чем в двести раз сблизились за последние сто лет расстояния земли. А количество и частота передвижений и перевозок и их пространственный охват умножились за столетие наверное в миллионы раз.

Но еще больше усилилось и углубилось общение людей между собой.

В старину народы и страны были отгорожены друг от друга различиями расы, языка, культуры, веры еще сильнее, чем расстояниями и препятствиями пути. Непроступнее, чем линии Мажино и Зигфрида, были эти невидимые стены, самым наглядным воплощением которых являлась пресловутая «китайская стена». В чужой стране, среди другого племени человек оказывался бесправным, и все его достояние, свобода действий и самая жизнь становились игрушкой случая и прихоти любого встречного. Путешествия были почти невозможны, передвижения, даже недалекие, трудны и опасны. Каждое племя жило обособленной жизнью и не нуждалось ни в чем от соседнего – потому что и в соседнем имели и умели в конце концов то же самое. Это были как бы плотные, косные глыбы, внутри которых происходили только слабые, мельчайшие и кратчайшие движения, и только на границах соприкосновения с другими могли образоваться – в результате вековых взаимных трений – элементарные смеси и сплавы.

Еще в середине XIX века не только крестьянин, но и городской мещанин, и мелкий помещик почти всю свою жизнь не выезжал из своей деревни или городка дальше чем на десятков-другой верст. Не зная грамоты, он был ограничен в своем кругозоре только беседой с десят-

ком-другим соседней да смутными слухами, передававшимися от одного к другому. Культура буквально передавалась – из рук в руки, из уст в уста – неохотно и недоверчиво, медленно и скупо.

А теперь? Почта, телеграф, телефон связывают отдаленнейшие точки мира. Телевидение и радио мгновенно и непрерывно охватывают тысячами волн нашу планету, окружая ее как бы второй атмосферой – атмосферой слова. Все грамотны, все где-то бывали и что-то видели на своем веку. Учеба, работа, военная служба, собрания, съезды сталкивают различнейших людей со всех концов и уголков страны: рассказы, разговоры, споры, лекции, переписка, пресса, литература, кино, театр связывают их в постоянном общении. Весь мир пронизывается связями и взаимодействиями. Он весь становится как бы пористым, сквозным, как будто косные некогда глыбы плавают, струятся, проникают друг в друга. Он всюду полнится и гремит человеческой речью, которая слышится отовсюду и повсеместно и становится все свободней и все дружней от века к веку. Когда-нибудь она станет, наконец, товарищеской общей беседой всего человечества о создании нового мира для творческого труда и счастья.

Язык – средство общения, орудие мысли. И в нем отражается очень наглядно этот огромный процесс взаимодействия человеческой мысли. Возьмите «краткий» словарик иностранных слов. Он рассчитан на среднего, массового читателя и содержит только ходовые слова, которые желательно знать всякому читающему и мыслящему человеку.

И однако он включает свыше 5000 научных, технических, и вообще культурных терминов, общих более или менее всему миру! Это число едва ли не вдвое превосходит количество русских слов, которыми обычно пользуется средний русский человек. И то же соотношение мы найдем и во всех европейских языках. Если охватить и все специальные термины, существующие в науке, технике, медицине, искусствах, спорте, военном, морском, банковском деле, то таких слов окажется наверно около миллиона. Особое название дано каждому виду и подвиду растений и животных – одних разновидностей птиц насчитывается тысяч шестнадцать, насекомых более ста тысяч; каждому химическому веществу и соединению, каждой болезни и лекарству, каждой косточке, сухожилию, нерву и ткани организма, каждому минералу, каждому инструменту, орудю, прибору, каждому процессу, каждой звезде дано особое наименование, общее почти во всех странах мира.

Словарь терминов-понятий современной цивилизации много раз превышает теперь количество бытовых и общих слов любого отдельного языка. Заметим, что это словарь – за небольшими исключениями – искусственный: доля слов современных языков в нем очень незначительна по сравнению с искусственными, составленными из корней древнегреческого и латинского языков, так что словарь этот оказывается словарем «иностранных» слов (в разной степени) для всех европейских языков.

С другой стороны, этот словарь представляет собой номенклатуру, или инвентарь всей человеческой мысли на сегодняшний день. Это как бы указатель ко всеобщей энциклопедии культуры. Больше того, – это словарь особого интернационального языка понятий, то есть «языка» совсем особого рода, нечто вроде условного кода. Самый разработанный в нем отдел – математический, располагающий даже собственным специальным письмом, универсальным и предельно точным. Математик любой страны и национальности может читать математические тексты так же свободно, как музыкант читает ноты. Химические формулы так же универсальны и общеобязательны, как математические. Естественно, что специальные термины науки, техники, спорта едины для всего мира, как система мер и весов, как календарь, как аптечная рецептура, как цифры и ноты. Они должны составить словарь единого языка мировой цивилизации.

Потребность во всеобщем, интернациональном языке давно высказывалась: в течение средних веков и до конца XVIII века таким языком служил латинский, и не раз делались попытки составить такой язык искусственно из корней всех европейских языков, – чтобы никому не было обидно. Последним опытом этого рода был «эсперанто», имевший несколько десятков тысяч приверженцев, в том числе и у нас, до Октябрьской революции 1917 года и даже после нее.

Но все подобные усилия обречены производить на свет только суррогаты «единого языка», потому что никакой искусственный условный язык никогда не сможет заменить собой ни живого языка бытовой речи и литературы, ни научной терминологии, создававшейся веками работы коллективной научной мысли человечества. Только естественное развитие научной и технической терминологии сможет сделаться специальным мировым языком человеческого знания по

примеру математики. Существующий уже теперь фонд специальной терминологии – наследие огромного научного опыта всей исторической жизни человечества, – он нуждается только в техническом и организационном завершении.

2. Музей слов

В основе нашей и европейской науки лежит великое и славное наследие античной (греко-римской) древности. Геометрия еще и теперь преподается во всех школах мира по книге Эвклида. Философия до сих пор ищет ответа на вопросы, поставленные Демокритом, Платоном и Аристотелем. Право и политика, архитектура, скульптура и поэзия, техника и военное дело, история и грамматика, театр и школа – почти все основные области культуры – были основательно и мастерски разработаны античной мыслью две тысячи и более лет тому назад и служат нам образцами поныне. Письмо (алфавит), книга, школа, библиотека, созданные античностью передали европейским народам все эти богатства, добытые гением и трудами античного общества. Наконец, христианское учение распространено было греческой и римской церковью на все европейские страны.

Многовековое и всеобъемлющее влияние античной культуры наложило глубокий и сильный отпечаток на быт и сознание европейского человека. Самые формы его жизни, идеалы и мысли являются в значительной степени античными. До сих пор чувствуется, какая сложная и крепкая грань сложившихся воззрений и привычек разделяет мышление и поведение европейца от человека других культур, оставшихся исторически чуждыми влиянию античности. Это глубоко сказывается и в различиях культуры и искусства, отражающих различную манеру представления и мысли, и в характере языков. Эти грани исторические, связанные с ведущей культурной ролью Европы и ее мировым преобладанием в течение 2500 лет. Даже Япония, Китай, Индия, до недавнего времени остававшиеся отчужденными от европейской культуры, переходят к ней.

Европейские языки, особенно в литературном, книжном слое, полны греческих и латинских слов и античных оборотов, как европейская мысль пропитана античными понятиями и образами. Этому, конечно, сильно способствовало и то обстоятельство, что в течение почти двух тысяч лет языком церкви, школы и науки во всей Западной Европе был латинский. Поэтому в европейский культурный словарь вошло множество слов, унаследованных из греческого и латинского языков вместе с античными вещами и понятиями, как **арифметика, грамматика** (с ее терминами), **теорема, физика, механика, поэтика, театр и музыка** (с их терминами), **цирк, стадион, история, библиотека, музей, аудитория, политика, демократия, анархия, тирания, деспот и принц, республика, сенат, федерации, диктатура, империя, трибунал, амнистия, оппозиция, декларация, юстиция, милиция, юрисконсульт, космос, стихия, энергия, идея, сфера, машина, атом, процесс, мания, энтузиазм, сатира, скульптура, статуя, колонна, мрамор, литера, сандалия, ваза, монета, лампа, литр, урна, арка, вестибюль, центр, квадрат, атлет, гимнастика, манипуляция, анализ, синтез, кризис, критика, пальма, асфальт, асбест, аметист** и т. д.

Много различных слов получило в Европе дальнейшее развитие по форме и по значению, отойдя значительно или совсем от латинского значения, которое мы приводим в скобках; к ним относятся **капитал, процент, биржа** (в древности **кошель**), **университет** (всеобщность), **институт** (учреждение), **лаборатория** (мастерская), **экзамен** (проверка), **министр** (служитель), **корпус** (тело), **класс** (сословие), **субъект** (подлежащее), **объект** (предлежащее), **система** (состав), **рецепт** (принятое), **президент** (председательствующий), **литература** (письменность), **аптека** (склад), **пафос** (страдание), **циркуль** (кружок), **гимназия** (физкультурное заведение), **интеграл** (цельное), **школа** (досуг), **оркестр** (площадка для хоровода), **автомат** (сам собой умеющий), **милиция** (военная служба), **пропаганда** (разглашение по округам), **абстракция** (отвлечение) и прочие.

Эта традиция, естественно, укоренилась больше всего в научной терминологии: названия болезней и лекарств, анатомические термины, названия видов животных и растений, минералов, химических веществ, философская, юридическая, филологическая, астрономическая и математическая терминология почти сплошь представляют такие латинизмы и грецизмы. Эта традиция соблюдается до сих пор.

Огромное большинство в общей мировой терминологии составляют слова, искусственно образуемые из греческих и латинских корней, вроде **телефон, бронхит, радиий, радио, турбина, турбогенератор, пенициллин, гидрат, изотерма, авиация, стратосфера, мегалозавр, империализм, социализм, пролетариат, коммунизм, интернационал, индустриализация, милитаризация**. По этим словам не видно, кем и когда они созданы, – ясно только, что эти термины общеевропейские. Лишь очень незначительную группу составляют слова, произведенные от собственных имен (фамилий) или названий стран и городов. На них стоит, таким образом, как бы подпись автора или фабричная марка. Немногочисленны также и слова, вошедшие в интернациональный обиход из того или другого живого языка. Но эти последние представляют особый интерес, так как они хранят на себе отпечаток времени и места создания вещей или понятий, которые они выражают. Из них можно было бы составить своего рода музей слов-терминов историко-культурного значения, экспонированных по эпохам и странам.

Таким образом, словарь подобных терминов – то есть практический словарь иностранных слов любого языка – является своего рода регистратурой соучастия народов, стран и эпох в накоплении общего культурного наследия, общего фонда цивилизации, как бы музеем понятий. По этому словарю можно судить о том, где и когда создались те или другие вещи и идеи, вошедшие в мировой обиход.

Античный отдел в этом музее – самый древний, обширный и основной, и пополняется он до сих пор греческими и латинскими словами, хотя и заново составленными.

Остальные павильоны более или менее ограничены той или другой эпохой. Так, начиная с эпохи Возрождения, Италия, Испания, Франция последовательно выступают ведущими странами в истории западноевропейской культуры, и соответственно этому накапливаются в европейском словаре ряды слов итальянского, испанского и французского происхождения. Затем вступают в действие Голландия, Англия и другие страны.

Ренессанс был больше всего возрождением живописи, скульптуры и архитектуры. К античным архитектурным терминам добавились с того времени итальянские **портал** (входное обрамление здания), **бельведер** (вышка, буквально **прекрасный вид**), **балкон, галерея, ротонда** (круглое здание **или зал**), **купол, карниз**. Основные же термины живописи были созданы заново: **акварель** (водяная прозрачная краска), **пастель** (цветные карандаши из пасты), **гуашь** (водяная краска), **сангина** (карандаши **кровавого цвета**), **темпера** (**смесь** – краска на желтке и клее), **миниатюра** (из латинского **киноварь** – заставка или картинка в рукописной книге), **колорит** (раскраска), **контур** (очертание предмета), **контраст** (противоположность), **палитра** (буквально **лопаточка, скребок**), **студия** (из итальянского **комната для занятий**), **модель** (форма для литья), **трафарет** (прорезная форма, лекало). В Италии же возникли и термины **скульптор, бюст, торс, группа, терракота** (обожженная земля), **камея, пьедестал, постамент** и др.

Возрождение театра началось также в Италии с возникновения комедии, и свидетельствами этого остаются итальянские слова: **сценарий, бутафор** (что значит **выталкивающий**: первоначально он выталкивал актеров на сцену), **буфф, буффон** (буквально **надувающийся шут**), **импресарио** (предприниматель), **гротеск** (первоначально причудливые изображения в фотах), **грим** (буквально **морщины**, того же корня французское **гримаса**), **шарлатан** (болтун).

Итальянскими же словами являются и **балет, балерина, сальто мортале** (смертельный прыжок).

Особенно развитая достигла итальянская музыка, прежде всего певческая. Естественно, что и европейская музыкальная терминология остается до сих пор в основном итальянской: **симфония** (греческое слово, означавшее **созвучность**), **опера** (произведение), **оратория** (буквально **часовня, молельня**), **соната, серенада, скерцо** (что значит **шутка**), **ария** (первоначально **напев**), **речитатив, колоратура**. Итальянскими остаются и названия голосов – **сопрано, альт** (буквально **высокий**), **контральто, бас** (буквально **низкий**), **тенор**, а также дуэт, **трио, квартет, квинтет, концерт, капелла**, и термины для темпа исполнения: **анданте** (умеренно, медленно), **аллегро** (весело, живо), **адажио** (медленно, тихо), **престо** (быстро), **бравурный** (бодрый, молодецкий) и другие, а также **браво** (молодец) и **бис** (вторично, еще раз).

Наконец, итальянскими являются **мандолина, виолончель, контрабас**. В басне Крылова «Квартет» есть термин итальянского происхождения **прима** – речь идет о первой скрипке:

Ты, прима, сядешь против вторы...

Италия же создала такую форму стихотворения как сонет и новеллу – рассказ с интригой.

Но итальянцы занимались и более деловыми вещами. После завоевания Греции турками в XIV веке Италия оказалась непосредственно между Ближним Востоком и Западной Европой, и это вело к большому развитию торговли. Восточные товары шли на Запад через итальянские руки, а названия их – через итальянский язык, например, **бархат, лазурь, графин, балдахин, специи**. Тогда же проникли, через итальянский, в европейский обиход арабские **арсенал, сапа** (отсюда **сапёр**), **авария, цифра, алгебра, зенит** и другие. С развитием крупной торговли и ремесел развилось в Италии банковское дело и появились термины **банк, банкрот, касса, кассир, транзит, кредитор, брутто, нетто** и **валюта**; из итальянского **ажжо** (aggio) возникло французское **ажжотаж** в значении **спекулятивное повышение цен**.

Италии же мир обязан и организацией связи. **Почта** (почтовая карета или станция), **курьер** (посыльный, гонец), **корреспонденция** (обмен репликами), **эстафета** (от **staffa** – стремя), **бандероль** (буквально **флажок, вымпел**), а также **газета** (**gazzetta** – мелкая венецианская монета, стоимость одной из самых первых газет) – все это итальянские слова.

Социальная жизнь в Италии эпохи Возрождения протекала очень бурно и драматично. Именно там создались такие слова, как **ренегат, бандит, шпион, инкогнито, стилет** (тонкий кинжал), **контрабанда**, а также **корсар** (пират).

Наконец, из итальянского языка вошли в общий обиход **скарлатина** (багровая), **инфлюэнца** (влияние злых сил, которым объяснялась болезнь), **малярия** (дурной воздух – якобы причина болотной лихорадки), **карантин** (**сорок** – сорокадневная изоляция больных), не говоря уже о таких специфических для старой Италии вещах, как **карнавал** (мясопуст, масленица), **гондола, баркарола** (песня лодочника, от **barca** – лодка), **тарантелла** (пляска, подобная круженью укушенного тарантулом), **кавалер** (всадник), **мадонна** (моя госпожа), **макароны** (происхождение этого слова, вероятно, греческое), **вермишель** (червячки) и т. п.

Переходим в испанский павильон. Повсюду, конечно, известны ставшие классическими понятия старой Испании, как **идальго, гидальго** (дворянин), **дуэнья** (пожилая женщины, состоящая при благородной девушке), **гверилья** (партизанская война сторонников претендента на испанский престол, Дон-Карлоса), **инфант** (сын короля, собственно **дитя, ребенок**), **мантилья** (плащ), а также испанские танцы **болеро, фанданго, сарабанда** (все три неясного происхождения), а также **кастаньеты** (буквально **каштановые скорлупки** – ими щелкали при пляске) и названия участников в национальном испанском бое быков: **торeadор**, или **тореро**, образованное от **toro** (бык), **матадор** (закальватель), **пикадор** (**пикейщик**), **бандерилья** (стрела, которую бросают в быка, чтобы его раздражить, буквально красная **ленточка** на ней: тот же корень, что у итальянского **бандероль**). К этим словам можно присоединить имена героев Сервантеса, ставшие нарицательными – **Дон-Кихот, Росинант, Дульсинея**.

Значительно меньше испанских названий предметов, вошедших в общеевропейский обиход. Курильщики обязаны Испании **табаком** (из языка Гаити, где означало род трубки); происхождение слова **сигара**, по-испански **sigarro**, неизвестно, а **гаванская** (сигара), или **гавана** происходят от названия главного города на Кубе, которая была в прошлом испанской колонией; от **пахитоса** (буквально **соломинка**, поскольку соломинка служила мундштуком) образовано наше **папироса**.

В общее употребление вошли также испанские **сиеста**, послеполуденный отдых (буквально **шестой час** – по римскому счету от утра), **романс** (песня, стихи на испанском языке в отличие от латинского), **лакей** (неясного происхождения), **платина** (пластинка), **паста** и **пастила** (тесто), **эмбарго** (арест груза) – это слово родственно **барьеру** и **баррикаде**; **силос** – способ консервировать траву – первоначально имел значение **погреб**; **канарейка** – так называли птицу с Канарских островов; **камрад** (товарищ) – первоначально имели в виду товарища по солдатской казарме. С XV века, особенно же после завоевания Мексики и Перу, Испания становится сильнейшей морской державой. Памятниками этого являются испанского происхождения слова **эскадра, эскадрилья, галера, фрегат** и другие.

Много слов вошло в европейские языки через испанский из арабского (арабский халифат в Испании был окончательно ликвидирован только к концу XV века). Таковы **лиловый, гамаша** (по названию города, где выделывали особый род кожи), **альков** (ниша в стене), **амбра** (души-

стая смола), **азарт**, **фанфарон** (бахвал). Самым интересным из них является **адмирал**: это слово происходит от арабского **амир-а-али** (высший начальник). В испанском им могли называть и командующего флотом, и в этом значении слово усвоилось в Сицилии, а затем и во всех языках. Под влиянием латинского **адмираре** (изумляться) в голландском, а затем английском и немецком этот титул переделали в **адмирал**, так что д здесь совершенно лишнее.

Ряд слов из американо-индейских языков распространился, естественно, также через испанский язык, например, **табак**, **томат**, **маис**, **какао**, **шоколад**, **кокаин**, **лама**, **шиншилла** (ценный мех), **пирога** (индейская лодка), **каннибал**, **гаучо** (пастух), **гамак**, **ураган**. Сюда же можно добавить испанские слова, созданные в Америке или получившие распространение как обозначение американских вещей. Таковы **ваниль** (стручки), **индиго** (индийская краска), **пампа** и **прерия** (степь), **льяносы** (заросли), **лассо** (петля), **пеон** (батрак), **сомбреро** (широкополая шляпа) и т. п.

С середины XVII века Франция выходит на ведущее место в Западной Европе. Блестящему двору Людовика XIV подражали все европейские дворы. Все строили себе по его примеру свои Монплезиры, Монрепо, Сансуси, Эрмитажи и **павильоны** с **плафонами**, **паркетам**, **анфиладами** зал, **террасами**, **антресолями**, **салонами**, **будуарами** и **кабинетами**, вводили такой же этикет, **реверансы**, **комплименты**, **менуэты**, **карусели**, **парфорсную охоту**, **ливреи**, **лампасы**, **галуны**, не говоря уже о **костюмах** и **туалетах**. Впрочем, Париж еще до недавнего времени диктовал **моды** и **фасоны** всему миру. Словарь портных и парикмахерских был преимущественно французский. В него внесены **пальто**, **манто**, **сак**, **сюртук**, **визитка**, **блуза**, **капюшон**, **манжета**, **трико**, **плюш**, **вуаль**, **ажур**, **капот**, **декольте**, **гетры**, **калоши**, а также **шевелюра**, **шиньон**, **блондин**, **брюнет**, **шатен**, **букли**, **маникюр**, **одеколон**, **брошь**, **брелок**, **колье**, **браслет**.

Так как французский язык сделался более или менее международным в Европе, то французским был и словарь гостиниц: **отель**, **пансион**, **табльдот**, **портье**, **номер**, **ресторан**, **кафе**, **кабаре**, **варьете**, **гид**, – а также лексикон кухни: **меню**, **десерт**, **суп**, **бульон**, **рагу**, **беф**, **котлета**, **антрекот**, **шюре**, **желе**, **мусс**, **крем**, **суфле**, **сироп**, **ликер**, **бисквит**, и словарь путешествий: **тур**, **турист**, **пассажир**, **багаж**, **билет**, **экспресс**, **перрон**, **дебаркадер**, **тоннель**, **купе**, **портплед**, **саквояж**, **несессер**, **портмоне**, **портсигар**, **портфель**, **кабина**. Но и в искусстве Франция занимала первое место, и французские слова значительно пополнили и обновили художественную терминологию. Таковы **офорт** (буквально **крепкая вода** – азотная кислота, которой протравливают рисунок на медной доске); **гравюра** (резьба), **эстамп** (оттиск), все виды живописи – **пейзаж**, **натюрморт**, **портрет**, **жанр**, **марина**, **батальная картина**, а также **ракурс**, **контур**, **нюанс**, **ретушь**, **этюд**, **шедевр**, **манера**. Французскими же являются и термины **рельеф**, **барельеф**, **ренессанс**, **рококо** (первоначально причудливый «раковинковый» стиль), **ампир** (буквально **империя** – стиль эпохи Наполеона), **импрессионизм**, **кубизм** и т. д.

Театральная терминология также в основном создавалась во Франции, начиная с эпохи Мольера, Корнеля и Расина. Французскими являются термины большого королевского театра: **кулиса**, **рампа**, **ложа**, **партер**, **бенуар**, а также **пьеса**, **сюжет**, **персонаж**, **роль**, **спектакль**, **мизансцена**, **суфлер**, **жест**, **бенефис**, **анонс**, **афиша**, **премьера** и термины актерских **амплуа** (должность, применение): **резонёр** (рассуждающий), **эжженю** (простушка), **героиня**, **гранд-дам** (великосветская дама), и наконец **ангажемент**, **антрепренер**, **режиссер**, **турне**, а также **марионетка**. Кое-что внесла Франция и в музыкальную терминологию: **тембр**, **рулада**, **аккорд**, **диссонанс**, **туше** (манера «трогать» клавиши), **дирижер**, **ансамбль**, **ноктюрн**, а также инструменты **клавесин**, **рояль**, **кларнет**, **корнет-а-пистон**, **гобой**.

Карты были изобретены во Франции и, естественно, сохранили некоторые французские наименования, например, **валет** (слуга), **дама**, **пики**, **трефы** (клевер), **тасовать** (складывать в кучу), **пасовать** (проходить мимо), **пасьянс** (терпение), **марьяж** (свадьба), **онёры** (почести), **ренонс** (отказ), **Ремиз** (запас), **преферанс** (предпочтение), **партиёр**, **ва-банк** (по-французски **va banque**).

Франция дала миру также ряд разнообразнейших вещей, сохранивших свои названия, – **абажур**, **кастет**, **бильярд**, **бинокль**, **брикет**, **экран**, **рулетка**, **рулон** и **рулет**, **планшет**, **клише**, **жетон**, **шарабан**, **рессора**, **велосипед**, **дирижабль**, **шасси**, **шоссе**, **бюро**, **домино**, **бланк**, **блокнот**, **альбом** и др. и много слов общего значения, как **режим**, **резерв**, **ресурс**, **результат**, **стаж**, **контроль**, **инженер**, **лимит**, **шеф**, **рантье**, **рента**, **квартира** и т. д.

Французской революции 1789 года Европа обязана терминами **комиссар, патриот, декрет, гильотина, эшафот, террор, эмигрант** и названиями единой системы мер – **метр, сантиметр, километр, грамм, килограмм** (сокращенно **кило**), **тонна** (буквально **бочка**), **литр, гектар**, а также **декада**. Несколько важных политических терминов тоже созданы были во Франции: **буржуа** (буквально **горожанин**), **буржуазия, парламент, баллотировать, репрессии, саботаж** (буквально **сапожная работа** – иронически, как наше «эх ты, сапожник») в смысле «небрежная работа», одна видимость работы.

Наконец, французскому же языку обязаны все европейские языки такими незаменимыми выражениями, как **наивный, серьезный, солидный, массивный, эластичный, шокировать, резон, сенсация, шарм, апломб, шантаж, сеанс, протеже, авантюра, визави, афера, мираж, кошмар, пари, бонна, лояльный**.

В голландском павильоне больше всего морских терминов, особенно для парусного судоходства. Это естественно. Маленькая Голландия была в XVII веке сильнейшей морской державой; она оспаривала у Англии первенство на море и соперничала с ней в колонизации Америки, Индии и островов Тихого океана.

Петр I потому и отправился в Голландию учиться кораблестроению, что хотел получить эти знания из лучших рук. Понятно, что голландские слова занимают до сих пор большое место в морском словаре Европы. Таковы **борт, бушприт, ванты, рангоут, рея, трюм, кабель, трос, брезент, лот, каюта, кильватер, ватерлиния, люк, койка**, а также **верфь** и **гавань, юнга, матрос, боцман, лоцман, каптенармус, шкипер, буксир, бот, шлюп, швартовать, галс, аврал, лавировать, дрейф, дамба, кран, залп, крейсер**.

Кроме морских терминов, еще кое-какие голландские слова вошли в общий обиход, как **гу-геноты** (французские протестанты), **макрель** (рыба), **лотерея, матрац**, а у нас еще **статский, лиф, лацкан, картуз и швабра**. В голландской форме к нам пришло **кофе** – слово арабское, **ситец** – слово индийское, и **апельсин**, что буквально **китайское яблоко**.

Из английских слов, кроме технических, большое место в общеевропейском словаре занимают спортивные термины – **спорт, чемпион, рекорд, бокс, теннис, футбол, волейбол, гольф, гол, нокаут, старт, кросс, гейм** и т. п. Названия нескольких блюд английского происхождения стали также всеобщими – **ростбиф, бифштекс, пудинг, кекс**, а также **виски** (слово кельтское) и **портер**. Известны также и некоторые английские породы собак, как **пойнтер, сеттер, бульдог, фокстерьер, спаниель** (буквально **испанский**), а с ними распространились и собачьи команды: **даун** (ложись), **пиль** (бери), соперничая с французскими **куш** (лежать), **тубо** (смирно), **апорт** (принеси).

Английской политической жизни обязана Европа и несколькими важными словами общего значения, как **бюджет** (из французского **кошелек**), **лидер** (вождь), **митинг** (встреча, собрание), **бойкот** (собственное имя), **локаут** (закрытие предприятия с расчетом рабочих), **тред-юнион** (профсоюз), **агитатор** – латинизм, появившийся в Англии около 1780 года в значении народного оратора, пропагандиста, но приобретшее всемирную известность в 30-х годах XIX века в применении к ирландскому члену парламента О'Коннелу, страстно боровшемуся за автономию Ирландии и за демократизацию английского избирательного права. Английского же происхождения слова **комфорт, фешенебельный, вульгарный, пиджак, смокинг, фрак** (с французского), **вокзал, хулиган** и другие.

Через английский язык получили распространение и колониальные слова, например, **пижама, бунгало, веранда, шампунь**.

Американский павильон музея слов интересен главным образом туземными, индейскими словами. Таковы **хина, какао, ананас, маис, тапиока, каучук, пума, лама, ягуар, кондор, колибри, гамак**.

Все это – вещи и животные, названия которых внесены в общий фонд культуры индейцами Северной и Южной Америки.

Но не все американские предметы дошли к нам под их туземными именами. Картофель привезен в Европу из Америки. Его индейское название было потато. У нас этот овощ называется **картофель**, как и в Германии. Вероятно, его вводили у нас преимущественно немцы – управляющие большими имениями в первой четверти XIX века. Но **картофель** – не немецкое слово. Это испорченное итальянское **тартуфолю** (tartufo), уменьшительное от тартуфо (tartufo), по-русски **трюфель**. Трюфель – ценный гриб, почти не показывающийся из-под земли; от

tartufo – имя старого ханжи в комедии Мольера «Гартюф», в смысле нашего **сморчок**.

Так наше слово хранит на себе как бы багажные наклейки, свидетельствующие о том, что картофель пришел к нам транзитом через Италию и Германию.

Во Франции название **потато** было переименовано, не без остроумия, в **пом-де-тэр** (pomme de ter-re) – что буквально **земляное яблоко**.

Ряд индейских слов приобрел всемирную известность благодаря романтическому интересу к быту индейцев, например: **томагавк, вигвам, мокасин, пирога, мустанг**. Наука обязана индейцам термином **тотем**, важным в истории религии: тотем – это предмет (обычно животное или растение), с которым как-то магически связано благополучие рода или племени. В Америке получило новое значение слово **пионер**: по-французски оно значило только **сапёр**, отсюда человек, обрабатывающий впервые пустошь, новопоселенец, проникающий в дикие дебри, затем человек, создающий новую область деятельности, науки.

Американцы Соединенных Штатов создали тоже, помимо технических терминов, немало слов, вошедших во всеобщее употребление, как **доллар, бизнес, трест, ковбой, коктейль, бостон, бекон, линчевать, гангстер, босс**. Но характерно здесь отсутствие содержательных, идейных слов.

3. Эмигранты

Как-то, лет сорок тому назад, один мой приятель, будучи в Лондоне, решил выпить настоящего английского портера – он любил этот род темного, крепкого пива. Каков же должен быть этот напиток на своей родине!

За обедом он просит официанта – лаконически, так как не слишком бойко и уверенно говорил по-английски:

– Портеру, пожалуйста.

Невозмутимость считалась одной из основных добродетелей старой Англии. Выражать удивление, особенно по отношению к иностранцам, было невежливостью, недопустимой со стороны официанта. Но в этом случае он не мог подавить крайнего и даже негодующего изумления. Он даже переспросил:

– Портер? Вы изволили сказать: портер? Приятель несколько смутился в душе – может быть он как-то не так выговорил это слово? С этими англичанами никогда не знаешь, верно ли говоришь, – в каждом квартале, чуть ли не в каждом ресторане произносят одно и то же слово по-разному, особенно когда в нем попадаетея **р** (эр).

Он принял поэтому, насколько умел, надменный вид и твердо повторил, из осторожности совсем глотая эти коварные **эры**:

– Да, поатеа!

Официант растерянно повел глазами направо, налево, беспомощно открыл рот, как будто хотел умолять или протестовать, но в конце концов овладел собой и удалился с привычным:

– Благодарю вас, сэр.

Он возвратился с метрдотелем, величественным, как первый лорд казначейства.

– Вы спрашиваете портера, сэр? – спросил он таким гоном, как будто ослышался.

Приятель струсил. Может быть, в Лондоне неприлично спрашивать портер в хорошей гостинице? Но самолюбие не позволило ему сдаться.

– Да, – сказал он, стараясь придать голосу железную твердость. – Разве в этой гостинице нет портера?

Долгая минута напряженного молчания. Наконец первый лорд гостиницы чуть пожал плечами, допустил тень снисходительной укоризны на лице и только:

– Как угодно, сэр.

И, повернувшись к официанту, он сказал, как будто бы решался на отчаянное дело:

– Приведите Мигльса!

– Сию минуту, сэр.

Минут прошло, однако, с десять... Эти минуты показались моему приятелю часами. «Приведите Мигльса!» – эти слова звучали в его сознании, как «приведите Вия» в повести Гоголя. Кто этот Мигльс? Что с ним сделает Мигльс? Только схватит его за шиворот и выбросит вон? Или в Лондоне это делается иначе?

Наконец, официант возвратился в сопровождении дюжего малого без пиджака, с засученными до локтя рукавами. Все глаза в зале сосредоточились на этой сцене. Приятель мой колебался между двумя чувствами. Одно тянуло его нырнуть под стол, другое побуждало схватить стул и отбиваться. Между тем официант, подведя к нему Мигльса, сказал с убитым видом:

– Вот портер, сэр.

Оказывается, портер в Англии давным-давно уже так не называется, а называется стаут – от прилагательного **stout** (крепкий, плотный). **Портер** же сохранил только основное свое значение **грузчик, носильщик** (особенно в гостинице, на вокзале). Самый напиток назывался когда-то **портерз эль** (porter's ale), то есть **пиво грузчиков**, отсюда просто **портер**, но это старое название сохранилось только в России, а в Англии оно настолько было забыто, что приятель мой оказался в самом смешном положении. Он никак не думал, что это слово английского происхождения давно стало только русским!

В Германии также, пожалуй, не поймут теперь наших немецких слов **бутерброд** или **парикмахер**, которые там давно перестали употребляться и забылись. Во Франции может оказаться непонятным наше **бельэтаж**, хотя это несомненно французское слово – но, может быть, областное или швейцарское, а также **пенснè; pince-nez** образовано от глагола **pincer** (сжимать) и **nez** (нос). Этих старых «эмигрантов» теперь на родине не узнают. Они там давно вымерли. А у нас они живут и живут.

Некоторые древние слова кельтского, готского, скандинавского и вовсе неизвестного происхождения сохранились в настоящее время только в славянских языках, в том числе и в русском. Таковы **витязь, меч, шлем, лекарь, хлеб, художник, ликовать, мытарить, лихва, серьга** и ряд других. Это, следовательно, как бы редкостные окаменелости или, вернее, экзemplяры вымерших пород, вроде наших знаменитых заповедных зубров.

Но некоторые из более поздних эмигрантов также продолжают жизнь только у нас, как, например, **шеренга, мундир, азот**.

Еще в большей степени это относится к формам слов. Бывает и так, что слова сохранились в языке-источнике, но там они претерпели более или менее существенные изменения, а у нас они сохранили исконную форму.

Например, русское **тын** (забор, ограда) представляет более древнюю форму немецкого слова **цаун** (Zaun), и более близкую к оригиналу. **Ябеда** стоит ближе к скандинавскому оригиналу эмбэтэ, чем немецкое **амт** (Amt) со значением **должность, пост**. Когда-то оно было серьезным, важным термином, означая должность княжеского комиссара. Подобная же история со словом **фискал**: в XVIII веке так называлась должность государственного контроля и инспекции, был даже и генерал-фискал – главный контролер, правда, фискальная работа была связана с розысками и донесениями, и вот в свое время **фискал** приобрело в жаргоне наших школьников значение **доносчик**.

Все это – слова редкостные, музейные.

Если оставить в стороне научные и технические термины и вообще книжные «иностранные» слова, а также случайные и мимолетные модные словечки, то можно смело сказать, что наши «заимствования» в большинстве вовсе не пассивно усвоенные готовые слова, а самостоятельно, творчески освоенные или даже заново созданные образования.

Вспомните такие своеобразные переделки немецких и французских слов на русский лад, как **шумовка, противень, рубанок, примазаться**, в которых сохранено только некоторое созвучие, а значение привито к чисто русскому корню.

С другой стороны, такие совершенно новые использования, как **прохвост, поганый, ирод, нуда, ехидна, аспид**, будучи сами по себе нейтральными, обратились в ругательства благодаря тому, что встречались обычно в отрицательном контексте. Это такой же ход мысли, как **змея** – коварная женщина, **пилить** – изводить попреками. Подобным же образом **христианин** обращается в **крестьянина**, то есть первоначально в **крещеного** в противоположность **поганым** и **нехристям**, а затем просто в русского селянина вообще.

Совершенно по-своему использовали мы слово балда в образовании **набалдашник**, итальянское **баста** в **бастовать, забастовка**; из французского **дè жур** (на сей день), мы сочинили **дежурный, дежурить, дежурство**.

Мы говорим **вошел в азарт, спорить с азартом, азартный человек**. Это наши собственные слова: заимствовано было **азартный** только в отношении к карточной игре, в значении **со-**

пряженный с риском; французское **азар** (hasard) значило только **риск**; в этом смысле его употребляли в морском деле при Петре I. Но мы перенесли прилагательное **азартный** с игры на играющего, как характеристику его темперамента. А отсюда естественно создалось и существительное **азарт**, как свойство или состояние человека, новое слово, существующее только в русском языке.

Таким же перенесением значения французского **мове тон** (mauvais ton), что значит **дурной тон**, **невоспитанность**, с манер на человека создал Гоголь новое словечко **моветон** (человек с дурными манерами).

Более тонкое переосмысление получили в русском просторечии некоторые французские слова, бывшие в ходу в светском обществе: **кураж** (courage), что значит **храбрость**, приобрело иронический оттенок, и образованный от него глагол **куражиться** означал проявлять напускную, и притом вызывающую, самоуверенность; существительное **форс** (force) со значением **сила** тоже получило отрицательный смысл, так стали говорить о показном проявлении превосходства, отсюда просторечное (и школьное) **форсить**, то есть хорохориться, задаваться; слово **раж** (rage), по-французски **ярость**, стало означать разгоряченное состояние, близкое к азарту, в выражении **войти в раж**.

Немецкое **траф** (traf) означает **попал** (в цель), мы придали ему специфический оттенок, произведя глагол **потрафить**, **потрафлять**; сравните значение **угодить во что-нибудь** (бросая), **угодить в тюрьму** и **угодить кому-нибудь**. Кстати сказать, наши приставки обладают необыкновенно живой способностью овладевать иностранными словами, придавая им совершенно русскую физиономию. Так, **пачка**, **запаковать**, **упаковать**, **упаковщик** совсем русские слова, хотя в них гнездится немецкое **пакен** (Packen) со значением **пакет**, **тюк**.

Очень своеобразное явление представляют у нас заимствования, собственное значение которых остается совершенно в стороне, так что смысл им придан заново – из обстановки, в которой они слышатся, из впечатления, которое производили действия, связанные с ними. Так получили новое значение **исполать**, **куролесить**, **катавасия**. Добавим еще **ералаш**: татарское **беспорядочное** скопление людей стало **беспорядком**; **кутерьма** у татар когда-то означало состязание наездников, обычно сопровождавшееся свалкой, у нас **кутерьма** – беспорядочная и возбужденная возня; **набат** был татарским **барабаны**, когда шла речь о сигнале тревоги, у нас это быстрые удары в колокол при тревоге.

Того же порядка и наше **транжирить**, отражающее характерную черту нашего старого барского быта. Русские бары в старину выезжали за границу, чтобы себя показать, – а показать-то было нечем, если не щедростью, в расходах, знай-де наших! – тем более, что они не знали настоящей цены деньгам, требуя их от бурмистра или управляющего по мере надобности. Когда их урезонивали – часто собственные же слуги – что не к чему так сорить Деньгами, они отвечали, что-де нельзя же иначе **а летранжè** (à l'étranger), что по-французски **за границей**. От этого обрывка французского слова, подхваченного в этой обстановке, и создано было **транжирить**, по существу совсем другое, наше собственное слово со значением **сорить деньгами**.

Некоторые заимствования стали у нас новыми самостоятельными словами, получив в русском быту специфическое осмысление, например: немецкое **бунд** (Bund) со значением **союз**, **конфедерация** превратилось в русское **бунт** – как результат противоправительственного объединения; кляуза в латинском – **ссылка на статью закона**, у нас – формальное, часто недобросовестное использование текста постановления (сутягой, доносчиком, склочником); голландское **салфе**, что значит (орудийный) **салют**, стало у нас **залпом** – выстрелом из нескольких орудий, ружей сразу (отсюда переносно **выпалить залпом**, **выпить залпом**; английское **Воксхолл** (Vauxhall) – название увеселительного заведения близ Лондона – было заимствовано как **вокзал**, этим словом первоначально называли помещение для концертов при станции железной дороги в Павловске в 1830-х годах, потом саму станцию; **муштра** (усиленная, механическая военная учебка образцового солдата для парадов) идет от немецкого **мустер** (Muster) со значением **образец**, **модель**. Все эти слова получили у нас значение, которого не имели у себя на родине и которое создано нашим бытом: они зажили у нас новой жизнью и удалились от первоисточника. И это объясняется не живучестью самих этих слов, а животворной силой русского языка. Ему не страшны никакие заимствования. Это не значит, конечно, что можно злоупотреблять иностранными словами. Подобные злоупотребления обычно недолговечны и быстро выпадают из обихода, не засоряя языка.

4. Восток и Запад

Русский язык отличается от европейских языков обилием и разнообразием слов восточного происхождения. Испанский язык также богат ими, но почти исключительно арабскими заимствованиями. В наш же словарь вошло множество татарских, турецких, иранских, кавказских и китайских слов, а кроме того, ряд слов из восточных языков в пределах Советского Союза. Эти заимствования очень любопытны и важны в историческом отношении.

Древнейшими являются иранские заимствования – может быть еще от скифов, владевших южными степями и Крымом две с половиной тысячи лет и более тому назад и находившихся в живой связи с высокоразвитыми культурами Греции, Малой Азии и Ирана. Среди этих заимствований – очень значительные общеславянские слова: **бог, свят**, а также **сто, собака, топор** (заменивший, в конце концов, славянскую **секиру**) и имена древнерусских божеств **Хоре** и **Сварог**, позднее – **хата, курган, кура, болван** (изваяние), **богатырь, шатер, сарай, чаша, сафьян, бирюза, сарафан, сурьма** (служившая для чернения бровей и ресниц), **десть** (пачка бумаги). Некоторые из этих слов могли прийти к нам через посредство хазар, сидевших на Нижней Волге и ведших торговлю с Востоком, а кое-какие еще позднее, через татар.

От хазар (а может быть и от печенегов и половчее) мы получили немало важных слов, а следовательно и вещей, – **сабля, булат** (сталь), **чекан, армяк, епанча, хоругвь** (отсюда **хорунжий**, чин казацкого войска), **сапог, товар, аршин, безмен, бумага**, а также **телега, лошадь, вьюк** и названия конских мастей: **буланый, каурый, пегий, чалый**. Кое-что дошло до нас этим путем даже из Индии, например **изумруд**, и Китая – **жемчуг** (то и другое через турецкие языки).

Через посредство волжских болгар мы заимствовали **чертог, кумир, капище** (языческий храм), а также арабское **бисер**.

Золотая Орда была частью великой империи Чингиз-хана, охватывавшей почти всю Азию. В ней применялась административная система, выработанная для управления огромными пространствами. **Казна** и **казначей**; **тамга** со значением **пошлина** – отсюда **таможня**; **ям** со значением **подстава лошадей** – отсюда **ямская почта, ямщик; ярлык** – первоначально **мандат** на управление; **набат, каланча, караул** – наследие татарской администрации. Мы заимствовали от татар также кое-какое оружие и обмундирование, и в русский язык вошли слова **кистень, колчан, шишак, кобура, темляк**; кое-какие названия пришли вместе с одеждой: **тулуп, кафтан, халат, кушак, башлык, карман, колпак, башмак**; названия тканей: **кумач, кисея, тафта, бахрома, тесьма**; отсюда же **юфть** (особо выделанная кожа); **кибитка, лошадь, саврасый, каравый, табун, аркан, битюг, кочевать**; названия таких важных технических вещей, как **кирпич, очаг, чугунок, утюг, войлок, тюфяк, фитиль, нашатырь, алмаз**, а также **кабала, хозяин и батрак, ватага, атаман, казак, наконец барабан, балалайка, домра**.

Восточными же словами являются **амбар, бакалея, барс, барыш, буран, бязь, имбирь, карандаш, кинжал, кисет, лапша, лачуга, мишень, пай, сундук, табор, харч, шалаш**.

Все эти слова – вклад в словарь (и инвентарь) культуры, внесенный восточными странами, – сохранились только в русском (отчасти и других славянских языках). В Западной Европе, например, на **бумагу** (из тряпочной массы) перешло старое название **папирус** (волокна египетского тростника). Мы же сохранили, так сказать, подлинную фабричную марку этого нового вида писчего материала.

Во всех европейских языках ртуть называется **живым серебром** (перевод с латинского), наше ртуть заимствовано из арабского **утарид**, передающего греческий оригинал.

Таким же восточным путем в форме **алмаз** пришло к нам греческое слово **адамант**, в Западной Европе то же слово искажилось в **диамант**. **Бирюза** передает подлинное персидское **пироза**, что значило **побеждающая** (все прочие камни), на Западе ее называют просто **турчанкой**.

Мы получили из Западной Европы игру в карты, которую называли **азартной** – с французского **жэ дэ азар** (jeu de hasard), где это словосочетание означает игру случая, игру на риск. Но еще раньше к нам пришло прямо с Востока то же **hasard**, слово арабское, в его первоначальной форме **зер** со значением **игра в кости**. Оно обратилось у нас в **зернь** – очевидно, было осмыслено, как **зерно**: кости представляли собой маленькие костяные кубики с разным числом точек – от одной до шести на каждой стороне.

Кроме того, мы заимствовали то же слово еще и из голландского, в форме **газард**, как

морской термин в смысле **риск, несчастный случай**. В морском уставе петровского времени предписывалось «не вдавать себя в газард». «Надобно капитану быть вельми осторожну, чтоб беречь стеньги и не газард давать на великие ветры и погоды». А в рукописном словаре иностранных слов, отредактированном самим Петром, сохранилось его собственное определение: «**Газард** – (со) страхом чинимое дело.» Этот термин не получил, однако, хождения.

Только в славянских языках, перейдя в них из русского, имеется **чай**, в европейских языках это слово взято из другого китайского диалекта – тэ, сравните французское **thè** и английское **tea**. К нам чай шел караванным путем, через Азию, в Европу – морским. Самое название **Китай** сохранилось только в русском языке, это – старинное название Северного Китая, первоначально название тунгусского племени китай, владевшего Северным Китаем в X–XI веках; венецианский путешественник Марко Поло называет его **Катая**. Европейские названия **Хина, Сина, Шин, Чайна** идут из Южного Китая и передают, по-видимому, имя императорской китайской династии Цин.

5. Древнейшие отложения

Очень велик в русском языке и слой заимствований из греческого языка, отложившийся после создания славянской письменности по греческому образцу и принятия христианства из Византии. Вся церковная и богословская терминология, конечно, целиком греческая. Но множество и научных, и культурных, и бытовых понятий также взято было из греческой литературы.

Укажем хотя бы только заимствования, которым нет соответствий в европейских языках: **корабль, парус, кровать, фонарь, плита, полати и палата, известь, кадь, канат, лохань, миска, кукла, оладья, василек, мак, огурец, тетрадь, лента**.

В европейских языках этим словам соответствуют латинские параллели или переводные выражения. Тут сказываются отчетливо раскол между западной (римской) и восточной (греческой) церковью, начавшийся в IX веке, и общее расхождение римской и византийской культуры.

Сравнительно со значительными слоями восточных и греческих слов, отложившихся в русском языке еще в домосковский период, слой древних западных заимствований не велик. Это главным образом германские слова. Славяне соседнили с германцами издревле. Поэтому некоторые германские слова вошли во все славянские языки. Таковы, например, **князь** – от древнегерманского **кунинг** (король), **мыт** (подать), отсюда старое **мытарь** (сборщик податей), и наше **мытарить** (притеснять); **лихва** (процент на долг), **худог** (искусный) – отсюда **художник**. Это древнейшие германские заимствования.

Может быть, эти древние заимствования сделаны были нами от готов – германского племени, прошедшего от устья Вислы на Днепр и включившего приднепровских славян в свой военный союз. Готы называли себя **тыюд**, что значило **народ**. Это слово обратилось у нас в **чужд, чужой**. Любопытно, что этим же словом, **чудь**, мы стали называть и западных (прибалтийских) финнов. Слово это сохранилось в названиях **Чудское озеро, Чудово** (под Петербургом) и других мест.

От готов, по-видимому, заимствовали славяне и такие важные слова, как **лекарь, меч, броня, шлем и хлеб** (вероятно, из кислого теста, которого славяне первоначально не знали, выпекая только пресный). Но эти слова не германские, а заимствованные уже и в готском языке. Таким образом, эти слова неизвестного языка (может быть кельтского) сохранились по настоящее время только у нас.

Очень старыми германскими заимствованиями являются **витязь** и **король**. И эти оба слова тоже вымерли в германских языках. Следы их остались только в названии средневекового германского племени **витинги** и в имени **Карл**.

Интересно, что некоторые христианские термины принадлежат тоже к этим древним германским заимствованиям, например, **пост, крест, церковь**. Это говорит за то, что христианство стало проникать на Русь еще до крещения киевлян при Владимире и приходило первоначально не из Греции, а с Запада. В связи с этим значительно и то обстоятельство, что старославянское **буки** (письмо), **буки** (название буквы **б**) и наше **буква** – тоже германское слово, означавшее **письмо** (буквально **буковый** брусочек, на котором вырезывались знаки). Затем следует ряд слов, принесенных скандинавами, варягами. Таковы **гать** (очевидно, варяжские дружины заботились о прокладке дорог через наши лесные топи), **ящик, крюк, серьга** и старые **гридь** (свита князя) и

тиун (наместник князя). Незначительное число скандинавских слов, вошедших в русский язык, мы можем с гордостью противопоставить множеству таких слов в английском языке. Очевидно, что культурное влияние варягов было незначительным, они являлись на Руси только предприимчивыми наемниками и быстро ославянивались. Сын Игоря и Ольги (то и другое имя – варяжские) уже получает славянское имя Святослава.

Очень значительны зато были заимствования древнеболгарского языка. Это было и больше, и меньше, чем заимствование. Вряд ли даже завоевание могло привести к таким последствиям.

Русь получила славянскую письменность вместе с церковными книгами и всей христианской культурой из Болгарии. Это были уже готовые религиозные тексты – «священное писание» – богослужебные и евангельские. Западным славянам, полякам и чехам был навязан в качестве церковного языка латинский, совершенно чужой им. Древнеболгарский же был очень близок русскому. Древнеболгарские заимствования поэтому были для русского человека не чужими словами, а только иными формами и новыми значениями слов наряду с русскими. В этих новых значениях русский язык нуждался, так как собственных еще не имел. Поэтому они очень обогатили русский язык, нисколько не загромождая его.

Сравните, например, такие параллельные русские и болгарские формы: **волость – власть; веред (нарыв) – вред; солод – сладкий; оболочка – облачение; середина – среда; сторона, сторонний – страна, странный; горожанин – гражданин; чужой – чуждый; порох, порошок, пороша – прах; розница, рознь – разница; (во всю) мочь – мощь; огородить – ограждать** и так далее.

Бросается в глаза, что болгарские формы имеют более отвлеченный, переносный и «возвышенный» смысл. **Глава** сохраняет свое основное значение теперь только в поэзии, но имеет еще и смысл **отдел книги** – отсюда **оглавление**; **глава** – это еще и **начальник**, отсюда **главный, главенство, возглавить**, которых не имеет русское **голова**.

Такие же параллельные ряды составили отглагольные прилагательные; заимствованные из древнеболгарской формы **горящий, плачущий, живущий** приняли на себя функцию причастий, русские же – **плакучий, горячий и жаркий, живучий, неминуемый** остались особого рода прилагательными, а также деепричастиями: **плачучи, живучи** и прочее. Замечательно, что подобные болгарские формы настолько подошли к русскому, что они развивались уже самостоятельно дальше на Руси, так что создался особый «славяно-русский» язык, уже отличный от древнего и современного болгарского.

Большое применение находят себе у нас такие болгарские суффиксы, как – **ство, – ствие, – изна, – ние, – тель** – например, **бедствие, отсутствие, искусство, излишество, дешевизна, левизна, воспоминание, искатель**, отсюда и прилагательные – **искательный, разыскательный, впечатлительный**.

Даже в живой народной речи болгарские формы получили новое применение, например, такие любопытные прилагательные, как **большеуший, злющий, завидуший, пропащий**.

Наконец, через болгарский мы получили из греческого образцы таких сложных слов, как **милосердие, самодержавие, белокаменный, низкопоклонный, всеобъемлющий**.

Славянизмы очень обогатили наш поэтический язык. Можно сказать **перст провидения**, но **палец провидения** было бы тут комично. В стихе «Медлительно влекутся дни мои» нельзя поставить вместо **влекутся** глагол **волочатся**. На этой различной окраске славянских и русских форм Ломоносов построил свою знаменитую теорию высокого, среднего и низкого стиля.

Желая придать возвышенный стиль языку и образам, Пушкин в стихотворении «Пророк» употребляет больше славянских слов, чем русских (полу жирным даны славянские):

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, –
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы...

И **внял** я неба **содроганье**,
 И **горний ангелов** полет,
 И **гад** морских подводный ход,
 И **дольней лозы прозябанье**.
 И он к **устам** моим приник,
 И **вырвал** грешный мой язык,
 И **празднословный**, и лукавый...
 ...И **уголь**, **пылающий** огнем,
 Во **грудь отвёрстую** водвинул...
 «**Восстань**, **пророк**, и **виждь**, и **внемли**,
 волю моей,
 И, **обходя** моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Пушкин применяет здесь даже славянский синтаксис: **гад морских** (вместо **гадов**), **мудрыя змеи** (вместо **мудрой**), **внял содроганье** (вместо **содроганью**), а также славянское ударение лбзы.

Таким образом, древнеболгарский слой в русском языке живет до сих пор. Его нельзя называть заимствованным, это скорее слияние болгарской струи с потоком русского языка.

6. Наш вклад

Мы, со своей стороны, не остались в долгу перед Востоком и перед Западом.

Множество русских слов издавна вошло и продолжает входить в татарский, узбекский, грузинский и другие языки.

Очень много древних славянских, а тем более новых заимствований из русского языка имеется в финских и балтийских (литовском, латышском), а также во всех других славянских. Много славянских слов заимствовано венгерским, новогреческим и румынским. Знаменательно, что еще на самой заре истории славянства славянский язык уже играл значительную роль.

Готский историк Иордан, описывая на латинском языке погребение знаменитого гуннского хана Аттилы (в 453 году), упоминает о похоронном пиршестве на кургане и сообщает при этом, что называется оно у гуннов **страва**. Но это слово – славянское! Это очень знаменательно. **Страва** – название не какой-нибудь безразличной вещи, как бы полезна она ни была, – как блюдо, меч, лучший вид хлеба или процент с денег, отданных в рост. Похоронный обряд – дело священное, связанное с целым кругом религиозных идей, крепко и издревле коренящихся в быту. Если гунны его заимствовали и использовали даже при погребении своего верховного хана, то это определенно говорит о культурном преобладании славян, входивших в состав дружин Аттилы. Возможно, впрочем, что наблюдатель только пользовался помощью славянина-переводчика.

Это слово **страва** – древнейшее славянское слово, засвидетельствованное исторически. Занесенное гуннским нашествием далеко на Запад, оно известно нам только потому, что ученому готу, случайно оказавшемуся при погребении гуннского хана, вздумалось занести его в свои записи. Но тем более многозначительно свидетельство этого случайного, единичного слова-валуна, оторвавшегося от древней славянской культуры.

Византийский император Константин Багрянородный (в середине X века), говоря о договорах с венграми и печенегам и советуя брать с них при этом клятву «по их обрядам», употребляет славянское слово **закон** без всякого пояснения. Очевидно, это слово было достаточно известно в Византии и употреблялось вообще в смысле **обычай, обряд** варваров. Слово это, конечно, было необходимо грекам в сношениях их с соседними народами и, по-видимому, усвоено было и неславянскими народностями, соседившими с Византией. Случайное упоминание византийским императором нашего слова поэтому тем более важно.

Вероятно, и много других таких славянских, международных слов было в ходу от Альп и до Кавказа. Говоря о венграх, Константин, сообщает, что они управляются «не князьями», а **воводами**, – опять славянское слово!

Древняя армянская хроника, восходящая к VIII веку, употребляет русское слово **сало**, оче-

видно, имея в виду свиное сало. На Кавказе, надо думать, этот продукт в такой форме не производился.

Славянским словом **Угол** назывался официально в Византии район между низовьями Дуная и Днестра, занятый славянами.

Так же случайно дошедший до нашего времени средневековый список половецких слов (всего десятка два) включает между прочим наше слово **изба**. Это случайное свидетельство, но можно думать, что это далеко не единственное слово, заимствованное половцами у нас.

Константин Багрянородный сохранил нам и старое русское слово **полюдь** – объезд князем с дружиной подвластных городов и племен для сбора дани. Это одно из древнейших русских слов, сохранных историей.

Еще ценнее, что Константин перечисляет названия главных днепровских порогов: **Несупи** (Не спи!), **Островень прах** (островной порог), **Неясыть** (ненасытный), **Вулны прах** (волновой порог), **Вьручий** (кипучий – так же названа река **Овручь**), **Напрези** (Напрягись!) – сравните с **Несупи** (Не спи!).

Замечательно, прежде всего, что эти названия, которым не менее тысячи лет, до сих пор довольно понятны русскому человеку – для англичанина и француза было бы почти невозможно понять запись произношения IX–X веков.

Форма **прах**, которую передает здесь Константин (а не русское **порог**), показывает, что осведомитель императора говорил на болгарском языке, хорошо известном в то время в Византии: болгарский царь Петр был женат на византийской царевне.

Ряд немаловажных заимствований из славянского имеется и в германском. Готы заимствовали у нас слово **плясать**. Это не значит, конечно, что они до того не знали пляски. Но они заимствовали от нас какие-то другие, очевидно более развитые формы танца. Позднее «славянский плясун» был нередкой и даже типичной фигурой в Византии и на Западе – очевидно, славяне отличались этим искусством.

Но пляски, конечно, сопровождались и музыкой, и песней. Арабские и византийские писатели говорят о существовании у славян музыкальных инструментов. **Рог, гусли, дуда, свирель, пицаль** (флейта), **скрипка, бубен** – общеславянские слова.

Византийский историк рассказывает, что в 591 году к императору привели трех славян «с берегов Северного моря», не имевших при себе никакого оружия, «потому что не умеют им владеть, так как племя их живет в мире и согласии», но с гусями. Это были, значит, славянские певцы. Оказалось, что они были посланы аварским ханом (вассалами которого были славяне в VI–VIII веках) к императору с подарками и предложением союза против германцев. Этот случай показывает, что славянские певцы пользовались большим уважением даже в аварской орде.

Из более поздних славянских заимствований в германских языках отметим **тулуп** в шведском и ряд слов в старонемецком, прежде всего относящихся к упряжке: **бич, кнут, хомут, седло, стремя**. Славяне, соседившие с кочевниками-коневодами южных степей и Поволжья, естественно, имели более богатый конюший инвентарь.

Возможно даже, что германское **Ross** (конь) означает буквально **российский**; откуда и старо-Французское **росс** (кляча) и далее в испанском **Росинант** (конь Дон-Кихота). Вспомним схожий случай, когда немецкое **мерин** означало буквально **моравский**, – славянская Моравия (на Дунае), отчасти завоеванная венграми-коневодами в конце IX века, переняла от них коневодческую технику.

И в более позднее время немцы заимствовали от славян **дрожки** и **коляску** (это слово перешло и во французский язык).

Отметим еще и названия оружия, заимствованные в германские языки из славянского: **стрела, клинок**. Одно из ранних названий пушки – **гаубица** – заимствовано немцами из чешского; отсюда и французское **обю** (obus) со значением (**артиллерийский**) **снаряд**. Первоначально так называлась метательная машина, бросавшая камни.

Гаубицей называлось орудие, созданное чехами во время национальной войны в XV веке. Предательская казнь (сожжением на костре) чешского реформатора, борца против римской церкви, Яна Гуса (в 1413 году) подняла всю Чехию на восстание против зависимости от германского императора. Во главе его стал замечательный вождь и полководец Ян Жижка, не раз победоносно отражавший наступление германских войск. Он-то и является создателем полевой артиллерии.

Славянского происхождения оказывается и такое важное слово в немецком языке, как **гренце** (Grenze) – это наше **граница**. Славянская граница Германской империи, тянувшаяся от Балтийского моря до Дуная, представляла, очевидно, самый опасный, а потому и крепкий предел немецкой экспансии на восток.

Заимствовали еще немцы от нас слова **бекеша, крупа, сметана, творог** (что характерно для славянского сельского быта), **огурец, хрен, блин, юха** (уха), **вильчура, дудить**, а также **печатъ**, важное слово в административном словаре.

Через славянское же посредство вошли в европейские языки восточные слова **орда, толмач, шелк, бархат, сафьян, юфть, кумыс**, наше знаменитое восклицание **ура**, а также **мамонт, соболь, куница, горностай, сайга, стерлядь, каракуль** и финские **хмель** и **конопля**.

Наконец, много русских слов, характерных для русской природы и русского дореволюционного быта, вошло в европейскую терминологию: **степь, буран, тундра, чернозем, курган, зубр, борзой, хоровод, лубок, икона, клюква, водка, каша, щи, боярин, царь, казак, мужик, поп, кокошник, указ, община, сарафан, самовар, аршин, пуд, рубль, копейка, тройка, гусли, балалайка**; вошло также наше **чай** (который только заваривается, а не кипятится, как на Западе).

В первой половине XX века в языки мира вошли советские слова **большевик, колхоз и совхоз**. Слово **совет** имеет прямое соответствие во всех языках Европы. Но эти европейские советы: городские, областные, государственные – немецкое **рат** (Rat), французское **консей** (conseil), английское **каунсил** (council) – нечто иное, чем советские Советы. Перевод сочетания **Советский Союз** на немецкий посредством **Ратенбунд** или на английский как **Каунсил Юнион** был бы недостаточным и даже невразумительным. В особенности невозможно перевести основную политическую характеристику слова **советский**. Поэтому этот термин был принят, как он есть, во всех его приложениях: сравните, например, английское **Soviet** и **Soviet Union**. Запуск нашего искусственного спутника в 1957 году на орбиту вокруг земного шара стал международным событием, и во все языки мира этот аппарат вошел под своим русским названием **спутник**.

7. Мнимые иностранцы

Любопытно, что не раз случалось так, что наши же слова, перешедшие в Западную Европу, возвращались к нам обратно уже в новом обличье, как иностранные, и мы даже не узнавали уже этих мнимых чужеземцев.

Таким родным нам словом оказывается, например, **грипп**, попросту славянское **хрип**, примкнувшее к французскому **гриппе** (grippe) со значением **вцепляться, терзать**. **Скорбут**, род цинги (сопровождающийся кожными болезненными явлениями), представляет переделку славянского **скробот** (скребление) в смысле зуд. **Китель** – форменная (военная) летняя одежда – происходит, по-видимому, от нашего старого **китайка** – так называли китайскую ткань. **Кварц** – вероятно онемеченная форма славянского **твердь**.

Но самым интересным мнимым иностранцем является славянское слово **пистолет**.

Слово это отчетливо сознается, как иностранное, хотя оно давно вошло и в русскую жизнь, и в русскую литературу, раньше, чем **картофель**, например. И действительно, это слово – французское, и притом уменьшительное от **пистоль**, в этой форме сохранившегося в английском языке как **pistol**. Это старинное слово **пистоль** имело еще и другое значение: серебряная монета. Объясняли это тем, что и монета была мелкая, и оружие было небольшое сравнительно со старинным ружьем, аркебузом. Указывали и на то обстоятельство, что в итальянском языке **пистб-ла** (pistola) означало и **пистолет**, и **пистоль** (золотая монета), и это слово связывали с названием итальянского города Пистойя (Pistoia).

Но все эти объяснения оказались неверными. Изобретателями полевой артиллерии были чехи в начале XV века. Раньше были (и в Европе и у нас на Руси) только тяжелые осадные и крепостные орудия, стрелявшие каменными или чугунными ядрами. Чешское же изобретение состояло в том, что калибр орудия был уменьшен так, что его можно было установить на телеге, а дуло значительно удлинено. Это новое передвижное орудие называлось по-чешски **пищаль**, то есть **труба, дудка**.

Позднее тем же словом стали называть уже ручное огнестрельное оружие, родоначальника аркебуза, мушкета, фузеи и ружья. Оно еще не имело приклада, и стреляли из него, пользуясь

особой подставкой. Изобретателем же собственно пистолета считается оружейный мастер Вителли в городе Пизе (Италия) в середине XVI века.

На Руси пицаль стала известна тогда же, в XV веке, под этим же названием. Но когда это оружие возвратилось к чехам и к нам в своей новой, усовершенствованной форме и под измененным, италянизированным названием **пистоль**, а затем и офранцузенным **пистолет**, его не узнали. И только стараниями лингвистики удалось установить его происхождение.

Глава VI СЛОВА-ВАЛУНЫ И СЛОВА-КУРГАНЫ

1. Петербург – Ленинград

Геология, изучая поверхность земли, устанавливает, что когда-то наши моря имели иные границы и наши материки – иные очертания. Балтийское море было когда-то закрытым морем. Скандинавия соединена была с Данией. Напротив, Каспийское и Черное моря некогда составляли одно целое, занимая и наши южные степи.

Геологи прослеживают границы великого оледенения, покрывшего некогда колоссальными толщами льда половину Средней Европы и России. Следы этого длительного наползания льдов являются валуны – обломки скандинавских и финских скал, сорванные и обкатанные ледниками и разбросанные по нашим полям и лесам. Остатки таянья этих древних льдов представляет полоса озер, которая тянется от Архангельска и Костромы до Рижского залива и далее, южнее прибалтийского побережья.

Подобным образом народы и культуры оставляли на земле – вернее под землей – следы своего пребывания и распространения. Их разыскивает и изучает археология. Тысячи курганов, рассыпанных по всей России, представляют собой драгоценные памятники доисторического прошлого нашей страны. Тут и скифские гробницы нашего Причерноморья, и печенежские и половецкие погребения, и славянские, финские и татарские могилы. Каждая волна оставляла свои курганы и могильники, городища и клады.

Но не только вещественные следы оставляли эти племена. Оказывается, и языки этих древних обитателей оставили по себе живучие следы, которые обнаруживает языковедение; названия рек, озер, гор, поселений изучает топонимика: термин **топонимика** образован от греческого **топос** (место) и **онима** (имя).

Казалось бы, что такое название местности? Не все ли равно, как называется речка или овраг, озеро или деревня и даже город? И почему бы им не меняться всякий раз с переходом к новому хозяину? Но это не так. Такие замены представляют скорее исключения, и почти всегда смена названия имеет историческое основание. Например, **Ленинград** – новое название. Но оно полно большого исторического смысла. На нем лежит печать исторических потрясений и перемен, связанных с именем Ленина, вождя коммунистической революции.

Но и название **Петербург** было памятником его основателю, создателю Российской империи европейского типа. Это было первое иностранное название города в России – первого европейского города в нашей стране. Основать столицу на самом переднем крае государства, на только что присоединенной территории, на пустынном болотистом месте – это было необычайно смелое, едва ли не единственное в истории предприятие!

Но всмотримся далее внимательно в это старое название. **Санкт-Петербург, град святого Петра** – это характерно. Старые русские князья просто называли новые города своим именем – Владимир, Ярославль, Мстиславль, Изяславль, Ярополчь, Святославль. И после Петра цари позволяли называть в честь себя новые города: Елисаветград, Екатеринослав, Екатеринодар, Павловск, Павлоград, Александровск, Александрополь, Николаевск, Новониколаевск, Мариуполь. Но Петр назвал новый город не своим именем, а только именем своего святого, и первый корабль, на котором он впервые плавал (по Белому морю) назывался «Святой Петр». Главный собор в Петербурге был Петропавловский. Это – свидетельство благородной скромности, чрезвычайно редкой в самодержавном русском императоре.

А первоначальное «петровское» название города **Санкт-Питербурх** много говорит о гол-

ландских симпатиях Петра, о том, как ценил он свою «командировку» за границу и свою учебу корабельному делу в Саардаме. Недаром он назвал свою верфь в Петербурге **Новой Голландией**. Ни Франция со всей ее тогдашней роскошью, ни Англия, самая сильная торговая и промышленная страна в Европе, не произвели на него такого глубокого и хорошего впечатления подлинно европейской страны, как честная, трудовая, демократическая (по тому времени) Голландия.

Сокращение **Питер** говорит очень выразительно и красноречиво о популярности этого имени в народных, преимущественно матросских и рабочих кругах – это был свой, рабочий город.

Петербург был основан, как пишет Пушкин:

На берегу пустынных волн
 ...Где прежде финский рыболов,
 Печальный пасынок природы,
 Один у низких берегов
 Бросал в неведомые воды
 Свой ветхий невод...

И «волны финские» сохранили до сих пор старинное свое имя – Нева.

Ладожское озеро первоначально тоже носило это же название – Нево. Но Нева, Невский проспект – это звучит хорошо. И красавица-река, и прекрасная улица стали нашими, родными, русскими, даже сохранив древнее имя.

И в самом деле, мы получили красавицу дикой и голой.

По мшистым, топким берегам
 Чернели избы здесь и там,
 Приют убогого чухонца;
 И лес, неведомый лучам
 В тумане спрятанного солнца,
 Кругом шумел.
 ...Прошло сто лет, и юный град,
 Полнощных стран краса и диво,
 Из тьмы лесов, из топи блат
 Вознесся пышно, горделиво;
 ...В гранит оделася Нева;
 Мосты повисли над водами;
 Темнозелеными садами
 Ее покрылись острова...

Финским было только пустое место, город же был, действительно, «Петра творенье». Воспетые Пушкиным и Блоком, Гоголем и Достоевским, Нева и Невский проспект стали и поныне остаются жемчужинами русской культуры. Здесь создавалась новая наша государственность, новая наша культура: здесь творила большая часть наших писателей, художников, композиторов, ученых. Здесь был штаб демократической мысли и революционного действия. Здесь Ленин организовал советскую власть. Здесь была первая столица Советов.

Теперь, когда мы отсталяли город Петра и Ленина героическими подвигами и героическими жертвами, он стал еще дороже, еще священнее для каждого Русского сердца. Что нам до того, что **Нева** – финское слово! Для нас это не слово, а имя, дорогое, любимое, святое.

Пусть мы даже не знаем, что оно значит. Я не знаю, что значит **Борис**, мое имя. Мы не знаем точно, что значит **Киев, Чернигов, Днепр**. Мы не знаем даже хорошенько, что за имя – **Русь**.

Вот потому-то, что люди ощущают в названии местности, реки, города, племени как бы «собственные имена», они редко испытывают надобность их как-нибудь переименовывать. Потому-то и живучи, вековечны географические названия.

Никому не придет, надо надеяться, в голову переименовать Волгу, Днепр, Оку, Двину. Эти

древнейшие и славнейшие имена исконны, как сами реки.

Города, созданные людьми, иногда переименовываются. Но это обычно связано с большим историческим событием. Древнегреческий город Византия был переименован в Константинополь, когда император Константин сделал его столицей первой христианской империи. В старой Руси его именовали Царьградом. Турки, завоевавшие Константинополь (и весь Балканский полуостров), стали называть его Стамбул. Но любопытно, что это не турецкое название, это просто переименованное выражение **ис-там-поли**, что значит, **в город**. Очевидно, турки после завоевания Малой Азии постоянно слышали это выражение от покоренных ими греков и восприняли **ис-там-поли**, как имя великого города, как человек, живущий, скажем, в окрестностях Москвы, называет ее просто **город**.

2. Слова-валуны

История еще застала славян далеко на запад от позднейших границ – она знает их за Одером, на Эльбе и даже далее. Восточная Пруссия, Померания, Бранденбург были лишь постепенно онемечены. До сих пор на Эльбе, недалеко от Берлина, живут остатки старого славянского племени лужичей, сильно онемеченных. Но если бы даже мы этого не знали – мы могли бы это утверждать по чисто славянским названиям этих областей. **Померания** (немецкое **Поммерн**) – это онемеченное **Поморье**, **Лаузиц** – онемеченное **Лужичи**, а **Бранденбург** восходит к **Браннбор**, что означает **оборонный** лес, то есть лес пограничный, по которому или рядом с которым проходит граница.

Если нанести на карту славянские названия рек и поселений к западу от Вислы, то получим очень точные очертания границ славянского распространения на запад в средние века. Одними историческими данными этого сделать было бы нельзя. И эти топонимические данные совпадают с археологическими. Во время Второй мировой войны наши победоносные войска, наступая на Запад, все время шли по старинным славянским землям вплоть до самого Берлина. Литовское племя пруссов, окончательно онемеченное только в XVIII веке, дало название целой области – **Пруссия**, которое принял князь бранденбургский, когда получил титул короля прусского в 1701 году. И немцы, подданные этого королевства, даже за пределами собственно Пруссии, стали называть себя пруссами (пруссаками) – именем покоренной и онемеченной народности. Обычно происходит обратное – завоеванная страна получает название по имени завоевавшего ее народа.

Древняя Галлия стала государством, созданным франками – германской народностью, и получила название **Франция**. Область задунайских славян, покоренная тюркскими болгарами, получила название **Болгария**. Но в том и в другом случае завоеватели не могли навязать покоренным ни своего языка, ни своей культуры, а, напротив, сами потеряли то и другое, растворившись в основном населении.

Область Франции на побережье Северного моря, завоеванная в IX веке скандинавами – норманнами, сохраняет до сих пор название **Нормандия**, хотя завоеватели быстро офранцузились, а в середине XI века большей частью переселились в Англию, которую завоевали в 1066 году. Англия же, несмотря на это завоевание, сохранила имя **страна англов**: англы были германским племенем, которое вместе с соседями-саксами завладело восточной частью острова – англосаксы после завоевания сохранили свое имя, национальность и язык.

Британия и Шотландия (немецкая форма вместо **Скотландия**) – древние названия по именам первоначальных обитателей – бриттов на юге и скоттов на севере острова, родственных древним галлам по языку и по крови. Выселившись во Францию, часть бриттов дала название французской области Бретани.

Нынешние венгры, (старорусское **угры**) – потомки народности, завоевавшей в X веке славянскую область, которой они дали свое имя. Русский летописец отметил появление угров в степях южнее Киева под 898 годом. Но откуда они пришли? Языковедение показывает, что венгерский язык принадлежит к группе угрских, в частности близок вогульскому. Вогулы же, по-видимому, потомки Югры, или Угры, племени, родственного финнам и обитавшего до XV века к востоку от Камы, но ушедшего за Урал, чтобы избежать принудительного обращения в христианство. Теперь они называют себя **манси**.

Наша летопись знает Югорскую землю на Печоре. Действительно, в этой области находим реку Юг, приток Северной Двины (где о «юге» не может быть речи), город Устюг (Усть-Юг, как

Усть-Сысольск на реке Сысоле), Угроньгу – приток Ваги, Угорму – приток Кубины, в Тотемском районе есть поселения Югорская и Югриня, есть также Югриня в северной части Костромской области и так далее. Вот, следовательно, где была древняя родина венгров, прокатившихся от Урала до Карпат!

Из случайных и косвенных упоминаний в наших летописях можно заключить, что одно время соседом Киевской Руси было литовское племя ятвягов где-то в верховьях Немана. Историческая география позволяет уточнить это неопределенное заключение: она находит в этой области ряд селений, носящих несомненно это племенное название: Ятвезь, Ятвези, Ятвеск, Ятвизь, Ятвески, Ятвице, Ятовце. Все эти поселения расположены в верховьях Немана и Бобра – и больше нигде. История знает ятвягов (с XII века) уже гораздо севернее – они отошли туда очевидно под напором Руси.

Чем не валуны эти старинные имена племени, оставленные им на той или иной стоянке своего исторического пути!

3. Городки и волоки

Наши летописи не дают определенных указаний о границах Киевской Руси. И здесь опять топонимика приходит на помощь истории. Оказывается, что в древней Руси поселение называлось просто **город, городок, городец, горожа**: оно не имело собственного имени, когда служило сторожевым укреплением, было огорожено рвом, валом и частоколом, – таков и был, конечно, первоначальный смысл слова **город** и его производных.

И вот если нанести на карту поселения с такими названиями, а также и поселения с красноречивыми названиями **Стражня, Стража, Стражники, Стражев, Острог, Острожка** и подобные, то оказывается, эти точки не разбросаны как придется. Соединив их чертой, мы получим очень точную линию русских пограничных рубежей – западных и южных. И даже не одну линию, потому что рубежи, естественно, передвигались по мере того, как население переходило их – более или менее мирным путем, заселяя соседние области.

Интересно также отметить на карте и местности, названия которых сохранили имя **волок** или производные от него. Волоком в старину называли место, где приходилось вытаскивать ладьи на берег и волочить их до другой реки, чтобы продолжать путь дальше. Поэтому волоком называли и местность между двумя судоходными реками, водораздел, иногда даже значительной площади. Так, волоком называлась в старину вся область, от которой расходились истоки Волги, Днепра и Западной Двины. Волоком называли и водораздел между северными притоками Волги – Молотой, Шексной, Костромой, Унжей, Камой и реками Метой, Сясью, Тихвинкой и Северодвинским бассейном.

Соответственно заволочьем называлась область истоков реки Великой (на границе Псковской и Витебской областей), а также и область бассейнов Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры. Проследите расположение всех этих Волоков, Волочков, Переволочков, Наволочков, Подволочков, – они оказываются своего рода дорожными столбами, указывающими пути, которыми славяне ходили торговать, а затем и селиться на Волгу, на Черное море, на Северную Двину, на Каму и на Дон.

Великий путь «из варяг в греки», от Балтийского моря до Черного, шел вверх по Неве, через Ладожское озеро, вверх по Волхову, через озеро Ильмень, вверх по Ловати, затем волоком на верховья Западной Двины, по ее притоку Каспле и опять волоком 30 верст до Днепра у Смоленска.

На Волгу ходили от Ильменя рекой Метой и волоком до Тверды, впадающей в Волгу, или от Ладожского озера по реке Сясь, Тихвинке, тут волоком до Чагодоши, и по Мологе, притоку Волги.

На северо-восток или через Ладожское озеро, по Свири, Онежскому озеру, по Водле, затем волоком до Онеги, из Онежского озера переходили по Вытегре на Белое озеро. Отсюда вниз по Шексне тоже можно было попасть на Волгу.

Можно было пройти от Ильменя на Волгу и через реку Полу, а затем волоком на озеро Селигер.

Несколько волоков соединяло и бассейн Днепра с бассейнами Оки и Дона.

Эти «волоковые» названия позволяют восстановить своего рода узловые станции водных

путей, составлявших в древней Руси основную сеть сообщений, так как дремучие леса и недостаток лошадей препятствовали установлению «прямоезжих дорог» и гужевого транспорта.

Топография кладов восточных (арабских) монет VIII–X веков показывает довольно отчетливо пути варяжских и русских купцов-пиратов от Финского залива на Волгу. Своего рода кладами, но не зарытыми в землю, являются для нас и волоковые названия местностей в междуречьях. По их следам можно установить довольно точно и пути распространения русских племен на северо-восток и на восток.

Эта топонимика уже историческая. Но географические названия восходят и к «доисторическим» векам, о которых история сохранила нам только неясные и отрывочные предания.

4. Наши реки

Подобно озерам, оставшимся на границах древнего ледника, имя славян сохранилось как племенное название у ряда славянских народностей, очевидно граничивших с другими, неславянскими: новгородские словене у озера Ильменя, словинцы в Северной Германии, словаки к западу от чехов, словины, или словенцы, на верховьях Савы и Дравы – все это передние края славянского северного и западного фронта, где национальное сознание было, естественно, отчетливее и энергичнее.

Внутри славянских пределов, напротив, естественнее подчеркивалось племенное отличие древлян или вятичей от Руси или кривичей и полочан от новгородцев.

Где находилась исконная русская земля, древнейшая наша родина? История не может ответить на этот вопрос. Но топонимика дает довольно определенные указания.

Топонимика Прикарпатского края, бассейна Днестра и области правых притоков Среднего Днепра сплошь славянская. Левый приток Днепра – Десна явно названа была так населением, пришедшим с юга вверх по течению: **Десна** значит **правая**, сравните с **десница** (правая рука). И Черниговская область, расположенная на этой реке, носила название **Север**, **Северская земля**, очевидно потому, что населена была с юга.

Область левых притоков уже не обнаруживает такой исконности и обилия славянских названий. Можно предполагать, что Днепр был некогда восточным пределом нашей древнейшей родины.

Так же и области нижнего и верхнего Днепра показывают не исконно славянскую топонимику. Притоки его выше Смоленска – Вязьма, Осьма, Вопь, Надва и многие другие – носят финские названия. Верхние притоки Десны – Декелюг, Витма, Больва, Пуичка – тоже не славянские.

Вообще по мере движения из области правых притоков среднего Днепра к Западной Двине, Оке, Волге, Дону все менее славянской становится топонимика. Эти показания хорошо согласуются с археологическими данными и с последующими историческими фактами и отношениями в древней, Киевской Руси.

Если окрасить на карте русские реки соответственно их названиям – русским (славянским), литовским, финским, татарским, то эта раскраска заполнит приблизительные очертания границ первоначального расселения народностей в нашей стране.

Как далеко в древность может уводить нас свидетельство географических названий, показывает следующее интересное наблюдение. История знает литовские племена на юго-восточном побережье Балтийского моря. Язык этих племен сохранил до наших дней очень архаические черты. Это тоже говорит за то, что литовские племена издавна сидели на том же самом месте. Под лежащий камень вода не течет, говорит пословица. И вот, оказывается, можно найти в топонимике балтийского побережья прямое свидетельство этому.

Недалеко от устья Немана в него впадает речка Юра. Название это значит по-литовски **море**. Откуда могло взяться такое название? Оказывается, когда-то – по данным геологии несколько тысяч лет тому назад – Неман протекал несколько южнее, именно по руслу этой речки. И это древнее устье Немана и сохранило за собой название **море** в течение тысячелетий, хотя древнее море уже давным-давно перешло на совсем другое место.

5. Не валуны, а гальки

Некоторые племенные названия имели любопытную судьбу: подхваченные чужой речью,

они покатались из уст в уста, из языка в язык, уже лишившись именного значения, с другим, более общим, переносным смыслом.

Вандалы – германское племя, жестокой бурей прошедшее сквозь Европу от Волыни до Испании и Африки. Разрушение ими замечательных зданий и памятников искусства по взятии Рима в 445 году привело в ужас и негодование всю культурную Европу. С тех пор слово **вандал** стало означать человека, варварски уничтожающего культурные ценности.

Апаши, или апачи, – племя индейцев Северной Америки. Оно было не хуже других индейских племен, о прекрасных качествах которых – мужестве, честности, верности, стойкости, великодушии – рассказывали Фенимор Купер и другие американские романисты. Но эти черты могли сохраниться только на вольном просторе прерий, в независимом и привычном охотничьем быту. Американская колонизация мало-помалу лишила индейцев всего. Гордые сыны девственных степей и лесов частью вымерли, частью превратились в бродячих нищих. Несколько человек этого племени было привезено в качестве курьеза на всемирную выставку 1900 года в Париже. Их эффектная внешность, живописный наряд, мрачная гордость возбуждали любопытство и привлекали к ним женщин и кутил, которые их спаивали и развращали. Несчастные индейцы в этой чуждой и отвратительной для них обстановке совершенно опустились. И долгое время спустя по-французски **апаш** (apache) значило хулиган, почти бандит.

Более безобидное снижение испытало название жителей Швейцарии. Швейцарцы проявили в средние века необычайный патриотизм и воинскую доблесть. Ко всеобщему удивлению их крестьянское ополчение отстояло независимость своей маленькой страны, нанеся несколько поражений блестящим профессиональным войскам и рыцарям германского императора. Вследствие этого швейцарцев очень ценили, как наемных солдат, они служили куда добросовестней и сражались гораздо более стойко, чем крепостные немцы, которых германские герцоги и короли продавали и у которых не было никакой охоты и никаких оснований к храбрости и стойкости.

Наемная швейцарская стража была обычно даже более верной, чем местные войска, далеко не всегда заинтересованные в исходе сражений и войн своих баронов и королей. Как известно, во время французской революции 1789 года при штурме королевского дворца сопротивление оказали почти только одни швейцарцы. Честность и верность, которой славились швейцарцы, побуждали парижан нанимать в привратники преимущественно их, и слово **швейцарец** поэтому получило профессиональное значение во Франции, а отсюда и у нас. Старинное же наше слово, означавшее жителя Швейцарии, было **швейцар** (диалектная немецкая форма), которое и сохранилось до сих пор уже только в этом скромном значении **привратник**.

Интересно и другое направление, которое принимают иногда названия племен. Вторжение венгров из южнорусских степей в начале X века и разгром ими славянского княжества Моравии на Дунае произвели на Европу большое впечатление. Вторжение было неожиданным, разгром – быстрым. Венгры явились вдруг, неизвестно откуда; это был народ чуждого племени (финского), язык их был никому не ведом, сами они были полукочевой народностью, язычниками. Завоевание было жестоким. Молва, конечно, подчеркивала и сгущала эти черты. О венграх говорили с ужасом. Матери пугали детей именем **угры** (старое название венгров) – диких косматых людей, свирепых, как звери. Этот образ таким и вошел в детскую сказку. До сих пор во французском языке **огр** (ogre) означает людоеда!

В лучшую сторону изменилось значение другого названия. Древние славяне некогда соседствовали с племенем спалов. О нем ничего не известно, кроме имени, но имя это – в славянской форме **сполин**, **исполин** – сохранилось до сих пор в значении великана, богатыря. В староболгарской и старорусской литературе этим словом переводится греческое **гигант**.

Возможно, что форма исполин явилась в результате простой описки. В рукописи (летописи) в выражении: «яко же и сполин» буква и была нечетко отделена от **сполин**, и слово было прочтено как **исполин**.

Другого рода судьбу имели этнические и географические названия, перешедшие на продукты или изделия, получившие названия по месту своего происхождения. **Рюмка** значит по-немецки **римский** (бокал), **фильдекос** по-французски – **шотландская нитка**, **апельсин** по-голландски – **китайское яблоко**. Китайкой называли в старину род восточной ткани. **Финик** (плод аравийской пальмы) означает по-гречески **финикийский**, по названию древней страны на побережье Сирии.

Названия **гречиха** и **грецкий орех** пришли к нам из Греции, по-французски же гречиха

называется **саразинка** (sarrasin), что буквально **сарацинка** (арабка). Слово **венгерка** (так называют сорт сливы, танец, куртки со шнурками на груди) – венгерского происхождения. **Испанкой** называли у нас испанскую инфлюэнцу, особый вид гриппа, свирепствовавший в Западной Европе и у нас в 1918–1920 годах и возникший прежде всего в Испании.

Провансаль – соус на прованском масле – называется так по имени **Прованс** (Provence), области Южной Франции; **провансаль** (provençal) по-французски – **прованский**. **Оттоманка** – турецкий диван с подушками, заменяющими спинку, – **оттоманка** значит буквально **османская**, то есть турецкая (от имени Османа, основателя турецкого юсударства). **Финкой** называется нож-кинжал, распространенный в Финляндии.

Еще чаще вещи носят имена городов, откуда они произошли. Часто это бывает с материями, они называются по городу, где их производили или до сих пор производят: Манчестер, Шелтон – города Англии, Бостон – город США, Мадаполам – город в Индии, Муслин – город в Иране, Нанкин – город в Китае, Джерси – один из Нормандских островов в проливе Ла-Манш.

Таковы и названия многих вин. Например, Херес, Мадера, Малага – города Испании, давшие свое имя хересу, мадере и малаге. **Портвейн** по-немецки – **вино Опорто**: Опорто – город в Португалии; **рейнвейн** буквально – **рейнское вино** (при Пушкине говорили **ренское**, отсюда **ренсковый погреб** (винный магазин).

Бордо, Кагор, Аи, Медок – города и местности Франции. Шартрез – название монастыря во Французских Альпах, в котором изготовляли ликер, названный шартрезом. Просто шампанским называется шипучее вино, выделяющееся преимущественно в Шампани (область Франции), как цимлянским называется шипучее вино из станицы Цимлянской на Дону.

Килька – мелкая сельдь, доставлявшаяся в Петербург из немецкого города Киля. Меренги (сорт пирожного) делались первоначально в городе Меринген в Германии. Слово **пломбир** (вид мороженого) происходит из **Пломбьер** – это название города во Франции. Фаянс – сорт белой глины (и посуда из нее) по имени итальянского города Фаэнцы. Майолика – род фаянсовой посуды испано-арабского стиля: **майолика** – итальянская форма испанского **Майорка** – так называются остров и город близ Испании. **Феска** – фетровая шапочка в форме усеченного конуса: слово **феска** – от имени города Фец в Алжире. **Шаль** – по названию города Шалиат в Индии. **Кашемир** – область Индии; кашемиром называется теперь шерстяная ткань. **Топаз** (яхонт) – по названию острова в Красном море. **Балдахин** – искаженное **багдадский**, название идет от города Багдад (в нынешнем Ираке).

Глава VII ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ

1. Соответствия и несоответствия

Завоевание Индии англичанами и французами в XVIII веке доставило огромные богатства этим двум нациям. Но из всех сокровищ, которыми завладели европейцы в Индии, самым драгоценным было не золото и не знаменитый Кохинур – крупнейший в мире бриллиант, который принадлежит в настоящее время английской короне, а индийские «Веды» и иранская «Авеста» – священные гимны, сложенные в Индии и Иране почти четыре тысячи лет назад.

И вот оказалось, что и древнеиндийский язык (санскрит) и древнеиранский (зенд) не только родственны европейским, но и формы их поразительно близки древнегреческим, латинским, старогерманским, старославянским и литовским – гораздо ближе, чем современные индийские и иранские языки.

Сравните, например, нынешние формы некоторых важнейших слов:

Русский	Немецкий	Французский
мать	муттер (Mutter)	мэр (mère)
два	цвай (zwei)	дэ (deux)
четыре	фир (vier)	катр (quatre)
десять	цэн (zehn)	дис (dix)
я	ихь (ich)	жэ (je)
сердце	херц (Herz)	кёр (coeur)

Даже в языках-братьях часто невозможно установить ни одного сходного звука, например, **два** и **я** по-немецки **цвай** (zwei) и **ихь** (ich), по-английски **ту** (two) и **аи** (I); дочь по-французски **фнй** (fille), по-испански **иха** (hija). Но когда ученые сравнили древние формы языков, то картина поистине получилась поразительная (см. стр. 218–219).

Оказалось затем, что сходство не ограничивается только корнями слов, но распространяется и на глагольные и падежные окончания. Замечательно, что совпадают во всех языках этой семьи даже такие особенности, как применение другого корня для косвенных падежей местоимения первого лица, то есть для **я** и **мы**, и для множественного лица глагола **есть**:

Я: мя (меня), мэн, мэм, мам, мик, мэд, мэ

Мы: ны (нас), нах, но, унс, нос

Есть: су(н)ть, сунти, санти, сунт, зинд

Такое широкое и так далеко идущее – до специфических особенностей – сходство слов и форм, конечно, не может быть случайным, решили ученые. Не могло оно получиться в разных языках и само по себе. Притом же языки, в которых обнаруживается это сходство, тянутся сплошной полосой от Индостана и Ирана по всей Европе – и нигде больше. Очевидно, что эти языки были когда-то, в глубочайшей древности, наречиями единого индоевропейского языка, сложившимися в кругу общего исторического быта, как затем славянские языки развились из наречий единого общеславянского, и как русский язык расслаивается на областные говоры.

При этом обнаруживается особенная близость славянских форм к балтийским (литовским и латышским), италийских к кельтским, а в особенности иранских к индийским, так что можно было даже прямо говорить о древнеиранском и древнеиндийском языках, как о наречиях единого индоиранского языка.

Так, постепенно, сравнивая разные языки между собой, ученые пришли к группировке индоевропейских языков. В таблице вымершие языки, сохранившиеся только в текстах и надписях, заключены в скобки.

Эта классификация языков соответствует и географическому распределению их. Идя с северной половины Индийского полуострова на запад, они располагаются широкой полосой, охватывая затем всю Европу, за исключением Финляндии, Карелии и Венгрии, где говорят на родственных угрофинских языках, и Пиренейских гор, где баски сохранили язык, которому до сих пор не находится родственного. Вот эти группы индоевропейских языков.

Славянский	Литовский	Иранский	Индийский
мат(ер)ь	мотэ(р)	мата(р)	мата(р)
брат	бротэлис	бхрата(р)	бхрата(р)
доч(ер)ь	дукте(р)	духита(р)	духита(р)
свекровь	—	хвасуро	шьвашьру(х)
вдова	видева	видава	видхава
два	двн	дува	двау
четыре	кетурн	чатхвара	чатварах
ось	ашис	аша	акша
ног	юнгас	джуг	юга
весь (село)	внеш-	вис	вишь
овыца	авис	авн(х)	авн(х)
волк	вилкас	вэрка	врка(х)
выдра	удра	удра	удра(х)
древ	дерва (смола)	дару	дару
сердце	ширдис	заредазм	хрдая(м)
око	акис	аши	акши
уши	аусис	ауш(н)	ауш(н)
бровь	брувис	брва	бхрува
нос	носис	наха	наса
снег	снигас	снаж-	снес-
тесати	ташити	ташайти	ташти
шить	сьути	сьюта	сьюта (прич.)
аз (я)	аш, эш	азем	ахам
ты	ту	твам	твам

Германский	Греческий	Латинский
модер	матэр	матэр
бродэр	фратор	фратэр
дохтар	тхугатэр	—
свахро	векура	сокрус
видуво	—	видуа
твей	дуо	дуо
фидвор	тэтарэс	кватуор
ахса	аксон	аксис
юк	зугон	югум
вейхс	войкос	внкос
оуви	онс	овнс
вулфс	—	—
отгар	худра	—
теру	дору, друс	—
хэрто	кардиа	корда
ауго(н)	оссэ	окулус
аусинс	овата	аурис
бру	офрус	—
наза	—	насо
снайвс	нифа	никс
дехсен	тектейн	тексерс
сьюян	—	суэре
нк	эго	эго
ду	су, ту	ту

I. **Языки Индии:** хинди и др., потомки древнеиндийского, литературной формой которого был санскрит. К индийским языкам принадлежит и цыганский.

II. **Иранские языки:** афганский, балуджи, курдский, таджикский, персидский (древнеперсидский сохранился в «Авесте») и осетинский (на Северном Кавказе), потомок языка древних скифов.

III. **(Тохарский).**

IV. **(Хеттский,** сохранившийся в текстах 2-го тысячелетия до нашей эры, и родственные ему языки Малой Азии – лидийский и ликийский, а может быть и этрусский – язык древних обитателей средней Италии, поглощенный латинским).

V. **Армянский.**

VI. **Греческий,** известный нам теперь с XV века до нашей эры.

VII. **Албанский.**

VIII. **Славянские;** их восточные ветви – русский, украинский и белорусский; западные ветви – польский, чешский и словацкий; южные – сербский, хорватский, болгарский.

IX. **Балтийские:** литовский, латышский (и прусский, вытесненный немецким).

X. **Германские:** готский), шведский, норвежский, датский, верхненемецкий (язык Центральной и Южной Германии, ставший общенемецким литературным языком), нижненемецкий (Северная Германия), голландский, английский.

XI. **Романские,** развившиеся из латыни: итальянский, французский, провансальский (в

Южной Франции), испанский, португальский, румынский.

XII. Кельтские: (галльский в Северной Италии, Франции, Португалии до их завоевания Римом), ирландский, почти вытесненный английским, как и гаэльский, который сохранился только на Шотландских островах; корнский и уэллский, уцелевшие в юго-западном углу Англии, и родственные им бретонский, перенесенный в Бретань (Северная Франция) переселенцами из Корнуола, вытесненными англо-саксами в VII веке.

В результате колонизации по-английски говорит Северная Америка и Канада (где часть населения продолжает еще говорить по-французски), Австралия, Южная Африка (наряду с голландским); по-французски говорят на острове Мадагаскар и острове Мартиника, отчасти в Северной и Западной Африке; по-испански говорит Мексика и вся Южная Америка, за исключением Бразилии, колонизованной португальцами.

* * *

Конечно, совпадения эти были поразительны. Но еще поразительнее были несовпадения, которые обнаруживались в этих совпадениях.

Славянскому **сто** соответствует литовское **шимтас**, иранское **сатем**, индийское **шятам**, но латинское **кентум**, германское **хунд**, греческое **гекатон**; славянскому **десять** – литовское **дешимтис**, иранское **дашатнс**, индийское **дашя**, но греческое **дека**, латинское **декем**, германское **тэжун**. Всегда славянскому, литовскому, иранскому, индийскому (а также албанскому и армянскому) **с** или **ш** соответствуют в остальных языках **к** или **х** (h).

В других случаях наблюдается чередование **з** (ж) и **к** или **г**, например: славянское **зерно**, литовское **жирнис**, германское **корн**, латинское **гранум**; или **з** (ж) – **х** (h), **г**, например: **зима**, **жнэма** – **хейма**, **гиэмс**, **химас**; **везет**, **вазанги** – **вегит**, **вахати**.

Наряду с этим, славянскому **четыре**, санскритскому **чатвара(х)** соответствует литовское **кетури**, германское **фндвор**, греческое **петтора**, латинское **кватуор**. Очевидно, здесь первый звук видоизменяется иначе, чем в ряду **сто** – **кентум**, и латинское **к** здесь другое – оно сопровождается пригубным звуком **в**, который обнаруживается в латинском **кватуор**, и это объясняет губные **п** и **ф** в греческом и германском на месте начального **к**.

Путем сложных, разнообразных и тонких сопоставлений была выработана система соответствий звуков в индоевропейских языках. Сопоставления играли тут роль, которую в химии исполняют реакции на различные соединения, – они позволяют угадывать первичную природу звуков речи и законы их сочетаний и превращений. Так создана была своего рода «периодическая система элементов» индоевропейских языков, вроде менделеевской, – таблица соответствий, легшая в основу нового сравнительного языковедения. Исходя из этой системы соответствий, удастся конструировать предположительные формы индоевропейских слов, выражая их условными формулами вроде химических, например: для ряда **кентум** – **сто** это ***к'нт-**, для ряда **кватуор** – **четыре** – ***кватур**.

Современная лингвистика теперь устанавливает фонетическое и морфологическое строение – своего рода анатомию и физиологию языков. Как химия строит закономерные ряды кислот и солей, спиртов и углеводов, заранее зная уже по месту, занимаемому ими в этих рядах, какими свойствами должно обладать то или другое вещество, так и лингвистика теперь конструирует ряды падежных и глагольных форм, словообразований и словоизменений индоевропейских (а также и других – кавказских, финских, турецких, семитических, негрских и так далее) языков.

Мы отличаем теперь особенности словопроизводства или спряжений, весь строй любого индоевропейского языка, отличие финских или славянских форм от латинских так же определено, как зоолог отличает скелет млекопитающих от скелета птиц или рыб.

Благодаря этому можно точно относить языки в определенные группы или подгруппы, то есть определять степени их родства.

Лев, тигр, пантера принадлежат к семейству кошачьих. На первый взгляд кажется, что кошке не место среди этих могучих хищников. Но анатомия доказывает, что строение кошки такое же, как и у них, и что эти гордые звери правильно носят фамилию кошачьих. Напротив, кит, хотя и живет в море и назывался в старину «рыба-кит», вовсе не принадлежит к классу рыб, а относится к более высокому классу млекопитающих.

Нечто подобное оказалось и с языками. Афганский, хотя и ближайший сосед индийских

языков, является иранским. Армянский, который раньше считался одним из кавказских языков, оказался по своей основной структуре индоевропейским. Сначала его отнесли тоже к иранской группе, но теперь признано, что он представляет особую ветвь восточных индоевропейских языков.

Даже языки, давно вымершие и оставившие лишь жалкие следы в виде отдельных слов или даже только собственных имен, случайно сохранившихся в письменности соседних народов или в коротких надгробных надписях, могут быть определены, как зоолог умеет определить по одной кости, какому виду животного она принадлежит, даже если это кость ископаемая и порода давно вымершая. Так, удалось установить, что язык скифов, населявших наше Причерноморье две-две с половиной тысячи лет назад, являлся иранским языком. Осетинский язык, который долго считался одним из кавказских, оказался потомком скифского.

Особенно блистательно проявила себя сравнительная грамматика, когда приходилось иметь дело с текстами неизвестного языка, например, при расшифровке древнеперсидской клинописи. Тут дело казалось безнадежным, так как даже значение клинописных знаков было неизвестно.

Острая догадка и логика позволили немецкому филологу Г. Ф. Гротефенду установить, что одна из надписей относилась к первому царю персидской династии Ахеменидов, другая – к его преемнику и сыну. Он угадал и смысл слов, составлявших эти надписи, – правда, они состояли почти целиком из царского титула. Но прочесть он мог – и то приблизительно – только имена этих двух царей, потому что они были известны (в неточной передаче) из греческих источников. По этим именам Гротефенд смог определить – более или менее верно – значение 7–8 знаков, а этого, конечно, было недостаточно, чтобы прочесть другие слова. Это было еще до открытия индоевропейских соответствий. И дело на этом остановилось.

Но с разработкой сравнительной грамматики стало возможно из санскритских и зендских форм заключить, какими должны быть древнеперсидские формы слов этих надписей, тогда удалось установить значение клинописных знаков – и тексты были не только прочтены, но наконец поняты.

В начале XX столетия найдены были в восточном (китайском) Туркестане буддийские тексты VII века нашей эры, написанные алфавитом, близким к индийскому, так что прочесть их удалось тотчас же. Но язык надписей был неизвестен. И не будь сравнительной грамматики, он бы и остался навсегда неизвестным. Теперь же лингвистика могла совершенно точно установить, что это – индоевропейский язык (его называют тохарским), какими-то судьбами – вероятно вследствие гонений со стороны арабов, завоевавших Иран, – попавший так далеко на Восток.

Любопытно, что этот язык относился не к индоиранской группе и даже не к восточной, а к европейской, западной группе. И формы этого новооткрытого языка уложились в клетки, предписанные сравнительной грамматикой, совершенно аккуратно. Это было блестящим подтверждением правильности таблицы соответствий.

Замечательным примером может служить и расшифровка хеттских клинописных надписей, открытых раскопками в Малой Азии. Все говорило за то, что язык этих надписей должен быть семитическим, да и клинопись была определено вавилонская. Поэтому разгадкой этих надписей занимались семитологи, в том числе и чешский семитолог Б. Грозный. Однако ничего не получалось.

Но вот однажды Грозному бросилось в глаза сходство некоторых окончаний с индоевропейскими и даже сходство слова **вадар** с германским **вотар**, славянским **вода**. Мысль, что этот ископаемый малоазиатский язык второго тысячелетия до нашей эры может быть индоевропейским, была для ученого дикой. Но он сумел преодолеть предвзятую установку и подошел к надписям по-новому. И действительно, оказалось, что он прав. И как только была применена сравнительная грамматика, так загадочные тексты были прочтены и поняты. Форма за формой, слово за словом укладывались как раз в те графы, которые предуказаны были таблицами. **Небеса** оказались по-хеттски **небисас**, **месяц** – **менулис** (по-литовски **менулас**), **долг** – **далугаш**. Лингвисты только ахали от восторга.

Система соответствий, присущая и каждой семье языков, и каждому отдельному языку, и эпохам и районам языка, позволяет отличить собственное слово от заимствованного и даже определить, когда и из какого языка или наречия оно было заимствовано.

Возьмем, например, слово **кролик**: оно несомненно взято из польского – русская форма

была бы **королек** (сравните польское **кроль**, русское **король**), южнославянская – **кравлик**. А **кравля** очевидно перешло к нам из чешского.

Причастия на – **щий** и слова с сочетанием **жд** вошли в русский язык из древнеболгарского. например, **горящий** (русские формы **горячий**, **горючий**), **между**, **гражданин**, **сопровожаю** (русские формы **меж**, **горожанин**, **провожаю**).

В славянской речи первоначально не было звука **ф**. Все слова, в которых есть **ф**, заимствованные, преимущественно греческие – **физика**, **фитиль**, **София**, **иероглиф**, **телефон**; латинские – **факт**, **фальшь**, **фамилия**, **финал**; новоевропейские – **фетр**, **фанера**, **фасад** или восточные – **софа**, **сафьян**, **тюфяк**, **сарафан**.

В славянских языках (кроме староболгарского) не было начального **а** (вместо него **я** или **о**), например, **я** вместо **аз**, **ягненок** вместо **агнец**, **обр** вместо **авар**. Поэтому все слова, начинающиеся на **а**, заимствованы: **алый**, **аист**, **алмаз**, **алтын**, **артель**, **аршин**, **атаман**, **азбука**, **арбуз**.

Тюркско-татарские языки склонны к уравниванию гласных. Это тоже может служить приметой заимствования, например: **базар**, **сарай**, **карандаш**, **барабан**, **набат**, **кизил**, **кибитка**, **чугун**, **чубук**, **сундук**.

В старорусском языке (до XII века) заднеязычные **к**, **г**, **х** требовали после себя твердой гласной. Поэтому, когда мы находим в старой письменности такие слова, как **ангел**, **херувим** и т. д., то это объясняется заимствованием из греческого.

Латинское имя **Кайсар**, ставшее титулом главы римской империи, в позднейшее время произносилось последовательно: **кесарь** (в этой форме оно перешло в греческий язык), **цесарь**, **цезарь** (в итальянском уже **чезаре**, во французском **сэзар**). Отсюда легко установить, что славянское **кесарь** заимствовано из греческого, а позднейшая форма **цезарь** восходит непосредственно к латинскому титулу.

Лингвистика разбирается в этих отношениях необычайно тонко, с аптекарской точностью.

Славянское **хлеб** и готское **хлайбс** (того же значения) – одно и то же слово. Нигде больше его нет, как только в этих языках, исторически встретившихся, как известно, в районе Вислы и Днепра. Но славянское **х** никогда не соответствует германскому **х**, и ни в том, ни в другом языке этому слову не находится подходящего корня. Следовательно, надо предполагать общее заимствование из какого-то третьего, может быть кельтского языка.

Какая тонкость анализа!

Так химик заключает из отклонения от обычной реакции о присутствии постороннего вещества. Так французский астроном У. Леверье из отклонения Урана от своей математической орбиты заключил о наличии неизвестной планеты, своим притяжением нарушающей эту орбиту. И Леверье даже вычислил, где должна находиться эта планета, – и тогда ее действительно тотчас же нашли. Это было в 1846 году, и новую планету назвали Нептуном.

Все до сих пор нами рассмотренные примеры относятся к своего рода горизонтальным видам соответствий. Но конструируются также и вертикальные соответствия.

Мы знаем по историческим свидетельствам, что романские языки представляют развитие областных наречий древнеримского (латинского) языка. И вот допустим, что мы находим такое соответствие для существительного **груша** (пэра, пэра, пира, пейра) и наречия **верно** (вэро, вэро, вира, вейр).

Итальянский	пэра	вэро
Испанский	пэра	вэро
Сицилийский	пира	вира
Старофранцузский	пейра	вейр

Следовательно, итальянское **э** равно испанскому **э**, сицилийскому **и**, старофранцузскому **эй**. Но в сардинском языке этому ряду соответствует в первом случае **и**, во втором **э**: **пира** и **вэру**. Почему это различие?

Латинские формы этих слов были **пира** (**и** краткое) и **верум** (**е** долгое). Очевидно, сардинский язык сохранил это различие – Сардиния была захолустным островком, где старина, есте-

ственно, держалась крепче, – а в других языках различие утратилось, и оба первоначальных звука слились либо в и, либо в узком э.

Если бы латинские формы этих слов были нам неизвестны, то все же из различия сардинских форм мы должны были бы заключить, что все эти романские формы восходят к латинским **пира** и **верум**.

Так строятся лингвистические вертикали.

Имеется, например, такое соответствие: русское **голова**, южнославянское **глава**, западнославянское **глова**, литовское **галва**, или: **ворон, вран, врон, варнас**, то есть при лир гласный звук может стоять впереди или сзади, или и там и там, положение его безразлично. Наше **чёрен** в старину писалось **чърнь** и **чрънь**: в южнославянском **Црна Гора** – это **Черногория**. Но известно, что **л** и **р** – полугласные. Можно заключить, что именно потому гласный при них безразличен и даже необязателен – древние формы были, очевидно, **гьлва, чърнь** (где **ь, ъ** означают неопределенный краткий гласный вроде первого гласного в словах **переход, голова**. Так реконструируются первоначальные формы, «праформы».

И вот реконструированное таким образом **кунинг** – древняя форма немецкого **кениг** (король), находит себе совершенно точное и отвечающее строю славянских языков соответствие в нашем **князь**, старинное **къненг**, а древнейшая форма этого слова, которую удастся реконструировать, – **кунингаз**, она обнаруживается как древнее заимствование в финском языке. Это ли не блистательное подтверждение закономерности и точности соответствий!

Когда Менделеев составлял свою «периодическую таблицу», в ней оставалось немало пустых мест. Тем не менее он мог уверенно утверждать, что эти только предуказанные теоретически элементы должны обладать свойствами, соответствующими их местам в таблице, и действительно, когда эти элементы были обнаружены, то предсказания нашего великого химика полностью оправдались. Нечто в этом роде делает и сравнительная грамматика.

Что же собственно означают эти соответствия и несоответствия? Наверное, они означают нечто весьма значительное. Надо думать, что звуки языка изменяются не случайно, а так же закономерно и так же в зависимости от исторических условий, как и грамматика и словарь. Когда-нибудь наука дознается, почему польский язык – единственный из всех славянских – сохранил носовые гласные и почему они имеются также только во французском языке, а в испанском и итальянском их нет. Или почему севернорусское наречие сохранило старое оканье – произношение неударного **о** как **о**, а в среднерусском (московском) оно заменилось аканьем: мы произносим неударное **о** как **а**, например, **голова** звучит как **галава** и даже **гылава**.

Зато некоторые исторические заключения можно сделать.

В первое время, лет сто назад, представляли себе образование индоевропейских языков как последовательное обособление индоевропейских наречий от общего ствола и дальнейшее разветвление их, в свою очередь, на отдельные поднаречия и так далее, в виде «родословного дерева». Но это было, конечно, очень упрощенное представление. Тем более что последовательность этих обособлений была совершенно неясна, да и обособления были далеко не полными.

Известно, что окраины, а тем более области, отделившиеся от материка страны, обычно сохраняют старые черты быта, культуры, в то время как Центральные области переходят к новым. Об этом единодушно свидетельствуют этнография, фольклор, история и археология. И то же явление наблюдается и в языке. Французы в Канаде, немецкие колонисты в Венгрии, испанские евреи в Греции, немецкие у нас – сохраняют черты языка, которые они вынесли из своей родины, так что по таким переселенческим формам можно даже установить, из какого района и когда именно произошло переселение. Пушкин, живший в начале XIX века, писал и говорил по-французски, как француз XVIII века, потому что его учителями были эмигранты эпохи французской революции 1789–1794 годов.

Естественно, что переселенцы, оторванные от основной массы населения, остаются ограниченными в дальнейшем развитии языка, так как лишены того притока живой речи, который открыт со всех сторон массе народа, остающегося на родной земле. Естественно также, что они и ревнивей держатся традиций, вынесенных когда-то с родины.

Этот принцип можно приложить и к индоевропейским языкам.

Если западноевропейские языки сохранили исконные **к, г, х** там, где восточные обратили их в **с, ш**, как немецкое **хундерт** при славянском **съто**, а латинское **кентум** только гораздо позже обратилось в **центу** м, а затем в итальянское **ченто** и французское **сен(т)**, то мы вправе заклю-

читать, что западные языки были окраинными или переселенческими по отношению к восточным. И тут дело, конечно, не в каком-то таинственном влиянии Востока или Запада, так как хеттский язык в Малой Азии и тохарский в китайском Туркестане тоже сохранили эти исконные **г, ж, х**.

И действительно, все говорит за то, что древнейшей областью распространения индоевропейских племен была полоса от Кавказских гор и Дона до Карпат и Балтийского моря. История и археология свидетельствуют определенно, что западные племена – греки, италики, кельты, германцы – являются пришельцами на Балканском и Апеннинском полуостровах и в Центральной и Западной Европе.

Об этом же красноречиво говорят, с другой стороны, резкие нарушения общеиндоевропейской фонетики в этих именно языках вследствие смешения индоевропейских племен с туземным населением, покоренным ими. В греческом обнаруживается множество слов, заимствованных из догреческого языка туземцев. В латинском большие перемены в строении слов вызвало изменение ударения. Фонетика и морфология кельтских языков также сильно были нарушены.

Но больше всего изменений претерпел германский язык. В нем не только не сохранилось исконное индоевропейское ударение, но и вся система звуков речи совершенно исказилась, особенно в Южной Германии, где индоевропейские пришельцы несомненно сильно смешались с коренным доиндоевропейским населением. Поэтому выходцы из Южной Германии, даже долго прожившие в России, вместо **пожалуйста** выговаривают **боша-люста**, а вместо **добрый** говорят **топрый**. Этим объясняется и немецкое **фатер** (Vater) вместо индоевропейского **патер**, и немецкое **пфайфе** (Pfeife) из латинского **пи́па** (дудка, трубка). И как раз эти особенности – неразличение глухих и звонких звуков речи – характеризуют доиндоевропейские языки Южной Европы и Средиземноморья.

Немецкий язык оказывается наиболее искаженным из всех индоевропейских наречий. А немецкие фашисты кричали о чистоте германской расы!

Напротив, славяне со своими исконными соседями – балтийцами к северу и северо-востоку и иранцами на востоке и юге – остались на своей древней родине, родине всего индоевропейского племени.

2. Лингвистическая археология

Слова-соответствия, которые удастся обнаружить в языках индоевропейской семьи, принадлежат очевидно к их общему наследию, к лежащему в их основе общему слою индоевропейской культуры. Попробуем же их собрать, сопоставить друг с другом, связать с историческими и археологическими свидетельствами и получить через них представление о том, какими вещами и понятиями располагали предки европейских народов примерно пять тысяч лет назад, какова была общеиндоевропейская культура доисторического времени.

Таких общеиндоевропейских слов обнаружено немного – всего несколько сотен, прежде всего потому, что обнаружение их дело сложное и тонкое – за тысячелетия, прошедшие с тех пор, формы и значения слов могли измениться так сильно, что распознать в них возможное соответствие не всегда удастся. Но множество слов должно было, конечно, и просто не сохраниться.

Когда я был мальчиком, я учился в гимназии, носил учебники в ранце, был в числе пятерочников, или первых учеников, терпеть не мог фискалов, учил естествоведение, законоведение и закон божий – преподавал этот предмет священник, которого надо было звать «батюшка»; фамилия моя попадала в кондуит, а сам я, бывало, и в карцер. Я ездил на конке и на паровике и мечтал прокатиться на лихаче. Домработница тогда называлась – одной прислугой, кусковой сахар – рафинадом (но я помню еще и сахарные головы в синей обертке), а шпиг звали малороссийским салом. Грипп именовался инфлюэнцей. Такие слова, как ранец, пятерочник, фискал, кондуит, конка, паровик, лихач, инфлюэнца были в ходу всего лишь сорок лет назад – и однако уже мои дети не знали их.

Теперь мы носим брюки, при Пушкине носили панталоны, а еще раньше штаны; **брюки, панталоны, штаны** – все это заимствования, приходившие с новым покроем. В деревнях еще недавно носили портки (порты). Славянское **рало** сменилось русской **сохой**; слово **соха**, в свою очередь, была вытеснена **плугом**; а теперь и **плуг** уступил место заимствованному **трактору**.

И так было всегда, с самой глубокой древности, с самого начала человеческой речи. Изменялись условия жизни или люди попадали в иную обстановку, в новую местность, встречались новые предметы или новые виды известных предметов, старые использовались или воспринимались по-новому, вырабатывались новые вещи или новые формы вещей, создавались новые понятия и отношения – и возникали новые названия. Язык – живое дело, он не может не меняться, как и сама жизнь.

В сущности, даже каждый отдельный человек, поскольку он живет, чувствует и мыслит как-то по-своему, по-своему же и говорит. Это личное маленькое отклонение отдельной капли никак не сказывается и не оставляет следа на движении общего потока языка. Но от поколения к поколению язык уже меняется очень заметно, и наш словарь всякий раз как будто переиздается в новой редакции. Как сказал – уже почти две тысячи лет тому назад – римский поэт Гораций:

Так же, как из-году в год
меняют леса свои листья –
Старые падают, – так и слова
ветшают и гибнут.
Пусть! Но родятся и крепнут,
как дети, на смену другие.

Еще значительнее сдвиги языка от эпохи к эпохе, от области к области, от племени к племени.

Какие же огромные сдвиги должны были совершаться в языке на протяжении нескольких тысячелетий, когда племена расходились между собой и распадались внутри себя, рассеивались по чужим территориям, сливались друг с другом и смешивались с третьими, покоряли других и покорялись сами, нередко отрывались от общей семьи, а то и погибали, иногда без остатка! Не только множество слов должно было выйти из употребления, целые слои их, целые языки исчезали, не оставляя после себя никакого следа.

Кроме двух-трех десятков имен, ничего не осталось от языка скифов – многочисленных племен, населявших южнорусские степи в течение многих веков и создавших значительные государства и довольно высокую культуру, судя по замечательным вещам, найденным в гробницах.

Кроме имен и десятка кратких надгробных надписей, ничего не осталось и от языка многолюдных кельтских племен, занимавших почти всю Францию, Западную Испанию и Северную Италию и проникших даже в Малую Азию, где они основали собственное государство.

Ничего не сохранилось и от языка македонян, хотя это сильное государство подчинило себе культурнейшую Элладу, а затем и обширнейший и богатейший Ближний Восток, вплоть до Индии. Слава Александра Великого жива до сих пор, а язык его исчез бесследно. А ведь и скифы, и галлы, и македоняне существовали уже в полном свете истории.

Так неудивительно, что от доисторического индоевропейского языка удастся – путем сложнейших и тончайших лингвистических раскопок – извлечь всего несколько сотен слов. Напротив, удивительно то, что это удастся, и почти бесспорно. Тем драгоценнее, конечно, эти лингвистические находки. Случается, что на изломе ископаемой породы или внутри ее можно различить отпечаток каких-то костей, или крыльев насекомого, или жилки листьев растений давней геологической эры. Так и на этих древних словах лингвист умеет увидеть образ, некогда отпечатанный вещью или понятием доисторической культуры. И замечательно, что многие из этих древнейших слов все еще существуют в наших языках, живут в современной речи.

По ископаемой фауне и флоре можно установить, каков был климат в данном районе в ту или другую геологическую эпоху. И по этим живучим, тысячелетним словам можно получить некоторое представление о том, какая природа окружала индоевропейцев.

Общими во всех индоевропейских языках оказываются наши **береза, волк, выдра, бобр, рысь, утка, мыш, уж**, вероятно **лосось**, а также названия ивы. Это – природа умеренного климата. Названия льва, тигра, верблюда, обезьяны, слона, пальмы, кипариса и других животных и деревьев жаркого пояса – все позднейшие и заимствованы из неиндоевропейских языков. Следовательно, этот общий словарь никак не мог сложиться в Индии, как думали сначала, когда всех впечатлило открытие санскрита и зенда. Не может нашей древнейшей родиной быть и

Средняя Азия. Общеиндоевропейским словом является и **мед** (медовый напиток), между тем пчела (дикая) не водится в Средней Азии, а также и к востоку от Урала.

С другой стороны, отсутствие общих названий для хвойных деревьев и даже для большинства деревьев средней полосы России и Европы, а также и для фауны этих широт, не позволяет предполагать там родину наших языков. В частности, против этого говорит и отсутствие общего названия пчелы. Вообще малочисленность общих слов этого рода заставляет думать, что искони индоевропейцы жили не в лесистой местности, а скорее в степной. И археологические и исторические данные также ведут к заключению, что исконной областью распространения их языков была широкая полоса от Кубани и Дона до Карпат, а затем до Балтийского моря. Значит, наша страна, русская земля, была исконной родиной не только Руси и даже не только всего славянства, но и всей индоевропейской семьи языков, теперь распространившихся по всему земному шару.

Нужно, однако, оговориться, что может быть я слишком осторожен в выборе общеиндоевропейских слов. Дело в том, что в ряде случаев слово является общим для всех общеиндоевропейских языков, кроме индоиранского. В нем отсутствуют, например, такие важные слова, как **соль** и **море**.

Конечно, возможно, что индоиранцы забыли эти слова на своем долгом пути от Кубани до Ирана и Индии. Но привычка к соли настолько сильна, и соль находится настолько повсеместно, что это было бы маловероятно. Ведь не потеряли же этого слова индоевропейцы, забредшие в китайский Туркестан. С другой стороны, **море** вовсе не искони, может быть, означало огромную массу воды. Многие говорят за то, что первоначальное значение этого слова было – большое пространство стоячей воды, то есть **озеро** или даже **болото**. И, может быть, германцы именно потому и заимствовали свое нынешнее название моря – **зе** из языка догерманского населения Европы, что их собственное индоевропейское слово не соответствовало морю, которое они впервые узнали на севере Европы. И в литовском языке древнее слово **марес** означает только **озеро, болото, устье реки**, а море (Балтийское) называется новым словом **юра**.

Затем, нередко слово-то является общим, но значения его в отдельных языках разные. Так, в балтийских, греческом, германском и даже иранском имеется общее название ивы, так что его можно считать общеиндоевропейским, но в латинском оно обозначает виноградную лозу, а в литовском даже ветку, в ирландском веревку. Это слово – славянское **ветвь**, происходящее от корня **вить**, так что первоначально должно было значить **прут, гибкое дерево** вообще, а затем уже специально **ива**. Если признавать это последнее значение уже индоевропейским, то надо допустить, что в латинском оно было перенесено на виноградную лозу, а в славянском, литовском и ирландском получило новое, более общее значение **ветка**. С другой стороны, слово **ива** охватывает неполный круг языков Северной Европы, и значения его в них различны. В германском и кельтском так называется тис – тоже гибкое дерево, отсюда и вторичное значение **лук** (из тисового прута), а в литовском оно обозначает крушину. Поэтому возможно, что **ива** – слово, заимствованное из какого-то туземного, доиндоевропейского языка.

Дело в том, что тис, оказывается, растет только к западу от линии остров Эзель – Гродно – Кишинев – устье Дуная. Значит, кельты и германцы ознакомились с новым деревом тогда, когда перешли границу, распространяясь на Запад. Естественно, что они и заимствовали для него туземное название. Славяне же знали его преимущественно как строевой материал и так его и прозвали: **тис** – возможно, просто другая форма слова **тёс**. Так и общегерманское название дуба стало обозначать в Исландии (где дуб не растет) только строительное дерево вообще.

Даже такое ценное дерево, как дуб, играющее большую роль в мифологии индоевропейских народов и пользовавшееся религиозным почитанием, называется почти в каждом языке по-разному. Любопытно, что в ирландском и в греческом его названия – того же корня, что наше **дерево**, а литовское **дерва** означает хвойное дерево, а затем даже смолу. Наше **дерево** представляет, следовательно, уже обобщение.

Подобным же образом **гусь** и **утка** – общеиндоевропейские слова, но в санскрите первое означает лебедя, а второе – какую-то другую водяную птицу. Наше народное выражение **гуси-лебеди** сохраняет еще первоначальное объединение этих сходных видов, которых в древности очевидно еще не различали.

Выдры в Греции не водятся, и слово **выдра** обратилась даже в название сказочного чудовища, многоголовой гидры. С другой стороны, слово **орел**, сохранившее это значение в русском

и в других языках, даже в хеттском, в древнегреческом значило **птица** вообще, как латинское уменьшительное другого слова, означавшего **птица**, стало во французском названием гуся.

Подобным образом **лосось**, единственное название определенной рыбы в нескольких европейских языках, – в одном из них, тохарском, затерявшемся в китайском Туркестане, означает **рыба** вообще.

Очень любопытно отсутствие в славянском и германском обществе индоевропейского названия медведя. Медведь – главный зверь в средних широтах, хозяин леса и природы вообще. С ним связано много суеверных представлений. Вообще нередко на произнесение названия того или иного животного налагается запрет из суеверных соображений. Лося зовут **сохатый** (рогатый), волка – **серый**. Такими прозвищами является и германское **бэр** (бурый) и наше **медведь** (медоед), заменившее древнее общеиндоевропейское название этого зверя.

В отличие от скудной общей номенклатуры фауны и флоры, уже общеиндоевропейскими являются названия всего нашего домашнего скота: **кобыла, бык, пес, овца, ягненок, свинья**. Однако **молоко** и **сыр** (творог) являются не общими словами, их нет в индоиранских языках, – может быть, тут сказывается разница между кобыльим и коровьим молоком. Вероятно, с этим связано и то любопытное обстоятельство, что в славянском было общеевропейское слово для доения: мльжу (дою), родственное нашему **молоко**, но наряду с этим и другое – **доить**, общее только с иранским.

Имеется и целых три общих слова, обозначающих масло или мазь: **жир, масло, сливки**. Молочное хозяйство тоже характерно для умеренной зоны. Древние греки и римляне пренебрегали коровьим маслом и называли скифов и другие племена Северного Черноморья «млекопитающи-мися». О древних германцах тоже сообщается, как своеобразная черта, что они питаются главным образом молоком, сыром и мясом (а не растительной и мучной пищей).

Мясо и **юха** (мясная похлебка) – общеиндоевропейские слова. Умели индоевропейцы и обрабатывать шерсть и кожу; **волна** (шерсть) и **руно** (овчина) – общеиндоевропейские слова.

Индоевропейцы уже имели общее слово, наше **ячмень**, обозначавшее этот злак или пшеницу. Было общее название для примитивного толчения или растирания зерна – наше **пихать** – отсюда наши существительные **пшено** и **пшеница** (первоначально **толченное зерно**) и **пест**, санскритское название муки, латинские слова для ступки и мельника. Было общее название и для примитивной мельницы, то ли ступы, то ли терки, – наше **жернов**, и для отходов – соломы и мякины – славянское **плева**, наше **полова**. Но в индоиранском (а частью в армянском и греческом) нет всего ряда слов, который говорит о настоящем земледелии и который имеется во всех европейских наших языках: у нас **орать** (пахать) и **рало, семя** и **сеять, зерно, молоть**.

Значит ли это, что индоиранцы разучились пахать, сеять и молоть во время своего перехода в Иран и Индию? Ни армяне, ни хетты не утратили этих основных слов, а их ведь странствования были не короче. Вероятнее, что индоиранцы и вынесли с собой из своей южнорусской родины не более, чем начатки земледелия. Об этом красноречиво говорит и единственное общеиндоевропейское название злака, которое в них обнаружено, наше **ячмень**.

Тот же начальный уровень общеиндоевропейского земледелия сказывается и в различном значении слова, которое в индоиранском значит еще только **выгон**, а в европейских языках (кроме славянского, в котором не имеется) уже означает **пашня**. Очень вероятно поэтому, что общеиндоевропейский быт был еще преимущественно скотоводческим – как это и естественно для степной полосы; примитивными средствами обработки земли на этом уровне было совершенно не по силам возделывать степную черноземную целину – запашка наших степей началась очень поздно. Это объяснило бы и отсутствие слова **соль** в общеиндоевропейском словаре: как известно, потребность в соли возникает впервые с переходом на растительную и мучную пищу, то есть с развитием земледелия; скотоводческий быт с его молочной и мясной пищей не нуждается в этой приправе.

Общеиндоевропейским словом является и глагол **печь** – древнейший способ приготовления пищи, еще не требующий посуды; **варить, жарить** передается уже разными словами.

Впрочем, глиняную посуду уже умели лепить, конечно от руки, без помощи гончарного круга, судя по археологическим находкам. Любопытно, что наше **горшок** представляет уменьшительную форму от **горн** (как **корешок** от **корень**): горн – это печь, вылепленная из глины.

Индоевропейцы уже умели тесать дерево.

Впрочем, и здесь лингвистический анализ позволяет проследить развитие понятий. В ин-

доиранских языках слова, родственные глаголу **тесать**, имеют значение **строить, плотник**, но и более общее **изготавливать** (преимущественно топором), как и греческое **тектон** (плотник, строитель) – отсюда **тектоника, архитектура**. Но в иранском языке слово того же корня означает **чашка**. Допустим, что чашка могла быть деревянная. Но того же корня латинские слова имели значение определенно глиняной посуды и, с другой стороны, совсем другой смысл – **ткать**. Таким образом, первоначально **тесать** означало вообще изготавливать, выделывать, потом, еще в индоевропейском, получило преимущественно значение **работать топором**; отсюда славянское **тесло** (топор), как и соответствующие немецкая и ирландская формы.

Подобным образом один и тот же корень может в одном языке развить значение **лепить, форма, гончар**, в другом – **насыпать, стена**, в третьем – **куча**, в четвертом – **месить и тесто**.

Умели на этой стадии культуры и шить, и вить, и плести, и ткать, и прясть (термин **сновать** – общеиндоевропейский). Любопытно, что **руда** – тоже индоевропейское слово, но какую степень металлургии оно отражает – неясно. Названия металлов уже различны, даже древнейшие **медь и бронза**. Общеиндоевропейских названий оружия также не обнаруживается.

Славянскому **камень** соответствует в германском **хаммер**, означающее уже **молот**, а в греческом – **акмон** (наковальня). Наоборот, славянскому **нож** родственно в литовском слово, означающее **кремень**. Из этого можно заключить, что ножи первоначально были кремневые.

Примечательно, что существовали уже слова **нагой** и **босой**, следовательно, одежда и обувь были обычны. Но общеиндоевропейскими являются только **обувь** и **пояс** – значит, умели уже плести лапти из лыка или ремней или сшивать сандалии, а овчины подпоясывали.

Общеиндоевропейскими словами оказываются **воз, везти, ехать, ось, иго** (ярмо), вероятно также и название ладьи. Значит, и передвижения были значительными.

Конечно, это должно было быть так уже и в скотоводческом быту.

Наличие ладьи и понятия моря говорит, пожалуй, и о торговле. И действительно, обнаружено общее слово – старославянское **кръну** (куплю). Оно означало, конечно, просто меновой торг.

Замечательно, что общим словом является и наше **писать**. Конечно, оно обозначало еще только – наносить знака и узоры краской (того же корня **пестр**), но таково было начало письма вообще. Любопытен и тот факт, что **месяц** (общее слово) того же корня, что и **мерить**, и, следовательно, уже служил для счета времени. Может быть даже существовало уже деление месяца на четыре семидневных периода.

Римский историк Тацит говорит, что собрания древних германцев совершались в полнолуние или новолуние потому, что они считали эти дни наиболее благоприятными для успеха.

Общего названия для **года** еще не было, но были уже общие слова **зима** и **весна**, или **ярь**, и названия лета. Тацит говорит по этому поводу о германцах: «осени с ее дарами (фруктами, овощами, виноградом, маслинами, как в Италии и Греции) они не знают даже по названию».

Еще замечательнее индоевропейская система счета – десятиричная (вавилонская была двенадцатеричной, счет велся дюжинами и дюжинами дюжин) – общие уже названия чисел до ста (тысяча называется уже различно).

Старинные европейские путешественники будто бы обнаружили еще примитивные племена, располагавшие только словами для единицы, двух и трех – дальше шло уже неопределенно: «много». Несомненно, что первоначально считали по пальцам рук – до десяти. Между тем счет, конечно, создан был развитым хозяйством, а еще более торговым обменом. Индоевропейский счет свидетельствует, что такой обмен должен был быть значительным.

Замечательны общие названия для всех категорий родства – наши **мать, брат, сестра, сын, дочь, сноха, свекор, свекровь, деверь** (брат мужа), **золовка, ятровь** (жена деверя), **зять, уй** (дядя), а также **вдова** и названия отца. Это целая система. Система эта **патриархальная** (от латинского **pater**), то есть **отцовская**, с полным господством отца. Поэтому отношения к родным жены и матери не имеют в ней названий. Напротив, наличие в ней деверя и жены деверя говорит за то, что братья жили сообща, даже поженившись и заведя семью. В древнегреческой эпической поэме «Илиада» все пятьдесят сыновей царя Приама с женами и детьми живут совместно.

Характерно и то, что слово **вдовец** отсутствует (оно появляется гораздо позднее, как производное от основного **вдова**) – в древности овдовевший муж брал себе другую жену, и дело с концом; вдова же, если ее не убивали, чтобы похоронить с мужем, во всяком случае не могла вторично выйти замуж и оставалась в полной зависимости от родни мужа, а затем от сына.

Общеиндоевропейское **весь** означало, по-видимому, такую **большую семью**, в индоиранском оно получило близкое значение **род**, в других языках оно перешло к значению **селение** (с принадлежащими землями). Общего слова, означающего нечто большее – род, племя, народ, государство – не было. Не было и слова, которое значило бы нечто большее, чем поселение «большой семьи».

В санскрите, греческом и литовском есть общее слово, которое потом означает **город**, но первоначально оно значило только огороженное, укрепленное место, городище, как наш **город** и родственные латинское и германские слова.

Любопытно, что **весь** как совокупность всех членов большой семьи, стало потом значить **целый** и сделалось прилагательным. Впрочем, такой же переход значения испытало и латинское слово (совсем другое), значившее тоже **весь, целый**. Наше **мир** тоже значит и **вся деревня, все вместе и вселенная**.

В санскрите, латинском и кельтском было общее слово со значением **царь**, то есть глава племени или города, но возможно, что оно получило такой смысл под влиянием соседних, неиндоевропейских народностей.

В восточноевропейских языках высшим лицом «мира» был глава веси – санскритское **виспати**, литовское **вишпатс**, то есть **владыка веси**, в древнегреческом оно имеется в форме **деспотес**, в славянском: **господь, господин, gospodarь**, откуда позднее **государь и сударь**.

Так, в основных чертах рисуется индоевропейский быт по лингвистическим раскопкам. Это быт еще чисто родовой, патриархальный, сельский и мирный. Нет никаких общих слов, выражающих понятия войны, войска, вождя, боя, бранной доблести и славы. Ничто не говорит за то, чтобы уже существовали какие-нибудь общественные разделения, что возникала знать или хотя бы профессиональная дружина. Нет еще никаких следов аристократической, военной, завоевательной или хотя бы имущественной идеологии. Нет также признаков личной собственности и предприимчивости – очевидно мирный сельский родовой строй еще находился в полной силе. Не видно даже сколько-нибудь определенного круга земледельческих понятий. Наконец, нет и общих имен богов, а разве только общее слово для представления о небесном божестве-громовержце, которое затем играет важнейшую роль в религии индоевропейских народов.

Все черты, естественно, укладываются на едином уровне культуры, как мы можем проверить по данным археологии и этнографии, и это единство, конечно, очень укрепляет достоверность такой картины индоевропейской культуры.

3. Славянские раскопки

Общеславянский словарь неизмеримо богаче, чем общеиндоевропейский. Это, конечно, естественно – два-три тысячелетия разделяют эти слои культуры. За это время прошла эпоха бронзы и, в свою очередь, сменилась эпохой железа – перемена огромная! Соответственно развивается и хозяйственный, и общественный быт.

С другой стороны, единство славянского племени продолжалось, в сущности, до полного расцвета истории и – что очень важно – почти до самого создания славянского письма. Поэтому древняя наша письменность еще довольно полно и верно передает состав и формы общеславянских слов – здесь не приходится предполагать и реконструировать сложными и тонкими способами вероятные проформы, как для большинства индоевропейских слов.

Больше того. В индоевропейском слое мы только с некоторой степенью вероятности умеем различить последовательные пласты культуры. В общеславянском языковом наследии лингвистические раскопки позволяют гораздо более уверенно выделить различные наслоения, различить последовательные этапы, наметить определенную историческую перспективу. А это, в свою очередь, открывает просветы в темное прошлое европейских племен. Индоевропейские языки слагались, конечно, не сразу и не целиком. Обследование современных говоров привело к любопытным наблюдениям. Оказывается, что особенности произношения, местные формы и слова распространяются каждое само по себе и собственными путями и охватывают особый район. По аналогии с границами одинаковых температур (изотермами) эти районы называются изоглоссами (глосса по-гречески – **редкое слово**). Например, в Ленинградской области (и в некоторых других городах) произносят **токо, скоко** вместо **только, сколько**. **Конь** преимущественно украинское слово, **лошадь** – преимущественно великорусское (**конь** только в поэзии).

Если нанести на карту распределение основных особенностей речи, то получится сложная, непрерывная и путаная сетка пересекающихся и перекрывающих друг друга участков. Нигде мы не нашли бы четкой и полной границы. Если одни изоглоссы обрываются в данном районе, то другие продолжают дальше, а третьи только что начинаются из соседнего района. Невозможно изолировать даже пучок основных особенностей какой бы то ни было местности, как бы мы ни расширяли границы, как нельзя вынуть кусок дерна, не перерезав перепутавшихся корней. Мы можем пройти всю Россию из конца в конец и нигде не найдем общей границы всех особенностей одного говора.

Но когда области или племена охватываются новым, более широким объединением государственного порядка, то хозяйственно-политический центр как бы стягивает паутину особенностей общим узлом. Говор Киева, а затем Москвы протягивается множеством нитей через все районы и говоры, обращая свои особенности в отличия языка всей страны, который таким образом оказывается уже в резком обособлении от языка соседнего государства.

Так политически объединились по-разному западные и восточные говоры средней России, представлявшие первоначально сплошную цепь постепенных и частичных переходов, и образовали, с одной стороны – белорусский язык, с другой – южновеликорусский, или московско-русский язык.

Нечто подобное должно было происходить и в индоевропейской древности.

Очень характерны в этом отношении наши западные изоглоссы. Таковы наши **вепрь, олень, веверица** (белка), **журавль, дрозд, чиж, пчела, муха, шершень, оса, муравей**, а также **яблоко, ольха, осина, ветла, желудь**.

Смотрите, как обогащается и уточняется наше знание леса! Очевидно, что в это время славяне уже жили в средней полосе России и усердно занимались охотой и добычей меда и воска.

Любопытно новое общеевропейское слово **прася** (отсюда украинское **поросся**, наше **поросенок**), означавшее, по-видимому, домашнюю породу, в отличие от общеиндоевропейского **свинья**.

Определенно повышается и уровень земледелия. Об этом достоверно свидетельствуют общеевропейские изоглоссы: **соль, зерно, сеять и семя, орать** (пахать) и **рало, солома, молоть** и другие. Интересно, что это последнее слово общее у нас с греческим, латинским и хеттским, но отсутствует в германском и кельтском, как и в индоиранском. Эта изоглосса, следовательно, среднеиндоевропейская. Славяне стоят здесь на линии греков и италиков, несомненно стоявших впереди германцев и кельтов в земледельческой культуре.

Отметим еще важное общеевропейское слово **море**. В своем первоначальном значении **стоячая вода** (озеро или болото) оно лучше всего подходит к ландшафту средней полосы Европы, в новом – оно говорит о том, что по крайней мере часть индоевропейцев распространилась до моря, а другая доходила до него по рекам.

Можно различить и более узкие изоглоссы в индоевропейских наречиях.

Наряду со словом, обозначающим патриархальную главу веси, создается новое слово – индийское **раджа**, латинское **реке**, кельтское **рикс**, которое значит уже **правитель**, понятие более отвлеченное и связанное уже не с родовым строем, а с религиозным культом и общественно-правовой организацией (городской и государственной). Это понятие, очевидно, более позднее. В германском нет ни того, ни другого слова.

Как объяснить эту позднюю изоглоссу, охватывающую Индию и запад Европы? Самостоятельным развитием из общей основы? Или тем, что промежуточное звено – в славянском и балтийском – утратилось?

Основа эта означала, вероятно, **править боевой колесницей**. Между тем славяне, балтийцы и германцы были пешими племенами еще на заре истории и жили преимущественно в лесистой местности и притом мирным сельским бытом. Поэтому они не имели надобности в боевой колеснице и у них могло и не появиться даже это исходное слово.

С другой стороны, и культурная обстановка на юге была иная, чем на севере. В Индии, Иране, Греции и Италии индоевропейские племена нашли уже городскую строй, государственную власть и жречество. В Греции они унаследовали от туземного населения и название царя – **туран** (отсюда наше **тиран**). Индийцы, италики и кельты сохранили свое старое слово, означавшее буквально **правитель**. Иранцы заменили его новым – **шах**.

Другим примером различного районирования является наше **город**, означавшее, как и род-

ственные формы в германском и латинском, первоначально огороженное место (литовское **гардас** имеет именно это значение, а также **изгородь**), отсюда ограда, огород (двор, сад). Наше значение населенного места (укрепленного рвом, валом, частоколом) развилось в славянском языке самостоятельно.

С другой стороны, равнозначное слово – в санскрите **пур**, в греческом **полис**, в балтийском **пиле**, – означающее укрепленное убежище на горе, крепость, замок, оказывается родственным славянскому **полнить**, германскому **фуллен**, из чего можно заключить, что первоначально убежище защищалось валом или помещалось на насыпном холме. В этом случае удивительно то, что индогреческая изоглосса захватывает и литовский язык, обходя славянский. Опять вряд ли можно предполагать у нас утрату. Возможно, что поскольку тут понятие городища связано с горой, славянам, жителям равнин, оно осталось чуждым. Впрочем, любопытно, что название нашего старого города **Полное** вполне соответствует ряду **пур – полис – пиле**.

В английском, наряду с **боро**, что значило **поселок** (немецкое **бург**, то же слово, означает укрепленный центр города на горе, замок), имеется и кельтское **таун** (наше **тын**) – это **город**, первоначально **городище**.

Можно различить и более узкие изоглоссы в европейских наречиях. Для нас особенно интересны изоглоссы славяно-германские. Например: **чреда** (стадо), **скот**, **рожь**, **воск**, **золото**, **серебро**, **ковать**, может быть, **медь**. Многие из них, вероятно, представляют заимствования из какого-то доиндоевропейского языка Европы, поглощенного европейскими. В особенности это вероятно для названий птиц, рыб и растений, с которыми индоевропейцы впервые встретились в Европе. Таким заимствованием является, по-видимому, например, славяно-германское **ива**, славяно-литовское **железо**.

Славяно-германское **гость** распространяется и на латинский язык, но там оно означает **враг**, – это отражает, очевидно, более раннюю ступень междуплеменных отношений, когда пришельца, иноплеменника, еще встречали с опасением и враждебностью.

Интересны и такие изоглоссы, как славяно-германское **семья** и глагол **владеть** – в германском более определенно **властвовать**, **править**. В обоих случаях славянские значения первоначальнее. **Тысяча** тоже представляет славяно-балто-германское слово.

Замечательны славяно-иранские изоглоссы. Так, например, только в славянском и в иранском извлечение молока выражается словом **доить**. Во всех других индоевропейских языках этому слову соответствует другое, которое, впрочем, имелось и в славянском – **мльжу**, от которого произведено **молозиво** (наше **молоко** – древний вариант этого слова). Почему у нас оказалось тут два слова? Вероятно потому, что славяне имели дело с разным молоком – коровьим и кобыльим. Коневодческое и скотоводческое хозяйство существенно различны, поэтому употреблялись два различных термина. Западные же индоевропейцы были далеки от областей коневодства. Любопытно, что потом язык сэкономил, отбросив по дублету из каждой пары и сохранив только **доить** и **молоко**. В различии этих корней сказывается, следовательно, особое положение славян на грани степей и лесов, на стыке Востока и Запада.

Другим интересным примером является общее только Ирану и славянству название пса, наше **собака** – во всех других индоевропейских языках это животное (вероятно первое прирученное людьми) называется другим словом.

Любопытно при этом, что и в самом иранском ближе к нашему слову имя **Спака** – так называется женщина, вскормившая, по легенде, Кира, основателя Персидского царства. Можно думать, что в первоначальной легенде младенца-героя выкормила чудесным образом собака, как в легенде об основании Рима близнецов – основателей города, Ромула и Рема вскормила чудесная волчица. Потом, чтобы сделать легенду более правдоподобной, собаку заменили женщиной с прозвищем **Собака**.

Наряду с такими славяно-иранскими изоглоссами, можно обнаружить в общеславянском слое еще и несколько заимствований из иранского.

В славянских языках высшее существо именуется **бог**. Во всех других европейских языках это понятие выражается другими словами. Только в древнеиранском имеется родственное **бага**, которое значило собственно **наделяющий благом** (в смысле обилия). В древнеиндийских «Ведах» **Бхага(х)** – имя одного из божеств, буквально **благой** в смысле **щедрый, посылающий изобилие**.

Очевидно понятие об этом божестве связано здесь с представлением о благополучии, до-

статке, материальном процветании. Эта связь сохраняется и в наших **богатый** и **убогий**. Поэтому довольно вероятно предположение, что **бог** вошло в славянские языки из иранского (скифского), – иранские племена скифов и сарматов издавна соседнили со славянами на юге и юго-востоке России.

В пользу этого говорит и то обстоятельство, что имя славянского божества Солнца **Дажь-бог** тождественно по значению иранскому **Бага** (податель благ). Имена славянских божеств **Хоре** и **Сварог** тоже иранские. Иранские племена должны были располагать более развитыми религиозными представлениями под влиянием древних религий Вавилона и Малой Азии.

Замечательно отсутствие в славянском и германском того названия коня, которое является общим для других родственных языков и, следовательно, могло быть индоевропейским (латинское **эквус**, греческое **гиппос**, иранское **ашьва**, кельтское **эпо**). **Лошадь** у нас – слово заимствованное. Но и тут нет ничего удивительного.

Еще и в доисторическое время славяне, как и германцы, были пешим земледельческим народом, жившим в лесистых местностях. Но не это главное. Индоевропейцы не были первоначально коневодческим племенем. Они не были «прирожденными» наездниками, как кочевники азиатских степей. Они не пользовались конем ни для транспорта, ни для земледельческих работ, – для этого применялись быки и волы. Нет, конь у них был когда-то животным особого назначения, и им владел не любой, кто хотел. Коня запрягали в боевую колесницу, на которой сражался витязь.

Древнеиндийские, иранские, греческие и кельтские имена родовой знати часто означали **укротитель коней, ценитель коней, владетель коней** – Филипп, Ипполит, Архипп, Бригадасьва, Ашьвагхоша, Виштасп, Аспарух, Эпоредорикс. Словом, владение конем и выезд на колеснице были преимуществом знати. Даже гораздо позднее, уже в расцвете истории, греческие и римские «всадники» (первоначально граждане, являвшиеся в ополчение с собственным конем) составляли особое привилегированное сословие.

У славян же и германцев знати долго не было, так как дольше держался патриархальный родовой быт. Понятно, что боевых колесниц они не имели, и что собственные имена этого типа у них отсутствовали.

В славянском словаре замечательно интересны не только слова, сохранившиеся с глубокой древности, но и самые утраты слов, унаследованных из индоевропейского языка и общих другим языкам нашей семьи.

Основным индоевропейским словом для обозначения крупного рогатого скота было **гоу** (может быть звукоподражательное). Производные и составные с ним слова показывают, какое большое значение придавалось в древности быку и корове. С ними связан ряд мифов, они участвуют в обрядах, как чтимые жертвенные животные. Убой их сопровождается религиозными действиями. Войны царей, распри героев, враждебность богов мотивируются в сказаниях угоном быков, основы богатства.

В древности скот составлял и богатство и честь. В индийском эпосе **война, поход** передаются буквально выражением **добывание быков**. Древнегреческая девушка, за которую женихи готовы были богато одарить ее родителей, называлась буквально **скотоберущей**, в смысле драгоценной, потому что бык был основной единицей цены, своего рода валютой. В латинском языке от слова, означающего скот, образовалось название денег – **пекус, пекуниа**. Славянскому **скот** соответствует старонемецкое **скац**, современное **шац** (Schatz) – **богатство, сокровище**. Любопытно, что и в древнерусском языке **скотница** значило **сокровищница**.

Сравнение с быком, коровой, телкой в древней поэзии делается не только для мужчины, женщины, девушки, но даже для богов и богинь. Подобными образами, метафорами и эпитетами она прямо насыщена.

Вся эта скотоводческая идеология и поэзия осталась чужда славянству. Очевидно в эпоху племенного быта у славян не было обширных стад, как не было и многочисленных табунов. Славяне имели, конечно, и крупный и мелкий скот. **Говядина** – от старинного **говядо** (стадо, скот) – происходит от общеиндоевропейского слова **гоу**. Но это слово осталось одиноким, без развития, не имело очевидно того веса, который так заметен в древних языках. Оно и сохранилось только в производном названии **мясо**. Само же оно вытеснено уже чисто славянскими **бык, корова**.

Характерны и эти новые названия. От **бык** – произведено **бычить, быкать** (мычать, гу-

деть) – родственное слово в латинском означало трубу. **Корова** буквально значило **рогатая**. Это, следовательно, прозвища домашние, деревенские, совсем другого характера, другой среды, чем насыщенные религиозно-мифологическим и общественным значением, созданные богачами и знатью, торжественные древние слова индусов или греков.

Показательны подобные новые, названия в славянском и для частей тела. **Голова** означало, по-видимому, собственно **верхушка, конец; рука** – просто **собиралка** (по-литовски **ранка, от ренку**, что значит **собираю**); **нога** (вместо индоевропейского **пядь** со значением **стопа**), родственное нашему **ноготь** и литовскому **нагас** (копыто), тоже служило как бы шутливым прозвищем, сравните народное **рыло** (свиньи) от глагола **рыть**.

Подобным образом создавались и в русском **рот** и **глаз**, наряду с индоевропейскими **уста** и **око**, оставшимися в поэтическом языке. Нашему **глаз** соответствует **глас**, слово, которое в германском означало **прозрачный камень**, в эстонском – **янтарь** (как сообщает римский историк Тацит).

Эти новые слова-описания, слова-образы характерны для народного языка, который продолжает это творчество и в новое время.

Несколько неожиданная на первый взгляд замена в славянском произошла с индоевропейским словом, которое означало главу семьи и дома – санскритское **питар**, иранское **пэтар**, греческое и латинское **патэр**, германское **фатэр**. Вместо этого древнего, исконного и, казалось бы, незыблемого слова в славянском оказывается новое: **отец** – совсем другого порядка и значения.

Санскритское **питарах** означало не только **отцы**, но и **предки, души предков**, культ которых имел центральное значение в родовом быте и, по мнению этнографа Э. Тайлора и многих других ученых, явился вообще корнем религии. Латинское **патрэс** имело то же значение, но этим же словом в Риме именовались и члены верховного правительственного собрания, Сената (то есть **старшины**). В имени верховного римского божества **Юпитер** также заключается это слово. Вообще оно глубоко связано со всем «отцовским» строем индоевропейского племени в общественно-правовом и религиозном отношении. Это слово значительное, большое, священное.

Славянское **отец** – совсем не то. Оно тоже слово древнее, общеиндоевропейское. Но это слово простое, домашнего обихода, возникшее из детской речи. Родственное древнегреческое **атта** служило обращением к людям старшим, почтенным, но стоящим ниже. Так, в «Илиаде» обращается Ахилл к престарелому своему воспитателю, а в «Одиссее» Телемах к почтенному свинопасу; у нас в таком значении употреблялось **батя**.

Значит, исконное древнее слово, значительное, торжественное, почти что титул, вытеснено было у славян фамильярным обращением **отыць**, которое и стало названием главы семьи и дома. Так и мы можем применить обращение **папа**, но только говоря о собственном отце или же с детьми: «Твой папа».

Но **отец** – ласкательная форма к **ото!** Значит, и **ото** стало холодным, невыразительным и, в свою очередь, сменилось ласковым, детским обращением. Потом и **отец** потеряло свою теплоту и перестало ощущаться как ласкательная форма. И наряду с древним детским **тятя, тато**, для обращения к отцу стало употребляться другое слово – **батя, батюшка**.

Любопытно, что что последнее слово представляет, по-видимому, ласкательную форму к слову **брат** и было первоначально обращением к старшему брату. Вероятно, это стоит в связи с крепкой организацией большой семьи, подчиненной хозяйской власти старшего брата. Впоследствии это обращение перенесено было на отца и на почтенных людей вообще, специально на священника, подобно тому как и теперь в народе обращаются к духовным лицам – **отец Сергей, отец дьякон** и к пожилым людям вообще.

В украинском слово **батько** тоже заменило **отца**.

Этот трижды повторявшийся процесс замены названия главы семьи новым красноречиво показывает, насколько проще и сердечнее были славянские семейные отношения. Очевидно и самый быт славян был мягче, чем германский и римский, в котором отец имел право выбросить младенца или продать детей, а сыновья должны были даже взрослыми держать себя перед отцом, как перед суровым начальником.

Слово, конечно, красноречивое. Но в славянских языках очень много таких случаев, когда слово важное и значительное имеет только уменьшительную (ласкательную) форму, которая вытеснила основную.

Этот процесс происходит в русском языке и в последствии. Когда слово **порох** стало означать специально взрывчатую смесь, то первоначальное значение сохранилось в уменьшительной форме **порошок**. Подобным образом и **карточка** не значит **маленькая карта**; книжка не есть маленькая книга, блузка – не маленькая блуза. Такие слова как **палка**, **пешка** и **кольцо** сохранились только в уменьшительной форме. **Иголка** и **нитка** вытесняют форму **игла** и **нить**.

Но в славянских языках это явление более значительного порядка. Древним уменьшительным и ласкательным суффиксом был – ыц(е), – иц(а). И вот какой круг вещей охватывает эта категория уменьшительных: **отец**, **солнце**, **сердце**, **месяц**, **овца**, **телец**, **агнец**, **жеребец**, **скворец**, **яйцо**, **конец**, **венец**, **птица**, **пшеница**, **десница** и **шуйца** (правая и левая рука), **палец** и **палица**, **зеница**, **ресница**, **девица**, **молодец** и **молодица**, **удалец**, **красавец**, **красавица** и так далее!

Эта ласковость в названиях животных, явлений природы, частей тела характерна для народной речи, для земледельческого, крестьянского отношения к природе. И позднее мы встречаем множество таких ласковых уменьшительных названий – **телка**, **теленок**, **телушка**, **сивка**, **бурка**, **буренушка**, **лягушка**, **пташка**, **цветок**, **росток**, **сурок**, **чирок**, **лепесток**.

«Землицы мало», говорили наши крестьяне, «дождичка бы», «водицы испить», «ноженьки болят», «миленький», «родненький». Народная поэзия полна таких выражений, как «младешенька», «малешенько», «реченька», «лучинушка», «бере-зынька», «солнышко» и другие.

Характерно, что киевский князь Владимир называется в наших былинах «Красное Солнышко». Какая разница с французским высокопарным и льстивым прозвищем Людовика XIV – «Король-солнце»!

В этой склонности к ласкательным выражениям, может быть, сказывается и значительное участие славянской и русской женщины, что опять показательно для домашнего, простого, деревенского быта, в котором еще нет господствующей до деспотизма отцовской и мужской власти, суровой обособленности военных дружин и замкнутости женского терема. Женское слово и женская поэзия играли, конечно, в этой среде значительную роль.

Любопытно, что народный латинский язык характеризуется тоже обилием уменьшительных форм, вытеснивших основные. Но в романских языках, развившихся на его основе, уже совершенно потерялись эти уменьшительные значения. Французские слова, означающие солнце, птицу, ручей и т. п., в народной латыни имели значение **солнышко**, **птичка**, **ручеек** и так далее.

Славянский словарь вообще носит на себе яркий отпечаток народного творчества, крестьянского духа. Лингвистика отмечает в славянских языках спокойную, ровную, хотя и разнообразную эволюцию, без резких сдвигов и переломов, без больших утрат и массовых искажений и заимствований, какие наблюдаются почти во всех других языках, которые были перенесены более предприимчивыми племенами в чужие страны, как греческий, латинский, кельтский, германский.

Славяне долго сохраняли свое исконное местожительство, они распространялись, но не отрывались от родины и основной массы населения. Можно сказать даже, что они вместе с древними литовцами и составляли эту исконную основную массу индоевропейского племени. Поэтому они, как и литовцы, сохранили исконное богатство языка. Они сохранили, оказывается, даже исконную интонацию речи – подвижное ударение и напевность.

Но поэтому же они вовсе не держались древних слов и форм так ревниво и свято, как другие племена, племена-завоеватели, и ввели немало преобразований в строй и формы речи и очень обогатили свой словарь.

Глава VIII ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЧИ

1. Самое первое слово

Уже в глубокой древности люди задавались вопросом: как создался язык? В «Книге Бытия», священной книге древних евреев, составленной около трех тысяч лет назад, говорится, что Бог назвал светлое время днем, а темное – ночью. И назвал Бог голубой свод над нами небом,

сушу – землей, а множество воды – морем. А затем привел к первому человеку, Адаму, всех зверей полевых и всех тварей лесных и всех птиц небесных, и Адам дал им имена.

«И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым (Быт. 2:20)».

«Веды», еще более древняя священная книга индусов, сохранила нам гимн богине по имени **Вач**: слово **вач** того же корня, что наше старое и областное **вякать** в значении **говорить**. Эта богиня создала язык и рождает в людях способность говорить.

А Евангелие от Иоанна даже начинается с того, что «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Иоан. 1:1)». Так удивительно было людям явление речи и языка. Видимо не зная, как объяснить происхождение и природу языка, они приписывали его изобретение богу или первому человеку.

Таким же образом и происхождение земледелия, и приручение животных, и добывание огня, и изобретение музыки, и происхождение письма, и ряда других явлений культуры приписывались в древности богам. Древние египтяне считали таким учителем и благодетелем человечества своего бога Тота, древние греки – мифического Кадма или титана Прометея.

Но языков было много. И богов тоже. У каждого народа был свой язык и свой бог. Да и вообще язык не изобретение, его нельзя придумать раз навсегда. Это стало ясно уже древним египтянам, и древним индусам, и древним грекам. Думали, напротив, что способность речи заложена в самой природе человека, врождена ему, как потребность есть или ходить.

Есть легенда, что египетский фараон Псамметих (VII век до нашей эры) захотел однажды узнать, какой язык был первоначальным – египетский ли, греческий или еще какой-нибудь. И вот он велел вырастить двух младенцев так, чтобы они не слышали человеческой речи, и посмотреть, на каком языке они заговорят. Детей поручили воспитывать немому пастуху. Прошел год или два. И вот однажды, когда пастух, по обыкновению, пригнав своих коз, принес детям молока и хлеба, они протянули к нему ручонки и произнесли будто бы слово **бе-кос**. Об этом доложили царю. Царь велел узнать, в каком языке существует такое слово? Оказалось, было такое в фригийском языке, и значило оно **хлеб**. И решили, что фригийцы, народность Малой Азии, самый древний народ и фригийский язык самый исконный.

На самом деле было, конечно, не то. Просто дети, не слышавшие никогда ничего, кроме бляенья коз, когда пастух пригонял их домой, естественно связывали этот звук **бе, бе**, с молоком, которое они вскоре после этого получали. Это было, следовательно, не фригийское, а просто козье «слово».

Подобный же опыт произведен был, говорят, знаменитым Бабуром, правнуком Тимура, ханом Самаркандским и завоевателем Индии (в начале XVI века). И в этом случае дети, содержащиеся со дня рождения в полнейшей изоляции, оказались тоже неспособными к членораздельной речи.

Известны также случаи, когда ребенок, заблудившись, выросстал один, как всем известный Маугли, маленький индус в повести Р. Киплинга. Так, рассказывают о шотландском мальчике, который вырос совершенно один среди полудиких овец в горах. Это было в середине XVII века. Когда через несколько лет его нашли, он оказался совсем одичавшим. По рассказу очевидца, голландского врача, мальчик не имел речи и даже человеческого голоса, а только блял, как овца. То же рассказывали о мальчике, потерявшемся в лесу в Литве в конце XVI века и выросшем будто бы среди медведей. Когда его нашли, ему было лет двенадцать. Он тоже был совсем дикий и только рычал по-медвежьи. Его удалось, однако, привести в человеческий вид и научить говорить. Теперь мы знаем, что действительно ребенок от природы способен только кричать и лепетать. Дети, которые рождаются глухими, оставались непременно и немыми (теперь их умеют, впрочем, учить произносить слова). Не слыша человеческого голоса, человеческой речи, они не могут научиться говорить. Ребенок способен научиться речи, только подражая старшим. И он усваивает тот язык, на котором говорят с ним окружающие. Какой бы народности ни был младенец – будь то французик, китайчонок, негртеночек или эскимосик, но если он будет расти в русской семье, он станет говорить только по-русски.

Язык, следовательно, есть явление культурное, как письмо, обычай, обряд, государство, право, искусство и вся цивилизация в целом. Как и вся культура, язык создан людьми. Но как? На это нелегко ответить. Хотя люди задумывались над этим в течение трех тысяч лет и уже две тысячи лет тому назад, к началу нашей эры, пришли к правильному ответу, но ответ этот еще до

сих пор далеко не точен.

Римский философ-материалист Лукреций в своей знаменитой поэме «О природе вещей», написанной в середине первого века до нашей эры, очень дельно возражал против мысли, будто язык изобретен был когда-то каким-то гениальным человеком.

Думать, что кто-то когда-то
всему, что мы видим на свете,
Дал имена и составил
словарь и грамматику сразу, –
Это уж слишком нелепо.
Какой бы то ни было гений
Был бы не в силах один
охватить содержание мира.
Не был бы в силах тем боле
других обучить этим знаньям,
Раз остальные тогда
бессловесны были и немы.
Как бы он смог объяснить им,
чему научить их он хочет?
Как бы он дал им понять хоть,
что же такое – названье?
Как он принудить сумел бы
всех повторять те же звуки,
Словно послушных скворцов?
Невозможно того и представить.
Нет, никогда б не позволили люди,
чтоб кто бы то ни был
Смел необычными звуками
вдруг беспокоить их уши!

Совершенно справедливо возражали тогда же и против мнения, будто язык человеческий создан самой природой.

– Природа дает только материал. Нельзя же рассуждать так: дверь деревянная, дерево создается природой, следовательно, дверь создана природой.

Наконец, греческий историк Диодор уже в начале нашей эры в общем верно понимал, как должна была возникнуть человеческая речь.

Первые люди вели звериный, бродячий образ жизни, рыская в поисках скудной и жалкой пищи и находясь под непрерывной угрозой нападения хищных зверей. В одиночку они не могли ни добыть мясной пищи, ни поддержать огонь, ни отбиться от хищников. Голод и страх побудил их к объединению и взаимопомощи, следовательно, к общению и сотрудничеству. Отсюда и возникла речь. Сначала это были бессвязные звуки, но мало-помалу, благодаря постоянному упражнению, они всё более и более приспособлялись к своим нуждам и стали способны выражать свои чувства и мысли в понятных для других словах.

Но как же именно создавалась речь, как образовалось слово? Эта загадка казалась столь же неразрешимой, как знаменитые задачи по изобретению вечного двигателя и по построению квадратной площади, равной площади круга. Более ста лет назад французская Академия наук даже публично объявила, что будет оставлять без рассмотрения все работы, посвященные этим вопросам.

Однако языкознание сделало за это время огромные успехи. Исследованы все европейские языки и большинство внеевропейских, в том числе и самых отсталых народностей, изучено развитие речи детей, аппарат речи и его расстройства. Специально о происхождении языка написана добрая сотня книг, а статей много больше.

Было выдвинуто несколько гипотез о происхождении речи.

Одна предполагала, что первые слова возникали звукоподражательно. Первобытный человек, чтобы сообщить, что видел быка, строил себе рога и подражал мычанью. Действительно, во

всех языках имеется много звукоподражательных слов: **трах, хлоп, шлеп, треск, звон, звук, шум, гул, топот, грохот, хохот, визг, лязг, чихать, кашлять, фыркать, бормотать, рычать, блеять, мычать, чирикать, жужжать, журчать, писк, свист, шелест, гудеть, шуршать** и много других. Как раз наше **бык**, греческое **бус**, древнеиндийское **гаух**, а также немецкое **ку** (Kuh) и английское **кау** (cow), которые означают **корова**, восходят, вероятно, к мычанию. **Ку-кушка, кряква, сорока, перепел**, по-видимому, названия звукоподражательные.

С другой стороны, с маленькими детьми разговаривают именно на таком языке: **собака** – гав-гав, **ходить** – топ-топ, **часы** – тик-так. Эту теорию называли «теорией гав-гав». Она верна лишь отчасти и совершенно недостаточна для объяснения происхождения языка в целом.

Правда, мы, наверное, уже не угадываем звукоподражания во многих случаях, так как слова могли сильно измениться в своем значении и произношении. Когда-то звукоподражательными были, конечно, такие слова, как **бубен, дуда, свирель, гудок, гусли**. Но даже **цыпленок** и **хворост** (сравните **хрустеть**), и **хрящ, хлестать, хрупкий**, и даже **хлопоты, капать, глагол** (из **гол гол**), можно думать, произошли от звукоподражания.

Звукоподражание притом было не механическим. Наше **ржать** далеко не воспроизводит – на наше ухо, конечно! – того своеобразного звука, который издает конь. И названия этого животного – **конь, лошадь**, латинское **кабаллус**, древние формы **эквус, гиппос, ашьва, эпо, аппа** тоже очень далеки от «ржанья». Германское **вихон** и латинское **хиннире** (ржать) звучат опять совсем иначе.

Поэтому невозможно предполагать, что язык мог создаться из одних звукоподражаний. Шумы и звуки играли гораздо меньшую роль, чем зрительные впечатления. В речи младенца звукоподражание тоже занимает мало места. Главное же, что множество важнейших фактов и явлений природы, жизненных нужд человека и действий не производит никакого шума, – ни солнце, ни ночь, ни холод и тепло, ни растительная пища, ни голод и жажда, ни части тела, ни цвет, ни направление, ни большинство человеческих действий.

Другие ученые предполагали, что речь возникла из произвольных выкриков, что первобытный человек создавал первые слова, передавая звуками свои ощущения. Мы и теперь говорим: «Ух, как высоко! Фу, какой противный! У, какой злой! Ого, какой храбрый! Брр, какой холод! Тьфу, вот досада! Аи, больно! Уф, наконец-то! О, это вы?!»

В этой теории есть также верные и интересные наблюдения, но ее последователи заходили слишком далеко, стараясь и происхождение речи и чуть ли не все богатство языка свести к этим первичным возгласам. Пытались доказать, что впечатления приятные передаются мягкими звуками, – например: **белый, милый, ласка, любить, ясный, сладкий, солнце, весна, лето**. И, напротив, неприятные впечатления выражаются низким у и грубыми звуками: **ужас, угрюмый, грузный, грустный, трудный, черный, жуткий, страшный, жесткий**. Эта гипотеза получила прозвище «теории тьфу-тьфу». Бесспорно, конечно, что междометие **тьфу** возникло от выплевывания невкусного или неприятного. Несдержанные и невоспитанные люди и теперь еще фактически плюются с досады. Отдуваясь, вздыхая с облегчением, мы и теперь произносим уф. Произвольное дрожание губ могло создать не только междометие **брр**, но и стать основой слов **трясти, трус, дрожать, трепет**, быть в основе латинского **фригор** (холод), немецкого **фрост** (Frost) и его древних форм **фруз, пруз**, славянского **мраз, мороз**.

Другое движение языка и губ, вызванное отвращением, могло привести к словам **мерзкий, мразь** или **дрянь, дрязги**.

В корне **раз-** (разить, поражать, ражий, раз-два!) и **рез-** (резать) можно еще, пожалуй, ощутить напряжение как бы стискиваемых зубов при усилении, ударе. Ф. М. Достоевский чувствовал в слове **ти-лиснуть** (полоснуть ножом) выразительное движение – лингвисты называли это звуковым, или речевым, жестом. Известный знаток сценической речи Волконский учил актера произносить, чтобы выразить угрозу:

– А ты, бяярин, зныешь ли...

Мы знаем, как люди «шипят» злобные слова, «цедят сквозь зубы», слышим, как голос делается хриплым от волнения, чувствуем, как у нас сжимается горло, стискиваются зубы, кривится рот. Первобытный человек был без сомнения гораздо возбужднее.

Название зуб во всех индоевропейских языках имеет зубной звук д – латинское **дент**, греческое **одонт**, санскритское **данта**, литовское **дантис**, ирландское **дет**, германское **тант** перешедшее в немецкое **цан**. И тот же звук составляет основу слова **еда**.

Замечено также, что в ряде славянских слов звук **х** как будто характеризует пренебрежительный смысл – **хилый, хворый, худой, хромой, хиреть, хула, хлипкий**; однако и **хвала, и хороший, и холить, и хотеть** – не имеют такого отрицательного значения.

Как видим, это путь еще более гадательный, так как в огромном большинстве случаев невозможно установить наличие в слове звукового жеста, а тем более угадать проявление ощущений первобытного человека.

И та и другая гипотеза более или менее верна только в том отношении, что помогает понять, откуда человек мог черпать материал для образования слов, каковы были источники речи. Но самого возникновения речи они объяснить не могут.

Многие животные способны издавать звуки. От усилия, возбуждения, боли, страха, злобы напрягаются дыхательные и горловые мышцы, и животное испускает писк, визг, шипенье, рев, смотря по тому, какой у него голос, – так же произвольно, как от напряжения других мускулов оно ошестинивается, скалит зубы, машет хвостом или бьет копытом о землю.

Это еще не речь. И из подобных произвольных голосовых движений речь не могла бы создаться.

Но животное не автомат. У него есть инстинкты, память, сообразительность – конечно в узких пределах его несложных потребностей, общих всей породе. У него есть уже нечто вроде семьи и общности – логово, гнездо, рой, стадо, стая. В борьбе за существование – в добычании пищи, в самозащите, в выведении детенышей – это объединение играет огромную роль. Каждая порода вырабатывает здесь собственную тактику, обязательную для всех, свою организацию, свою дисциплину. Поступить иначе, чем прочие члены семьи или стаи, нельзя – непослушание грозит гибелью всему выводку, всему стаду. Вот тут-то, в этом отряде, связанном строжайшей дисциплиной, первичный произвольный крик – непосредственно проявление ощущения – становится средством тактики, орудием управления и воспитания, способом общения. Курица, найдя еду, клохчет от удовольствия – и цыплята бегут к ней. Она беспокойно кудахчет, увидев ястреба – и цыплята врассыпную прячутся кто куда. Если у нее нет цыплят, она не будет клохтать и кудахтать. Произвольный крик жадности или испуга обращается в целесообразный сигнал, призыв, приказ, в стадный акт. Это уже зачатки речи.

Птицы в стае оживленно чирикают – они не сообщают ничего друг другу, но они общаются между собой, – это тоже стадный акт.

У каждой породы животного есть как бы свое «слово» – **муу, мээ, мяу, гав** и так далее. Оно выражает различные чувства, звучит в разных случаях по-разному.

Высшие породы обезьян – наиболее развитые представители животного мира. И потребности, и способности, и поведение их разнообразнее и сложнее. Поэтому и учеба у них дольше. Львенок, волчонок, теленок, щенок уже к двум годам способны к самостоятельному существованию. Обезьянышу нужно для воспитания вдвое больше времени. Поэтому и стадная связь, и организация у обезьян гораздо крепче и развитее, и выражение чувств гораздо богаче и разнообразнее.

Шимпанзе способен плакать и смеяться, дразнить и обижаться, забавляться и скучать, приходить в восторг и в отчаяние, любопытствовать и подражать, усердно заниматься интересующим его делом.

И «словарь» обезьяны значительно больше – уже десятка два различных «слов».

Так, **хагк-кауг-гуаггак** выражает удовольствие или предвкушение удовольствия и связано очевидно с глотательными движениями (у обезьяны «текут слюнки»); **хем-хем** – довольное кряхтенье, особенно при перелетах с дерева на дерево, связанное, вероятно, с замиранием сердца и задержкой дыхания; **кухи-киг-хииг** – смешок радости; **оок-окуг** – испуганное оханье; **превт-превт** – губные звуки, вроде нашего тпру, производимые во время игры; **круг-крууг** – недовольное ворчанье; **кок-кук-хуук** – выражение гнева (с сдавленным горлом и стиснутыми зубами); **куи-и-и** – визг восторга, радостный призыв (ставший в Полинезии окликом вроде нашего **ау!**); **туиввг** – жалобный призыв.

Нужно оговориться, что эти возгласы наблюдались у одиночной обезьяны, несколько прирученной; стадные возгласы обезьяны на воле не изучались. Но конечно их должно быть еще больше.

Но только в человеческой орде подобные зачатки речи могли получить дальнейшее развитие. Все животные, включая обезьян, хорошо приспособлены к окружающей их природе и об-

становке. Каждая порода достигла некоторого специфического совершенства в строении тела (включая и средства нападения и защиты) и в организации накопленных наследственно рефлексов (двигательных реакций на внешние впечатления и воздействия) соответственно условиям ее жизни. Вся деятельность животного сводится к поискам съедобного да подходящих мест, чтобы укрыться от опасности и непогоды (некоторые, впрочем, умеют рыть себе норы и складывать гнезда). Для этой несложной деятельности им достаточно собственных природных средств – лап и челюстей. Поведение животного, его тактика, является поэтому более или менее застывшей системой привычных действий. Рассудок только контролирует ход и связь рефлексов и вмешивается в игру только в случаях, выходящих из рамок обычного и привычного. Напротив, уже для предка человека, обезьяночеловека, условия существования были гораздо менее определенными и обеспеченными. Он вынужден был постоянно спускаться с деревьев на землю в поисках пищи, а может быть и выселяться из леса на открытое место (вероятно предгорное), сочетая в себе, таким образом, лазающее существо с ходящим. Но на земле он оказывался безоружным, беззащитным и беспомощным против сильных и быстрых четвероногих хищников, а лесная наследственная стадная тактика была уже недостаточна в его новых, наземных условиях существования, более разнообразных и переменных. Поэтому весь механизм его поведения должен был естественно все более развивать способности к выбору и комбинированию действий, развивать сообразительность, давшую возможность вырабатывать тактику более свободную, более гибкую, более сложную и универсальную. Это происходило в непосредственной связи с превращением обезьяночеловека из четверорукого животного в двуногое-двурукое: стоячее положение освобождало череп от давления шейных мускулов, давая возможность развитию мозга, освобождало передние лапы, делая их исключительно органом хватания, освобождало тем самым от этой функции рот. Это чрезвычайно расширяло круг деятельности, делало ее многообразнее и сложнее.

Особенно важным стало постоянное использование отдельных элементов природы в качестве орудия. Обезьяна способна при случае схватить сухую ветку, чтобы сбить или зацепить ею орех, или разбить его камнем, – но только, когда ветка или камень налицо, тут же, в одном поле зрения с орехом. И тем менее она способна заpastись палкой или камнем, отправляясь на поиски пищи, – да ей и нечем было бы их держать – лапы ей нужны для передвижения по деревьям, а рот для хватания пищи. Уже обезьяночеловек, ставший преимущественно ходящим существом, освободил передние лапы только для хватания и смог постоянно пользоваться орудием. А применение орудия в свою очередь открывало огромные возможности действия, более разнообразные и более специальные.

Понятно, что для усвоения новой, более сложной и гибкой тактики и специально для усвоения новых навыков нужно было длительное воспитание и более постоянная и тесная связь старших и младших, а это вынуждало к большей оседлости и вело к зачаткам «хозяйства», к рудиментам жилья, к более развитым формам общности. Все это, конечно, влекло за собой и развитие средств общения – жеста и возгласа. Так из обезьяньего стада образуется человеческая орда.

2. Слово-орудие

Крик, возникавший при приближении зверя, был одновременно и проявлением страха и ярости, и возвещением о звере, и призывом спастись. И теперь еще крик «Пожар!» или «Горим!» – оба выражают страх, осведомляют о беде и зовут на помощь. Эти три функции речи присущи ей до сих пор: выражение, называние и сообщение. Выражение – сторона чувственная, исходная; называние – сторона предмета; сообщение – сторона общественная, целевая.

Нетрудно, пожалуй, представить себе развитие речи из первоначальных возгласов-сигналов. Люди издавали, например, особый крик, когда замечали хищного зверя, находясь в безопасности, на деревьях или на скале, но другой – когда они находились на открытом месте; один, когда зверь был далеко, и другой, когда он был близко или направлялся сюда. По-иному кричали, когда в страхе и злобе швыряли в зверя всем, что попадалось под руку, чтобы отбиться от него или отогнать. Но из этого крика мог развиваться и более специальный возглас – с другой, конечно, интонацией, – призывавший, например, бросить чем-нибудь в кусты, чтобы спугнуть притаившегося кролика, или бросать камни в животное, попавшее (или загнанное) в яму. А

дальше, если камней под рукой не было, этот же возглас мог уже при случае означать (в наших словах): «Нужно бросать камни, ищите, собирайте, несите их сюда».

Подобным образом ребенок произносит какое-то гу, гу! и тянется рукой и всем телом к предмету, делая хватательные движения пальцами, – вся обстановка дополняет этот звук, который в другой ситуации может выражать общий интерес, или удивление, или страх, например, при виде кошки или игрушки-медвежонка. Но наступит время, когда ребенок уже будет способен вспомнить о предмете, которого нет налицо. Тут неопределенного гу будет уже недостаточно, если к этому времени оно не сделается связанным именно с этим предметом, как его возможное обозначение.

Понятно, что возгласы могут варьироваться, специализироваться, скрещиваться друг с другом, и таким образом, множиться и складываться в целую систему. Но вопрос не в том.

Возглас, как бы он ни был специализирован, остается связанным с обстановкой момента и обстоятельством, требующим немедленного действия. Он все еще – только практический сигнал, ничем по существу не отличающийся от топанья, которым олень-вожак предупреждает об опасности. Можно вообразить себе такое развитое оленье стадо, в котором выработались сотни подобных топотов-сигналов на всевозможные случаи, целый сигнальный код – и все же это еще не был бы язык, потому что он оставался бы в той же плоскости поведения, прямого ответа на конкретную ситуацию. Он не в состоянии был бы выразить мысли. Посредством него нельзя было бы высказать, что этот сук короче другого, что одно дерево ближе другого, что камни бывают тупые и острые, что сухое дерево лучше горит. Такой сигнальный код оставался бы почти всецело в сфере рефлексов, служил бы только стадной дрессировке, как бы сложна и разнообразна она ни была. Язык же создается суждением и служит сознательному общению.

И вот тут-то ученые, ломавшие голову над происхождением языка, упирались в неизбежный тупик: без мысли не может быть слова. Но и без слова не может быть мышления. И ставить вопрос, что возникло раньше, так же нелепо, как спрашивать, что было прежде: яйцо или курица. Мышление и речь – две стороны единого процесса. Но надо добавить и третью – общественную, без которой невозможно было бы ни мышление, ни речь.

Больше того. Нельзя ставить вопрос и о моменте возникновения этих сторон человеческой культуры в целом, потому что исторически возникновения не было – было постепенное образование человеческого общества из животного стада и неразрывно связанное с этим становление человеческого языка и мышления из животных рефлексов-инстинктов и сигнальных криков.

Но можно ставить вопрос о том, как происходило это становление и что было тут решающим фактором.

Этим фактором был труд. «Труд создал человека», – говорит Ф. Энгельс. «Подлинный труд возникает только с изготовлением орудия». Следовательно, человека создало применение искусственного орудия. Действительно, с этого момента начинается впервые человеческая культура. Человек, оказавшийся безоружным в новой жизненной обстановке, вынужден был искать оружия в самой природе и в результате стал в конце концов ее хозяином.

Это не было, конечно, изобретением гениального ума; человек пришел к нему исподволь, после длительного применения случайных готовых орудий. И, пожалуй, можно даже сказать, что действительно само орудие привело его к этому.

В самом деле, орудование камнями и сучьями было совершенно новым делом для обезьяночеловека, впервые техническим, требовавшим сложного соучастия различных мускульных усилий, особенно кисти и пальцев, в зависимости от формы, размера и веса орудия, для надлежащей хватки и нужного удара. Именно в результате этой технической работы обезьянья лапа превращается в человеческую руку.

Но это не было чисто мускульным развитием. Эти упражнения развивали и верность глаза, и внимание, и согласованную и вместе с тем дифференцированную работу соответственных мозговых центров. Наряду с этим развивалась способность разбираться в различиях разнообразных сучьев и камней, в выгодах и невыгодах их при той или иной обстановке, то есть наблюдение, сравнение, суждение, оценка, так что самые отличия орудий подсказывали руке возможность различного их применения: сучьев – как дубины или копья, мотыги или крюка; булыжника – для метания или разбивания; кремня – чтобы резать или колоть. И орудия соответственно отбираются, и действия, в свою очередь, специализируются уже по их назначению: теперь это не просто каменный кулак, каким являлся булыжник, – кремнем можно было уже колоть и резать,

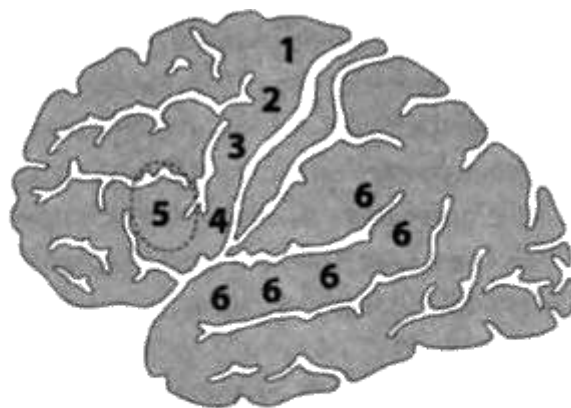
рубить, сверлить, строгать и тереть – ряд технических действий, доступных только вооруженной руке. Так развивалось мышление, в сущности вещественное, техническое, «ручное». Человек мыслит буквально осязательно, следуя свойствам материала и пробам своей руки, усилиям мышц, движениям и расположению пальцев, осязанию. Вес камня, острая грань или конец, округлость или кривизна краев, гладкость и выпуклость поверхности, разница формы и прочие различия и особенности – все осязательно говорило его руке и таким образом наводило, толкало его на испытание, использование их. Культура двигалась преимущественно такими пробами-открытиями, по существу случайными, в большинстве случаев неудачными или неиспользованными. Но те же особенности встречались снова и снова, пробы повторялись, – и открытие, раньше или позже, происходило.

Так самый материал, сама работа, движение руки развивали технику и взращивали мысль. В изготовлении орудий это особенно ясно: осязательные ощущения объема и поверхности, формы и тяжести, усилия удара и нажима, работа кисти руки и пальцев, уже очень специализированные, требовали большей согласованности, напряжения внимания, анализа. Связь работы руки, все более развитой, с развитием мышления, все более отчетливого, несомненна. «Человеческая рука не только орган труда, но и продукт его», – писал Ф. Энгельс. И в такой же мере это можно сказать и о мышлении и о речи.

Замечательна в этом отношении физиологическая связь руки и речи. Действия с орудием – когда человек бросал камень, отламывал сук, наносил удар, – требовали преимущественной работы одной руки. Но работа сильнее сказывается на сердце, и потому человек, инстинктивно оберегая его, действовал преимущественно правой. Так создалась праворукость, особенность чисто человеческая, – у животных, даже у обезьян (на свободе) ее нет, – особенность, создавшаяся, следовательно, в прямой зависимости от орудия. А преимущественное упражнение и усложнение движений правой руки влекло за собой и особое развитие центра управления ими, находящегося в левом полушарии головного мозга.

Но действие с орудием, а тем более работа по изготовлению орудий требовали особого внимания, усиленной и, главное, совсем новой деятельности сознания – ведь эта работа занимала важнейшее место как по объему, так и по жизненному и культурному значению, среди всех прочих, – и вот в левом полушарии мозга преимущественно сосредоточиваются и развиваются центры умственной деятельности. Естественно, что человек, становясь праворукой, и проявлял свои чувства и жестикულიровал больше правой рукой. Центр управления правой рукой и пальцами правой руки, естественно, становился поэтому и центром выразительности. И вот в непосредственном соседстве с этим центром возникает и центр речи. Не с центральным общим управлением движений гортани и языка (находящимся рядом с центром руки), а именно с центром руки связан по возникновению и действию центр речи! Очевидно, что именно упражнения правой руки, кисти и пальцев в работе с орудием и над орудием и создавали человеческую речь – суждение по следам жеста и из материала возгласов разного рода.

Таким образом, центр речи (и связанные с ним сферы умственной деятельности), а затем и центр письма являются культурными новообразованиями, специализированными новостройками на природном строении человеческого мозга. И человек мог бы сказать, что надстроены они буквально его собственной рукой.

1 — нога	5 — центр речи
2 — туловище	6 — центр звуковых образов речи
3 — рука	
4 — гортань, язык, губы	

Но можно сделать и более специфическое предположение. Орудие, создаваемое человеком, было делом его рук, результатом его творчества. Эта работа была высшим видом деятельности человека вообще, самым чтимым и притом наиболее напряженным, наиболее сознательным. Это не могло не иметь огромного значения. Впервые человек мог осознать и оценить свою активность, обособить себя объективно, вещественно.

Это поднимало его на более высокую ступень сознательности и общественности. Наконец, орудие было первой единичной вещью – все прочие предметы в природе были множественны. И по всему этому – отношение человека к созданному им орудю должно было быть совершенно новым и особенным, активным и личным. Естественно, что оно выражалось им по-особенному и в работе над вещью и в пользовании ею.

Это выражение уже не было возгласом-сигналом, как все прочие, которые обращались до сих пор только с призывом к действию, причем самый объект действия был налицо, подразумевался сам собой, – теперь человек обращался как бы к самой вещи.

Не было это и высказыванием личного желания или чувства – человек выражал отношение к вещи. Таким образом впервые в возгласе выражался объект, впервые возглас отрешался от практического назначения сигнала, впервые обозначал представление, понятие, идею. Возглас становился уже обозначением представления и далее наименованием, то есть подлинным словом, знаком понятия.

Конечно, если бы подобные возгласы оставались индивидуальными знаками собственности и именами единичных вещей, то они все-таки не могли бы быть началом человеческой речи. Но человек обрабатывал не один камень, и не один человек этим занимался, и поколение за поколением продолжали этим заниматься. А человек умел уже обобщить свои впечатления. И, самое главное, он работал и мыслил не одиноко, а в тесном кругу коллектива. И вот возгласы, обозначавшие орудия, явились первыми человеческими словами.

Так пробивается стена пресловутого тупика: что было раньше – мысль или речь, понятие или слово? Раньше того и другого было изготовление орудия. Применение орудия привело к изобретению слова-наименования, слова-понятия.

3. Язык и народ

Возгласы, созданные изготовлением орудий, можно назвать «словами» только принципиально: они знаменовали объект. Но это были еще не слова. Это было, конечно, что-то менее определенное, более сложное или, вернее, слитное. У нас теперь это соответствовало бы целой фразе, и даже больше чем одной фразе, потому что в этом возгласе должны были уже заключаться в зародыше – еще нераздельно (как и самый возглас был еще нечленораздельным) все стороны. Ведь и само орудие было для человека и осуществлением технической работы, которой он гордился, и творением, которое он любил, и чудесной вещью, пред которой он благоговел. Но

это было, так или иначе, высказывание о вещи.

В этом смутном, бессвязном, слитном, многозначном «слове» мало-помалу выделяются те или другие, более ясные значения. Сама работа, сам материал вызывал на их сравнение, на выбор, требовал различения и оценки, развивал способность к анализу. Приемы делались отчетливее, разнообразнее, тоньше, приходилось пользоваться и разным материалом, для которого нужно было искать новой техники: сама вещь приобретала разные формы и служила различному употреблению. Соответственно этому дифференцировалось мышление и разграничивались и разнообразились слова. Еще важнее было общее развитие. Орудие было и оружием. Оно делало человека сильнее, мужественнее, увереннее. Оно расширяло круг его деятельности, делало его существование более безопасным, более обеспеченным, открывало ему огромные возможности. В обработке камня человек пришел к умению высекать огонь. Это был новый гигантский шаг, новое мощное средство создания культуры. Человек получил возможность жарить мясо – и от собирательства он переходит к охоте, от случайной и скудной пищи к обильной мясной еде, которую можно было и заготавливать впрок вяленьем и копчением. Огонь упрочивает оседлость. Население умножается. Охота ведет к организации, к власти, к дисциплине, к преобладанию мужчин. Уровень жизни повышается, коллективные связи усложняются и крепнут, сам человек становится сильнее, выше, стройнее, культура обогащается.

Развивается и обогащается с каждым поколением, с каждым этапом материальной и общественной культуры и человеческий опыт и мышление.

Как создавался язык? Это было творчество, подобное поэтическому, ораторскому и научному. Мышление словами сопровождалось первоначально особым напряжением и подъемом. Оно происходило, конечно, громко, вслух. Оно имело важное общественное значение. Вероятно, оно сопровождало значительные действия – уход за огнем, сбор на охоту, изготовление орудий. Оно было как бы публичной речью, но вместе с тем и поэтической песней и магическим заклинанием. Надо думать, что оно совершалось коллективно, в «хоре» своего рода, повторявшем возгласы одного.

Нужно было особое дарование, чтобы вложить в возглас новое, более определенное или более выразительное содержание или создать новую форму слова применительно к моменту. Только особая, значительная, волнующая обстановка могла оправдать создание нового слова и дать ему поддержку. В моменты общего возбуждения – перед общей опасностью, при общей облове, в общей работе, за общей игрой – испускались возгласы, которые подхватывались и повторялись другими.

Только в такой исключительной обстановке, только в таком общем повторении могли быть усвоены многими новая форма и новое значение удачного слова и войти в общее употребление. В эти слова вкладывались опыт бывалого охотника, дарование поэта, авторитет вождя. Они обладали повелительной силой как первоначальные сигналы, обязательные для всех и необходимые для существования орды. Они усваивались как наследие предков, как голос всей орды, как обрядовая формула. В этом – корень могущества слова, которое таится в нем до сих пор.

Наш знаменитый физиолог, академик Павлов говорит: «Слово – многообъемлющий условный раздражитель. Оно связано всем опытом жизни человека со всеми внешними и внутренними раздражениями, оно все их сигнализирует, все их заменяет. Отсюда почти неодолимая сила внушения. Реальное раздражение, например, от сладкого вещества, идущее прямо в соответствующую нервную клетку коры мозга, должно бы быть сильнее, чем раздражение только словом **горький**, однако гипнотизируемому можно внушить сладкий вкус, несмотря на то, что он пробует в действительности горькое».

Столь же внушительна и власть слова как коллективного акта и коллективной идеи – оно организует и направляет общество.

Первобытные люди жили разбросанно и разобщенно, небольшими ордами – какая-нибудь сотня человек на сотни квадратных километров; только на таком пространстве могли они собирать достаточно пищи, чтобы прокормиться. Поэтому развитие речи очень долго – в течение многих веков протекало не единым потоком, а отдельными мелкими струйками.

Известны случаи, когда дети североамериканских индейцев терялись в лесах и вырастали сами по себе. Когда их находили – иногда уже взрослыми – оказывалось, что они создавали себе собственный язык, на основе, конечно, того запаса слов и понятий, который унесли с собой детьми. Нечто подобное происходило и с первобытными ордами, дробившимися и расходивши-

мися по мере размножения.

Конечно, быт этих орд изменялся мало и медленно. Надо думать, что и речь в них различалась не более, чем каменные орудия, которые у них изготовлялись. Но природа и условия жизни не везде были одинаковыми, и естественно, что в иных ордах возникали новые слова, а прежние получали новые значения и формы или забывались. Произношение также могло изменяться. Жизнь была полна случайностей, опасностей и бедствий. Некоторые орды иногда погибали целиком от голода, холода, болезней, другие – могли слиться с соседями. Это были века хаотического, неустойчивого существования речи во множестве отдельных струек.

С переходом к охоте стали возможны – и даже нужны – более многочисленные орды и объединения соседних орд для совместных облав. Быт их, естественно, стал более оседлым, условия жизни улучшились, культура повысилась. Пещеры Испании и Южной Франции были обитаемы в течение ряда веков многочисленным населением, стоявшим уже на довольно высокой ступени культуры. Сохранившиеся до сих пор рисунки (краской) на стенах и сводах пещер и резьба по кости и камню обнаруживают замечательную наблюдательность и зрительную память художников – это подлинное искусство. Оно обнаруживает и развитые религиозные, магические и тотемистические представления. Археологические находки свидетельствуют о крупной охоте, которая требовала большой организации, дисциплины, разделения труда и других важных показателей сравнительно высокого общественного строя. Наверное и в области речи сказывалось это развитие и творческие способности этих древних людей – словарь обогащался, формы умножались, уточнялись, разнообразились.

Но эти охотничьи крупные орды были непрочными объединениями, которые распадались и снова сочетались по-иному в зависимости от изменчивых условий существования. И речевые потоки соответственно то разбивались на мелкие струйки, то вновь сбегались в новые ручьи. При этом, конечно, речь переживала более или менее сильные изменения – то обогащалась новыми словами и формами, то обеднялась, то сменяла одни выражения на другие.

Только когда орда превращается в племя, объединенное родовой связью и общим оседлым хозяйством – с началами скотоводства и земледелия, – возникают уже крупные, более постоянные и стойкие речевые потоки, которые можно по справедливости назвать языками.

Все существующие в настоящее время языки, даже самых отсталых племен – например австралийцев, которых европейцы застали еще на стадии каменного века, – представляют уже вполне развитые системы, сложившиеся в течение длительного, тысячелетнего развития племенного быта. Конечно, чем проще этот быт, тем уже и мельче умственная жизнь и тем ограниченнее язык по своему словарю и грамматическим средствам. Но было бы ошибкой думать, что тем проще и самый язык. Дело обстоит скорее наоборот. Мы, например, говорим: **ты спишь** и **твой сон** и даже **я сплю** и **мой сон**, то есть употребляем разные формы или даже разные слова для выражения принадлежности предмета и состояния. Меланезийцы могут обходиться в этих случаях одной формой, то есть как бы говорят **мой сон** или **мои спать** – глагольные и существительные формы у них не так четко разграничены, как у нас. Но зато принадлежность выражается у них различно, смотря по тому, о какой категории предметов говорится. Так, **лима-ку** значит **моя рука**, **лима-ну**, – это **его рука**, но эти местоименные приставки применяются только к частям тела. Для слов, означающих утварь, берутся другие, например, **его корзина** будет **нонд тапара**, для названий животных опять другие. **Его жена**, **его собака**, **его рана**, **его ловля**, **его сон** опять выражаются по-другому. Оказывается несколько десятков различных слов, имеющих, казалось бы, значение того же местоимения – но для меланезийца это, очевидно, не так. Для него принадлежность собаки далеко не то, что принадлежность жены, а принадлежность ноги не то, что принадлежность сети и так далее. И разве это нелепо? Конечно, отношения в этих случаях очень разные. Но мы обобщили их в отвлеченное понятие **его** или **мое**, а меланезийцы нет, их представления и самые способы мышления остаются предметными, вещественными. И для них они, очевидно, разумнее и удобнее, чем наши.

* * *

Русский язык складывался из племенных наречий, установившихся в эпоху удельной раздробленности Руси. Объединение страны под властью Москвы в XV веке положило начало и объединению языка: московский говор сделался, естественно, официальным языком Москов-

ского государства. Но и до нашего времени еще сохраняются областные говоры – различия произношения, грамматики и словаря, особенно в сельских местностях.

Мы следим преимущественно за историей литературной речи, в особенности за вершинами ее в творчестве поэтов, писателей, публицистов, ораторов. Конечно, великие художники слова – изумительные ювелиры, смелой и тонкой резьбой создающие новые образцы, новые оттенки значений, новые линии и грани словесного мышления. Поколение за поколением шлифует язык и мысль об эти грани. Не только А. С. Пушкин, но и «Слово о полку Игореве» 750-летней древности и даже древнегреческие «Илиада» и «Одиссея», которые еще на 2000 лет древнее, продолжают служить гранильными станками высокой силы для любого языка. Это, конечно, высоты языкового творчества мирового значения. Под их влиянием преобразуется грамматика, семантика, даже словарь. И все же это только вершины. И было бы ошибкой сводить к ним все творчество языка. Как ни высока и ни богата литература, даже наша, русская литература, она все-таки – только верхушка, освещающая и преображающая опять-таки только верхний слой языка. Основной же, глубокий массив представляют областные наречия, местные говоры, живое просторечие городов и деревень. Так было у нас до Октябрьской революции, когда интеллигенция была более или менее оторвана от народных масс, а массы были малограмотны и лишены образования и чтения.

Но история литературы наглядно показывает, как от эпохи к эпохе ширился поток литературной речи, раздвигая узкие берега классового сознания и жесткие фильтры «классического» слова. Н. В. Гоголь после А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова казался грубым, Ф. М. Достоевский рядом с И. С. Тургеневым производил впечатление небрежного. Потом пошли нападки консерваторов, строгих защитников «чистоты» языка на М. Горького, на В. В. Маяковского. Но литература все глубже и глубже вспахивала толщу русского языка. И все же до сих пор наша литературная речь далека еще от полноводности. Как-никак литературная речь – преимущественно речь письменная, связанная традицией и навыками книжной, отвлеченной мысли, сохраняемыми более или менее узкой средой.

Общеобязательная школа и общедоступная печать, развитие общественно-политической сознательности, всеобщее участие в культурной жизни страны приобщают наш народ к литературе. Литература становится общим достоянием. Все становятся причастны культурному творчеству, и язык все более добывается не случайными личными находками самоцветов и не уединенным мастерством ювелиров, а общей разработкой всей толщи драгоценной породы и монументальными национальными сооружениями.

При всеобщем участии народа в культурной и общественной жизни страны, при общеобязательном образовании и общедоступной печати, с каждым поколением, с каждым выпуском школ и вузов, с каждым новым тиражом литературных произведений все более уравнивается городская речь с сельской, стираются резкие отличия местных говоров, создается подлинно единый русский национальный язык.

Любое слово является историко-культурным свидетельством. Наше **перо** указывает, что писали у нас сначала гусиными перьями. **Город** первоначально был огороженным укрепленным убежищем. **Остров** буквально означал сушу среди реки или сухой холм среди болотистой равнины – значит славяне не знали морских островов. **Учитывать, запросы, итоги** – выражения, перенесенные из торговых, денежных кругов, когда буржуазия выдвинулась на место дворянства. **Хватка** появилась из охотничьего жаргона; **ребром, примазаться** – из картежного; **срезаться, провалиться** – из школьного и так далее.

Можно определить в языке слои, отложенные дворянской речью, и позднейшие – демократические, мещанские, крестьянские, пролетарские. Каждая эпоха создает новые слова и накладывает свой отпечаток на старые.

Каждое слово имеет свою историю, и история эта обусловлена историческими событиями, обстоятельствами общественной жизни, фактами культуры и техники. Вместе с тем оно представляет своеобразный человеческий документ, как бы запись в дневнике общественного сознания. В этом смысле П. А. Вяземский называл язык «исповедью народа». С этой точки зрения «толковые словари» – например составленный В. И. Далем более ста лет тому назад или недавно под редакцией проф. Д. Н. Ушакова – представляют отнюдь не сухие справочные пособия, а ценные, глубоко интересные книги. Это хорошо выразил поэт С. Маршак:

На всех словах – события печать.
Они дались не даром человеку.
Читаю: «Век... От века... Вековать...
Век доживать... Бог сыну не дал веку...
Век заедать... Век заживать чужой...»
В словах звучат укор и гнев и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

Полный исторический словарь русского языка, которого у нас до сих пор все еще нет, будет всеобъемлющей энциклопедией, или, вернее, летописью русской мысли и русской жизни с древнейших времен. Это будет истинно та «Голубиная книга», содержащая все знания и всю мудрость, о которой рассказывает известная наша былина:

Долины та книга сорока сажень,
Поперечины та книга двадцати пяти,
Велика та книга Голубиная!..
И все в этой книге написано:
Отчего начался у нас белый свет,
Отчего у нас звезды частые,
Отчего у нас зори ясные?..
Отчего цари зародились,
Отчего и князья с боярами,
Отчего крестьяне православные?
Который у нас город городам мать,
И которая гора всем горам мать,
И какое древо всем древам мать,
И который зверь всем зверям мать?..
Читал ту книгу Иван Богослов,
Читал ту книгу ровно три года,
Прочитал во книге только три листа...

И действительно, бездонно глубок и необъятен мир слова. Каждое слово имеет свою судьбу, и судьба эта множеством нитей связывается с другими словами в каждом из последовательных слоев. И каждое слово своими корнями уходит в глубь истории. Если бы можно было спуститься по всем фазам существования хотя бы одного слова до самого первого его начала, до самого последнего его корня, то мы по этому одному слову могли бы восстановить все развитие языка и понять самое происхождение речи! Больше того, мы могли бы по истории этого слова проследить чуть ли не ход всего общественного и культурного развития человеческой мысли, определив изменения его форм и значений.

Мы не можем этого сделать. Но мы знаем не одно слово, а множество слов, множество языков и умеем уже проследивать историю их за несколько тысяч лет. Это только начало – научное языкознание работает всего полтора столетия. И каждое поколение лингвистов открывает новые явления языка, новые законы развития речи и все шире, глубже и тоньше разбирается в фактах и проникает в природу слова. Книга языка беспредельна, как сам человек и самый мир, но каждый, кто возьмется читать ее, – будучи, конечно, вооружен лингвистическими знаниями и методами, – прочтет ее по-иному, поймет ее лучше, чем предшественники.

Моя небольшая книжка, может быть, побудит к чтению этой великой книги бытия и сознания.

Примечание

Стихи из «Голубиной книги» и из «Песни о Лазаре» цитируются по записям писателя и литературоведа Ю. Н. Тынянова, сделанным им во Пскове в 1912 году.

